

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан

ГОД РОДНЫХ ЯЗЫКОВ
И НАРОДНОГО ЕДИНСТВА
В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

2021

ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА
ТУГАН ТЕЛЛӘР ҖӘМ
ХАЛЫКЛАР БЕРДӘМЛЕГЕ ЕЛЫ

Р.Р. Исхаков

**ПРАВОСЛАВНАЯ ПЕРЕВОДНАЯ
ЛИТЕРАТУРА И ФОРМИРОВАНИЕ
ПИСЬМЕННЫХ ТРАДИЦИЙ
НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
(XIX – начало XX вв.)**

Казань – 2021

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)43
И 91

*Издание осуществлено в рамках
Республиканского плана основных мероприятий
по проведению в 2021 году в Республике Татарстан
Года родных языков и народного единства*

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*

Рецензенты:

доктор филологических наук *Ф.С. Баязитова*
кандидат исторических наук *А.И. Ногманов*

Исхаков Р.Р.

И 91 Православная переводная литература и формирование письменных традиций народов Среднего Поволжья (XIX – начало XX вв.): монография. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. – 276 с., ил.

ISBN 978-5-94981-360-7

Монография посвящена формированию письменных традиций православных тюркских и финно-угорских народов Среднего Поволжья (татар-кряшен, чувашей, мари, удмуртов, мордвы) в XIX – начале XX вв. В работе рассматривается роль православных просветителей в процессе культурной мобилизации народов региона, дается оценка значения их переводческой деятельности в становлении национальной книги.

Рассчитана на ученых-историков, филологов, религиоведов, а также всех, кто интересуется историей народов Среднего Поволжья.

ISBN 978-5-94981-360-7

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)43

© Исхаков Р.Р., 2021
© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021

ВВЕДЕНИЕ

«Мышление народа и все мирозерцание выражается в его родном языке. Кто владеет языком инородцев, тот понимает, хотя бы инстинктивно, мирозерцание их. Кто говорит... на их родном языке, того они легко понимают и могут убеждаться его доказательствами, потому что вместе с[о] словами он употребляет их же элементы мысли. Таким образом, и с гуманной точки зрения учебные и вообще образовательные книги... должны быть изложены и преподаны на их родном языке в подлинном, чистом его виде». Эти слова, высказанные известным казанским просветителем Н.И. Ильминским в 1863 г., не потеряли своей актуальности и сегодня, в условиях новой постимперской политики языковой унификации. Казалось бы, прошло более столетия, сменилось несколько политических формаций, произошла демократизация и вестернизация общественного сознания, но и поныне взгляд на моноязыковое образовательное и культурное пространство как превалирующую форму социального бытия российского полиэтнического общества является определяющей в выстраивании внутренней политики государства. В то же время в истории есть масса примеров, когда именно родной язык выступал основным каналом интеграции в российское культурно-цивилизационное поле. Одним из таких исторических событий, во многом предопределивших ход культурного развития аграрных социумов Среднего Поволжья, стала деятельность казанских православных просветителей второй половины XIX в., осознавших, что лишь с использованием родного языка, при условии создания письменности и широкой переводческой-издательской деятельности можно добиться качественных изменений в культурно-религиозной жизни крещеных нерусских народов. Внедрение в жизнь этой концепции привело к настоящей «культурной революции» в их обществе, способствовало формированию письменной и литературной традиции, а также созданию двуязычной школы.

В рамках данного исследования были рассмотрены создание и внедрение в просветительскую практику методики переводов религиозной и учебной литературы на тюркские и финно-угорские языки народов Среднего Поволжья в XIX – начале XX вв. и

связанные с этим процессы создания письменных графических систем на кириллической основе, книгоиздание и распространение книжной продукции. Переводческая деятельность и переводные издания стали тем необходимым базисом, на основе которых в дальнейшем сложился литературный язык, и была создана национальная книга. Важную роль переводческая деятельность сыграла и в формировании творческой интеллигенции нерусских народов. В ходе работы над переводами у первого поколения «инородческой» интеллигенции вырабатывались необходимые знания о письменном языке, формировались навыки литературной работы. Этим аспектом рассматриваемой темы посвящена первая глава монографии.

В тесной взаимосвязи с переводческо-издательской деятельностью было развитие двуязычной школы, работавшей на основе «системы Н.И. Ильминского». Именно для этих учебных заведений создавались переводные издания, а их педагогический состав принимал активное участие в подготовке новых книг. Таким образом, полноценное функционирование школ было невозможно без переводных изданий, как, впрочем, и создание оных без деятельности этих учебных заведений. В связи с этим, в монографии заметное место уделено проблеме развития образовательных учреждений с двуязычной системой преподавания. Во второй главе книги освещена деятельность учебных заведений построивших свою деятельность на основе системы Ильминского, ставших основными центрами переводческой деятельности, проанализирована постановка образовательного процесса в них, оценен их вклад в развитие грамотности сельского населения, формирование национальной интеллигенции.

«Эпоха эмансипации», начавшаяся в годы Первой русской революции (1905–1907 гг.) привела к пробуждению у представителей нерусских народов Среднего Поволжья национального самосознания, они активно включились в культурную и политическую жизнь страны. В это время, благодаря либерализации политики государства и объявлению «свободы печати», у местных народов сформировались свои органы периодической печати. Если ранее книжная продукция была представлена переводными изданиями преимущественно религиозно-нравственного содержания, то с 1905 г. формируется светское книгоиздание, появляется плеяда талантливых литераторов и журналистов, происходит

Введение

становление национальной литературы. Изучению этих культурных явлений в жизни народов Среднего Поволжья посвящена третья глава исследования.

Книга снабжена приложениями, в которых представлены работы Н.И. Ильминского, раскрывающие методику переводов на тюркские и финно-угорские языки, а также аннотированный каталог кириллических изданий на татарском языке 1862–1914 гг. из фондов Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. На сегодняшний день данный справочник является наиболее полным перечнем изданий, вышедших в дореволюционный период для татар-кряшен.

Данная работа не претендует на полное освещение истории переводческо-издательской деятельности и формирования письменных традиций православных нерусских народов Среднего Поволжья в XIX – начале XX в. Сама эта тема многогранна, и требует работы ученых-гуманитариев разного научного профиля – историков, филологов, литературоведов, культурологов. В представленных очерках дается лишь общий ретроспективный анализ проблемы, который раскрывает процессы, предшествовавшие становлению национальной книги и литературы.

ГЛАВА 1

ПЕРЕВОДНЫЕ ИЗДАНИЯ НА ТЮРКСКИХ И ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Одним из факторов «культурной революции», произошедшей в аграрных сообществах Среднего Поволжья во второй половине XIX в., стало формирование и развитие у православных нерусских народов письменной традиции. Получив свою письменность, они стали полноценными субъектами мировой цивилизации, у них появилась возможность конструировать свою «высокую» культуру, фиксировать «на бумаге» богатство народной лексики и фольклора, развивать национальную литературу. Начальным этапом становления письменности этих народностей стала переводческо-издательская деятельность православных миссионеров. Первыми книгами стали переводы религиозной литературы, выполненные на ненормированном языке на основе отдельных диалектов. Хотя эти переводные труды нельзя в полной мере считать частью национальной литературы, они сыграли исключительно важную роль в становлении татаро-кряшенской, чувашской, марийской, мордовской и удмуртской книги. Деятельность православных просветителей по переводу и изданию книг на тюркские и финно-угорские языки, преследовавших конкретные религиозно-просветительские цели, в то же время способствовала накоплению лексической базы письменного языка, выработке норм, определяющих абстрактную языковую форму, привела к нормализации письменных текстов. Большинство представителей творческой национальной интеллигенции получили первоначальные лингвистические и литературные навыки именно во время работы над переводными работами. Этот опыт сыграл важную роль в их становлении как деятелей зарождающейся литературы.

Основным центром, где разрабатывались методики транслитерации и передачи текстов на тюркские и финно-угорские языки, были составлены и внедрены алфавиты на основе кирилличес-

ской графической системы «бесписьменных» народов Среднего Поволжья, была Казань. Являясь точкой соприкосновения различных религий и культур, город аккумулировал в себе наиболее передовые для своего времени подходы в области просветительской и миссионерской деятельности, здесь были созданы крупнейшие в Восточной России миссионерские и научно-образовательные институты. Роль Казани как важнейшего просветительского центра Среднего Поволжья усиливается в пореформенный период, когда здесь создается и внедряется в практику принципиально новая для России концепция «духовного обрусения инородцев» Н.И. Ильминского. Появление новой просветительской идеологии именно в Казани, во многом стало возможным благодаря тому, что к этому времени здесь на базе Казанского университета и Казанской духовной академии (КазДА) сложились самоходные школы изучения языка и культуры тюркских и финно-угорских народов России. Накопленные востоковедческие знания, а также практический опыт просветительской деятельности стали тем необходимым фундаментом, на котором была построена и реализована концепция Н.И. Ильминского.

В ходе своего знакомства с прежней постановкой проповеднической деятельности, изучения жизни и религиозных верований нерусских народов, Н.И. Ильминский пришел к выводу о необходимости кардинальных изменений в сфере миссионерского движения Русской православной церкви (РПЦ). В ряде своих работ¹ он высказал принципиально новые взгляды на задачи православной миссии, получившие поддержку руководства страны. Основной идеей Н.И. Ильминского был отказ от жесткой привязки христианизации к этнической унификации. Во многом по причине боязни потерять свое культурное и этническое своеобразие, традиционный уклад жизни, с восприятием «русской» веры, православие вплоть до 1860 г. так и не смогло стать «своей» религиозной традицией для большинства крещеных нерусских народов региона. Понимая это, Н.И. Ильминский предложил идею «этни-

¹ Христианское просвещение и религиозные движения (реисламизация) крещеных татар в XIX – начале XX вв. Сборник материалов и документов / сост., авт. вступительной статьи, примечаний, научно-справочного аппарата Р.Р. Исхаков. Казань, 2011. С.71–115, 118–165, 170–174.

зации» православия, гармоничного встраивания христианства в культуру и мировоззрение местного населения, без коренной ломки их этнокультурного поля. Подчеркивая эту идею, он писал в одной из своих ранних работ: «Надо всегда внушать татарам (имеются в виду крещенные татары – *Р.И.*), что наша вера отнюдь не посягает на их народность; что она не русская, а всемирная, святая, Христова»². Решение сложных миссионерско-просветительских задач Ильминский считал возможным только на основе родного языка. «Кто говорит с инородцем на их родном языке, – писал он, – того они легко понимают и могут убеждаться его доказательствами, потому что вместе со словами он употребляет их же элементы мысли»³.

Переводы и издание религиозных текстов являлись базисом системы, необходимым условием для развития новых подходов в христианско-просветительской деятельности среди народов Среднего Поволжья. Ильминский особо подчеркивал, что глубокое проникновение христианства в сознание народа было возможно лишь при условии, когда «инородцы» начали бы понимать его внутреннее содержание. Для этого было необходимо сделать доступным богослужение, перевести его на понятный для прихожан язык. Для совершения богослужения Н.И. Ильминским была разработана методика транслитерации православных текстов на тюркские и финно-угорские языки. Хотя практика переводов религиозной литературы с использованием кириллицы на языки нерусских народов была не нова и занимала важное место в истории православного проповедничества, восходившего к традиции Стефана Великопермского, именно Н.И. Ильминскому удалось создать научно-методическую базу для создания новых алфавитов «бесписьменных» народов и переводов православных богослужебных книг на эти языки. Принципы, которые были положены в основу переводов – в этимологическом и синтаксическом отношении следовать законам народной речи, использовать русские слова для обозначения собственных имен, употреблять русские буквы при обозначении звуков языка – стали теоретической основой деятельности казанских просветителей. Опыт трансли-

² Христианское просвещение и религиозные движения... С.142.

³ Там же.

терации татарского языка на основе русского алфавита, первоначально задумывавшегося Н.И. Ильминским с чисто утилитарными целями, в дальнейшем был распространен на языки других коренных народов Поволжья и Сибири, стал, по мнению канадского исследователя У. Доулера, не только основой языковой политики российского правительства в восточных пределах государства, но и предтечей аналогичной политики в других европейских империях⁴.

Для централизованной работы по составлению переводов, их издания и распространения среди сельского населения, в пореформенный период в Казани создается Переводческая комиссия Православного миссионерского общества при Братстве св. Гурия (ПК ПМО). Благодаря ее деятельности, во второй половине XIX в. на чувашском, татарском, удмуртском, марийском, мордовских языках увидели свет сотни переводных изданий, использовавшихся в образовательной и религиозно-просветительской деятельности, сформировалась плеяда талантливых переводчиков и языковедов. Сложно переоценить роль этих переводных изданий в культурной мобилизации крещеных нерусских народов. Благодаря этим книгам, среди сельских жителей получила широкое распространение грамотность, они смогли познакомиться с истинами христианского вероучения на родном языке. Переводческо-издательская деятельность нескольких поколений православных просветителей создала предпосылки для качественных изменений в письменной традиции крещеных нерусских народов, появления у них в начале XX в. светской художественной литературы и периодической печати.

⁴ *Dowler W. Classroom and Empire: The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities. 1860–1917. Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press, 2000. P.153–154.*

1.1. Издания для татар-кряшен

В Среднем Поволжье первые попытки переводов православных молитв на языки нерусских народов были предприняты во второй половине XVI в. – начале XVII в., когда вследствие покорения Казанского ханства и учреждения Казанской епархии активизировалась деятельность по распространению христианских идей среди местных народов. В исторических источниках агиографических произведениях встречается информация об использовании татарского языка в православных проповедях⁵. В период служения первого казанского архипастыря активной миссионерской деятельностью среди татар занимался архимандрит Спасо-Преображенского монастыря Варсонофий, который провел в молодости несколько лет в Крыму, где изучал язык и быт местного татарского населения⁶.

Но планомерная работа по переводу и изданию христианских книг на татарский язык начинает вестись лишь в XIX в. – в эпоху царствования Александра I. В это время в Казани формируется два крупных востоковедческих центра, сыгравших важную роль в развитии тюркологии в России – Казанский университет и КазДА (старая). Особая роль Казани, являвшейся административным и культурным центром Восточной России, способствовала созданию здесь научных и учебных заведений, готовивших специалистов в области сравнительной филологии и востоковедения. Для духовного ведомства исключительно важным было налаживание системы подготовки квалифицированных кадров православного духовенства и миссионеров, обладавших знанием языков нерусских народов края. Именно этим было продиктовано решение об учреждении в 1800 г. в стенах КазДА класса (кафедры) татарского

⁵ *Можаровский А.Ф.* Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 год. М., 1880. С.21–22.

⁶ *Богословский Г.* Краткий исторический очерк Казанской епархии с приложением биографических сведений о казанских архипастырях. Казань, 1896. С.12.

языка⁷. Для его преподавания был приглашен священник с. Сунтуры Царевококшайского уезда Казанской губернии Александр Александрович Троянский. Во время работы в КазДА А. Троянский заявил о себе не только как о талантливом педагоге, но и как о серьезном ученом-востоковеде. Его перу принадлежат два исследования по татарской лексики, ставших основными учебными пособиями для студентов синодальных учебных заведений, изучавших татарский язык, – «Краткая татарская грамматика» (1814)⁸, двухтомный «Словарь татарского языка и некоторых употребительных в нем речений арабских и персидских» (1822)⁹.

Естественным результатом появления нового миссионерского и научного института в КазДА стало оживление деятельности по переводам православных богослужебных книг на татарский язык. Вследствие отпадений в ислам новокрещеных татар в Нижегородской губернии в 1802–1803 гг. синодальным указом от 22 января 1803 г. духовенству Поволжских и Сибирских епархий было предписано перевести на татарский язык краткий катехизис, символ веры, десятословие и некоторые другие православные молитвы. После сопоставления присланных текстов было решено напечатать переводы, сделанные в КазДА¹⁰. Этот труд был более удачным, чем остальные, чему в немалой степени способствовало участие в переводческой деятельности учителя татарского языка Казанской гимназии Исхака Хальфина¹¹. Отдельным изданием работа вышла в 1805 г. в Московской синодальной типографии. Весь тираж был бесплатно разослан в Казанскую, Оренбургскую, Тамбовскую, Нижегородскую, Вятскую, Иркутскую, Пермскую и Астраханскую епархии для раздачи православному духовенству

⁷ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи (ПСПр). Т. I. №472. С.587.

⁸ *Покровский И.* К столетию кафедры татарского языка в духовно-учебных заведениях г. Казани (1800–1900 г.) // Православный собеседник. 1900. Ч.1. С.584.

⁹ ГА РТ. Ф.11. Оп.1. Д.102. Л.472–475.

¹⁰ *Прокопьев И.П.* Переводы христианских книг на инородческие языки в первой половине XIX века. (Исторический очерк). Казань, 1904. С.6.

¹¹ *Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия / сост. Н.И. Ильминский.* Казань, 1883. С.170.

крещено-татарских приходов, которые должны были использовать эти переводы во время проведения богослужения¹².

Данное издание имело несколько характерных особенностей, отличавших ее от всех последующих переводов. Здесь была осуществлена транслитерация татарского текста на кириллический (церковнославянский) алфавит. Хотя первоначально предполагалось издание переводов параллельно на двух алфавитах – кириллическом и арабском, в соответствии с рукописным текстом, присланным из Казани, в связи с отсутствием в синодальной типографии арабских шрифтов и наборщиков, умеющих работать с ними, было решено издать работу исключительно на церковнославянской графике. Как и любой сложный научный труд, осуществленный впервые, не опиравшийся на сложившуюся традицию, данный перевод обладал рядом недостатков. Наиболее существенным из них можно считать несовершенство терминологического аппарата, приводивших к неточностям и искажениям. Переводчиками был избран способ буквального переложения, при котором первоначальный русский текст разбивался на отдельные слова или краткие выражения, после чего переводился на татарский язык и соединялся в отдельные предложения. При этом часто игнорировались фонетические особенности татарского языка, вследствие чего перевод становился сложным для восприятия, а в ряде случаев непонятным для читателя. При переложении текстов с арабского на церковнославянский алфавит, в связи с отсутствием опыта, переводчики были вынуждены полагаться в большей степени на свою интуицию и слух, нежели на синтаксис. В связи с этим у читателя могли возникнуть недоумения в трактовке смысла и значения отдельных слов и выражений.

Сам этот перевод был выполнен на «книжном турецко-татарском языке», базировавшемся на «высокой» мусульманской литературной традиции. Текст был испещрен многочисленными арабскими и персидскими заимствованиями, понятными лишь для узкого круга татарских интеллектуалов и мусульманских духовных лиц. В связи с отсутствием в татарском языке терминов, обозначающих христианские понятия, переводчикам пришлось использо-

¹² Каримуллин А. Татарская книга пореформенной России. Казань, 1983. С.236–237.

вать слова из мусульманского вероучения. При этом не было обращено должного внимания на корректность их применения. Например, в переводах при обозначении слов «крещение», «крещеный» применялся арабский термин «мюртяд», имевший в мусульманской традиции ярко выраженный негативный оттенок, применявшийся у татар-мусульман в смысле «нечестивец», «безбожник».

Можно вполне согласиться с мнением известного тюрколога и православного миссионера Н.И. Ильминского, отметившего, что этот перевод оказался малопонятным: «... не говоря об общем магометанском направлении его, он представляет из себя как бы черновую работу, далеко не получившую окончательной отделки, где, наряду с несколькими удачными проблесками мысли и понимания, встречаются поразительные промахи или переложения наобум. Таким образом, мысль – составить книгу, которая бы действительно служила для обучения православно-христианскому закону новопросвещающихся св. крещением татар, – осталась не осуществленной»¹³. Тем не менее, нельзя полностью отрицать его значения в выработке методики переводов православной духовной литературы. Этот первый неудачный опыт послужил отправной точкой для последующей работы в этом направлении.

Наряду с синодальными духовными учебными заведениями, попытки переводов христианских вероучительных книг на языки нерусских народов Казанского края в первой четверти XIX в. предпринимались Российским библейским обществом (РБО), учрежденным в 1812 г. в Санкт-Петербурге английским миссионером Патерином как один из филиалов Британского библейского общества¹⁴. В результате активного лоббирования интересов общества в высших государственных сферах деятельность РБО в короткий срок распространилась на всю территорию империи. К 1826 г. общая цифра изданий одной только Библии и отдельных ее частей на более чем 40 языках доходила до 900 тысяч экземпляров¹⁵.

¹³ *Опыты переложения...* С.170.

¹⁴ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-2). Т.XXII. № 25287.

¹⁵ *Руновский Н.* Очерк истории христианского просвещения инородцев Волжско-Камского края в связи с историей переводов на их языки до

20 января 1818 г. открылось казанское отделение РБО. Специфика Казани, как административного центра полиэтнического региона, сказалась на основных направлениях деятельности местного отделения. Если Петербургский и Московский комитеты стали центрами печати и распространения русских переводов, то Казань – переводов и изданий Библии на языках тюркских и финно-угорских народов. Располагая значительными финансовыми средствами и поддержкой власти, казанскому отделению в короткий срок удалось перевести на местные языки ряд христианских вероучительных книг.

Лишь с переводами на татарский язык возникли определенные трудности. Руководство РБО решило отказаться от услуг казанских переводчиков, поручив выполнение этой работы деятелям шотландской протестантской миссии в Астрахани. В дореволюционной историографии нет единого мнения о причинах этого решения. Так, священник К. Прокопьев, автор статьи «Переводы христианских книг на инородческие языки в первой половине XIX в.», придерживался точки зрения, что библиисты «не сочли удобным» возложить этот труд на А. Троянского, обремененного обязанностями по преподаванию татарского языка в синодальных учебных заведениях Казани¹⁶. Несколько иная точка зрения представлена в работах самих деятелей общества, отмечавших, что представленные казанскими миссионерами переводы не были отпечатаны в связи с их низким качеством¹⁷. Возможно, имели место и другие причины, связанные с внутренней конъюнктурой в РБО, большим влиянием в нем протестантских миссионеров, фактически курировавших переводы на тюркские языки. Таким образом, казанскому отделению пришлось воспользоваться переводами, сделанными в 1820 г. в Астрахани шотландскими миссионерами Митчеллом и Нормандом при участии учителя мест-

половины XIX столетия // Симбирские епархиальные ведомости. 1901. №12. С.418.

¹⁶ Прокопьев К. Указ. соч. С.14.

¹⁷ Российское Библейское общество // Христианские чтения. 1872. Ч.1 С.449–453.

ной духовной семинарии о. Лебедева¹⁸. Всего было отпечатано на «татарско-турецком и татаро-оренбургском наречии» десять тысяч экземпляров Нового Завета¹⁹.

Несмотря на активное распространение этого издания Евангелия среди татар, оно не находило благодарного читателя. С трудом библиистам удалось, большей частью бесплатно, раздать около 200 экземпляров Нового Завета на татарском языке²⁰. Но даже эти книги преимущественно приобретались «русскими светскими лицами, поставленными в близкое соприкосновение с ними (татарами. – *Р.И.*)»²¹.

Результаты деятельности РБО не имели того эффекта, на который рассчитывали библиисты. Главное, не была выполнена основная цель, для которой проводилась большая работа, создавалось само казанское отделение – позволить представителям местных народов познакомиться с истинами христианского вероучения на родном языке. Говоря о татарских изданиях, необходимо отметить, что они обладали теми же недостатками, что и прежние переводы. Сложность восприятия литературного языка, множество арабизмов и персизмов в тексте делали их непонятными для обывателей²².

Воссоздание в 1842 г. КазДА и учреждение при ней кафедры татарского языка (1844 г.) и миссионерских отделений (1854 г.) позволили более активно использовать ее научный потенциал для продвижения христианских идей среди местных нерусских народов. Для утверждения в православии крещеных татар обер-прокурор Св. Синода А.Н. Протасов 5 февраля 1847 г. предписал правлению КазДА подготовить переводы книг, необходимых для

¹⁸ *Знаменский П.В.* На память о Н.И. Ильминском. К двадцатипятилетию Братства святителя Гурия. Казань, 1892. С.33–34.

¹⁹ *Малов Е.А.* Православная противомусульманская миссия в Казанском крае в связи с историей мусульманства в первой половине XIX в. // *Православный собеседник.* 1868. Ч.1. С.238.

²⁰ ГА РТ. Ф.10. Оп. 2. Д.1134. Л.40 об.

²¹ Там же. Л.41 об.

²² *Григорьев А.Н.* Христианизация нерусских народностей как один из методов национальной политики царизма в Татарии. Со второй половины XVI в. до февраля 1918 года // *Материалы по истории Татарии:* сб. ст. Казань, 1948. С.258.

проведения христианского богослужения на татарском языке²³. Для этой цели при академии был организован специальный Переводческий комитет, в состав которого вошли ректор КазДА архимандрит Григорий, профессор Казанского университета А.К. Казем-Бек, бакалавры академии Н.И. Ильминский и Г.С. Саблуков²⁴. Комитет поставил перед собой амбициозную задачу по переводу всего комплекса необходимой православной богослужебной литературы для проведения полноценной церковной службы на татарском языке. Огромный объем работы, отсутствие в татарском языке понятий, характерных для православной традиции, предполагали значительные трудности при переводах. Несмотря на эти затруднения, в течение десяти лет Переводческим комитетом были переведены «Деяние Апостолов» (1852 г.)²⁵, «Новый Завет» (1855 г.)²⁶, «Литургия Иоанна Златоуста с Чином Обедницы» (1850 г.)²⁷, «Часослов» (1852 г.)²⁸, «Псалтырь» (1862 г.)²⁹.

В отличие от прежних попыток новые переводы обладали несомненными преимуществами. Безусловно, большая роль в этом принадлежала Н.И. Ильминскому и Г.С. Саблукову, которые после отъезда в 1850 г. А.К. Казем-Бека в Санкт-Петербург, стали главными деятелями Переводческого комитета. Уже в начале 1850-х гг. своими научными изысканиями они заявили о себе как о серьезных ученых-востоковедах, основателях новой миссионерской школы ориентализма. Эти труды сыграли заметную роль в выработке научной методики перевода миссионерской литературы на татарский язык. О высоком уровне этих работ может свидетельствовать тот факт, что вплоть до начала XX в. они оставались основными учебными пособиями студентов изучавших татарский язык в КазДА, Миссионерском приюте и на Миссионерских курсах в Казани. Но при этом, как и прежние переводы, они

²³ ГА РТ. Ф.10. Оп.1. Д.661. Л.1–2.

²⁴ ГА РТ. Ф.10. Оп.1. Д.661. Л.32.

²⁵ ГА РТ. Ф.10. Оп.1. Д.992.

²⁶ Знаменский П.В. О татарских переводах христианских книг // Отдельный оттиск без библиографических данных. Казань, 1894. С.243.

²⁷ ГА РТ. Ф.10. Оп.1. Д.822

²⁸ ГА РТ. Ф.10. Оп.1. Д.1185.

²⁹ Знаменский П.В. Указ. соч. С.243.

обладали целым рядом недостатков. Главным из них, по мнению самих миссионеров-переводчиков, была сложность восприятия текстов крещеными татарами, для которых в первую очередь они и были предназначены. В ходе своего путешествия по татарским селениям, совершенного в 1856 г. с целью апробации переведенных на татарский язык Литургии и Часослова, Н.И. Ильминский был вынужден признать, «что перевод этот весьма маловразумителен. Арабские и персидские слова и выражения, которыми он преисполнен и загроможден, частью совершенно неизвестны крещеным татарам»³⁰. Кроме того, некоторые слова из исламского вероучения, использованные в текстах, употреблялись крещеными татарами в особом значении, что приводило к искажениям смысла новозаветных текстов и молитв. Например, «под словом шариат – закон, – они разумеют закон магометанский, а потому наше шириатсиз – беззаконник, – будет для них означать нарушителя мусульманского закона, следов[ательно], всякого христианина, всякого крещеного; и потому молитва: «прости, Господи, беззакония наши» будет значить: «прости нам, что мы бросили мусульманство (следовательно, это грешно?)»³¹. Подводя итог своим наблюдениям, Н.И. Ильминский констатировал: «Перевод наш понятен и может нравиться только муллам, потому что сделан на языке, употребляемом между учеными мусульманами и слишком омусульмизирован. Крещеные татары, чтобы понимать наш перевод, должны идти к мулле учиться языку его. Если бы даже удалось им этого достигнуть при помощи знающего по-арабски русского, и тогда было бы не невредно, ибо это открыло бы крещеным язык мусульманских книг, которые во множестве печатаются в казанских типографиях и продаются большею частью по весьма дешевой цене»³².

Несмотря на большую и кропотливую работу нескольких поколений миссионеров-переводчиков, в первой половине XIX в. не

³⁰ Христианское просвещение и религиозные движения (реисламизация) крещеных татар в XIX – начале XX вв. Сборник материалов и документов / сост., авт. вступительной статьи, примечаний, научно-справочного аппарата Р.Р. Исхаков. Казань, 2011. С.157.

³¹ Там же.

³² Там же.

удалось создать христианские тексты, которые можно было бы использовать в православном богослужении на татарском языке, проповеднической деятельности среди татар-кряшен. По целому ряду причин сделанные переводы оказались невостребованными как крещеными татарами, так и православным духовенством. Несмотря на это, необходимо отметить важную роль данной работы для разработки методики переводческой деятельности в последующее время. Путем проб и ошибок постепенно выработывалась методика передачи церковнославянских текстов, исправлялись прежние огрехи и неточности. Во многом благодаря этому во второй половине XIX в. стало возможным создание новых переводов на татарском языке на основе кириллического алфавита, положивших начало созданию церковно-кряшенской письменной традиции, совершению православного богослужения на татарском языке.

Неудовлетворительные результаты переводческой деятельности привели православных миссионеров к пониманию необходимости кардинального пересмотра методов передачи христианских текстов на татарский язык. Этот вопрос имел тесную связь с другими важными идеями в области религиозно-просветительской деятельности. Представители нового зарождающегося реформаторского направления осознали невозможность донести истины православного вероучения на родном языке без развития грамотности населения, создания системы начального образования на основе двуязычной системы обучения. Менялись и основные приоритеты – переводы должны были создаваться не для всех без исключения татар, а в первую очередь для лиц, официально считавшихся православными.

Серьезным вызовом для переводчиков стала выработка новой эффективной методики переложения текстов. Она была тесно связана с вопросом: на какой литературно-языковой основе делать новые переводы? Прежний опыт наглядно свидетельствовал о сложности использования сложившейся к тому времени татаро-мусульманской книжной традиции. Созданные на ее основе православные тексты страдали рядом недостатков, главным из которых была сложность их понимания татарами-кряшенами. Альтернативой могло стать использование народного татарского

разговорного языка, имевшего мало общего со сложным испещренным иноязычными заимствованиями языком татарской «высокой» культуры. Впервые эта идея была сформулирована в 1856 г. Н.И. Ильминским. В своем отчете казанскому архиепископу Григорию (Постникову) он писал по этому поводу: «В последнее время я возымел мысль, а в настоящую поездку убедился, что систему переводов должно совершенно изменить, именно на следующих основаниях: должно переводить на язык, по возможности, совершенно понятный для крещеных татар. Для этого должно на первый раз не чуждаться перифраз и некоторых опущений (если, напр., подлинник представит несколько синонимических слов), лишь бы главная мысль выражалась определенно и ясно»³³. Само «упрощение» языка переводов было продиктовано несколькими основными причинами. Н.И. Ильминский и его последователи считали, что передача смысла христианского вероучения, его восприятие во всех тонкостях возможны лишь на родном, понятном для народа языке, так как язык является основой мироощущения человека, через который он знакомился с окружающим миром. Народный язык, являясь продуктом сознания, отражал уровень развития общества, был, по выражению Ильминского «мерой инородческого разумения». Соответственно лишь на нем, простыми, понятными словами, избегая использования внешних искусственных форм возможно было выразить православное вероучение так, чтобы оно стало доступно для основной части населения. «Мы берем слова – писал Ильминский в 1870 г., – как привычные и общеупотребительные представители понятий, так чтобы с прикосновением к слуху крещеного татарина они сейчас же возбуждали в его мысли определенное представление и в сердце – определенное движение. Таковую совершенно непосредственную близость к мысли и чувству имеют только общеупотребительные в народе слова»³⁴. Переход от средневековой книжной схоластической традиции, на разговорный язык, с

³³ Христианское просвещение и религиозные движения... С.157.

³⁴ *Ильминский Н.И.* О переводе православных христианских книг на татарский язык при христианско-татарской школе в Казани // О переводе православных христианских книг на инородческие языки. Практические замечания Н. Ильминского. Казань, 1875. С.31.

использованием диалектных особенностей языка и формированием на ее основе новой литературной традиции, соответствовал веяниям времени и отражал общую тенденцию для тюркоязычных народов России. Выразителями этих идей были такие видные реформаторы, как Каюм Насыри у татар-мусульман, Ибрагим Алтынсарин у казахов.

Отмечая отсутствие в татарском языке терминов для обозначения христианских понятий, Н.И. Ильминский предлагал использовать для их написания слова из русского, а не арабского языка, как это делалось ранее. Наряду с практическими резонами автор придавал важное идеологическое значение использованию русских слов: «Русское слово, употребленное в переводе, послужит к сближению с русскими, с православием»³⁵.

Другим важным вопросом, поставленным Н.И. Ильминским, стало использование в переводах вместо арабского шрифта алфавита на основе кириллицы. Признавая несовершенство арабской письменности для обозначения звуков татарского языка, особенно гласных, он считал, что «русский алфавит с некоторым приспособлением лучше способен выразить татарские звуки и определительнее»³⁶. В связи с оторванностью кряшен от татаро-мусульманской культуры и незнанием их арабской графической системы переход на новый алфавит не должен был привести к существенным проблемам. Напротив, благодаря развитию начальных приходских школ Министерства государственных имуществ к середине XIX в. среди молодого поколения кряшен появляется небольшая прослойка деревенских «грамотеев», знавших русскую письменность, которые могли легко научиться читать новые переводы и стать проводниками религиозных идей, почерпнутых из этих книг.

Первые опыты, сделанные во время путешествия, убедили Ильминского в верности избранного пути. В с. Чура Мамадышского уезда Казанской губернии ему удалось пообщаться с учеником местного приходского училища. «В разговоре с этим юношей я карандашом написал строки две-три на простом, сколько я мог, татарском языке... и дал ему прочесть. Он совершенно свободно и

³⁵ Христианское просвещение и религиозные движения... С.157.

³⁶ Там же. С.158.

скоро прочитал эти строки и, к моему изумлению, весьма удачно и самостоятельно поправил некоторые выражения. Это случайное обстоятельство внушило мне мысль о необходимости русской азбуки для наших татарских переводов и веру в способность именно крещеных татар быть пособниками и деятелями в этом миссионерском деле»³⁷.

Важность использования русского алфавита была связана еще и с тем, что в дальнейшем, с развитием религиозно-просветительского движения он должен был стать не только языком православных переводов, но и основой письменной традиции и школьного обучения. В этой ситуации использование и культивирование арабской письменности в условиях тесной переплетенности культуры и конфессиональной идентичности у татар, в глазах миссионеров, таили в себе угрозу их исламизации и отхода от православия. Развивая эту мысль, Н.И. Ильминский писал в 1858 г.: «Чтобы совершенно прервать связь между татарами христианами и магометанством, самый алфавит в переводах должно употреблять русский с применением к татарским звукам. Это нужно по следующим причинам: 1) алфавит всегда принимался с верою. Так, Западная Европа приняла от латинской церкви латинский алфавит; мы употребляем алфавит греческий; точно так татары, подобно всем мусульманским народам, приняли... алфавит арабский. Таким образом, он составляет как бы узы, связующие татар с магометанством. 2) Для крещеных татар знание арабско-татарской грамоты может быть вредно потому, что открыло бы им ключ к разумению магометанских книг»³⁸.

Важным нововведением стало использование в качестве переводчиков наряду с профессиональными учеными-лингвистами природных носителей языка, которые должны были корректировать тексты, устранять из них все неточности, которые могли быть неправильно поняты читателем. Н.И. Ильминский справедливо полагал, что лишь природный носитель языка, для которого он являлся составной частью этнокультурного сознания и мышления, мог в совершенстве изложить суть христианских идей в тексте.

³⁷ Цит. по: *Знаменский П.* На память о Николае Ивановиче Ильминском. К двадцатипятилетию Братства святителя Гурия. Казань, 1892. С.114.

³⁸ ГА РТ. Ф.10. Оп.1. Д.1655. Л.17.

Как признавался позднее сам миссионер-просветитель, прекрасно владевший татарским языком, долгие годы преподававший его студентам Казанского университета, КазДА и Казанской учительской семинарии, «хотя давно уже занимаюсь татарскими переводами и могу делать их довольно скоро, но доселе не решаюсь, да и впредь не намерен рисковать – пускать в ход свои переводы без предварительной проверки их чрез природных, крещеных татар»³⁹. Таким образом, перевод должен был стать продуктом коллективных усилий ученого и носителя языка. Первый своей научной подготовкой и опытом должен был направлять усилия второго. Лишь при этих условиях, по мнению Ильминского, можно было добиться качественно нового результата при переводах.

Вскоре случай свел Ильминского с таким помощником-переводчиком, ставшим на долгие годы его ближайшим сотрудником, сподвижником и проводником его идей в области религиозного и школьного просвещения. В 1857 г. через своего близкого друга и коллегу Г.С. Саблукова Ильминский узнает о молодом послушнике, поселившемся в Казанском Иоановском монастыре В.Т. Тимофеева, происходившем из крестьян дер. Никифорово Мамадышского уезда Казанской губернии. Их знакомство и начало сотрудничества стали отправной точкой становления новой системы переводов и составления кириллических алфавитов «безписьменных» народов Восточной России. Благодаря помощи Тимофеева Ильминский начинает реализовывать свои идеи на практике. Он делает первые опыты переводов на татарском языке, разрабатывает проект по созданию специального учебного заведения для кряшен во главе с Тимофеевым, где эти переводы должны были использоваться в качестве учебных пособий⁴⁰.

Но полностью реализовать свой проект Ильминскому в это время не удастся. В 1859 г. из-за конфликта с новым ректором КазДА епископом Иоанном (Соколовым) (1818–1869) он был вынужден покинуть Казань и поступить на службу в Оренбургскую пограничную комиссию, члены которой занимались в это время разработкой системы административного устройства Казахской степи.

³⁹ ГА РТ. Ф.968. Оп.1. Д.14. Л.18.

⁴⁰ Христианское просвещение и религиозные движения... С.171.

На новом месте работы Ильминский продолжает свои научные изыскания в области сравнительной тюркологии. Здесь он начинает составлять киргизский алфавит на основе кириллицы, записывает произведения казахского народного творчества. Результатом этой работы стала подготовка «Материалов для изучения киргизского языка» и «Самоучителя русского языка для киргизов», в которых автор впервые использовал алфавит на основе кириллицы для обозначения казахских слов. Несмотря на целый ряд недостатков транслитерации, этот опыт был высоко оценен научной общественностью, стал впоследствии основой первого татарского кириллического алфавита, созданного им для кряшен⁴¹. Другим важным результатом его пребывания в Оренбурге стало знакомство и научное сотрудничество с известным востоковедом, академиком В.В. Григорьевым, возглавлявшем Оренбургскую комиссию. Прекрасный знаток тюркских наречий, обладавший глубокими академическими знаниями в области востоковедения, В. Григорьев оказал большое влияние на молодого ученого, помог в его становлении как серьезного тюрколога. Опыт общения с маститым ученым, как вспоминал Ильминский, помог ему в осмыслении внутренних законов тюркских языков, воспитал в нем любовь к народному языку⁴².

В конце 1861 г. Н.И. Ильминский возвращается в Казань, где возглавляет кафедру тюркских языков Казанского университета⁴³. В 1862 г., во время летних каникул, ученый едет в Мамадышский уезд, в родную деревню Тимофеева, куда тот был вынужден вернуться после отъезда Ильминского в Оренбург. Здесь, в приходском селе Тавели, он совместно с Тимофеевым заканчивает работу над первой книгой, выполненной на основе новой методики под названием «Букварь, краткая священная история, сокращенный катехизис, нравоучения и молитвы, изложенные для

⁴¹ Григорьев В. О передаче звуков киргизского языка буквами русской азбуки (Письмо к Н.И. Ильминскому) // Отдельный оттиск из Ученых записок Императорского Казанского университета за 1862 г. Казань, 1862. С.2–12.

⁴² См.: Ильминский Н. Воспоминания об И.А. Алтынсарине. Казань, 1891. С.5–16.

⁴³ С 1863 г. также возглавлял кафедру татарского языка в КазДА.

крещеных из татар на их разговорном языке, по букварю, изданному в 1861 году в Санкт-Петербургской синодальной типографии». В этой работе впервые была представлена кириллическая татарская азбука, созданная на основе говоров кряшен Заказанья (Мамадышского уезда Казанской губернии). После апробации данный труд был доработан, скорректирован и вновь издан в 1864 г. Именно этот вариант стал на долгие годы первой книгой, с которой знакомились ученики кряшенских начальных школ, по нему они учились читать и писать на родном языке.

Оценивая плод многолетних усилий Ильминского, отметим, что ему удалось создать письменность, которая могла точно и довольно корректно передавать звуки татарского языка. Важным достижением можно считать, что этот алфавит позволял при передаче сохранить многообразие диалектных особенностей татарской лексики, обогащая таким образом письменную традицию кряшен, придавая ей самобытный характер.

Имелся и целый ряд недостатков. Здесь можно отчасти согласиться с мнением известного татарского историка и педагога советского периода В.М. Горохова, отмечавшего в своем классическом труде «Реакционная школьная политика царизма в отношении татар в Поволжье», что «в транскрипции не было должной... согласованности ее с особенностями татарского языка, не было и полноты. Каждый звук везде, где бы он ни встретился, должен изображаться одним и тем же буквенным знаком, а разным звукам должны соответствовать разные буквы. Этому основному требованию алфавит Ильминского не удовлетворял. Разные звуки он изображает одними и теми же буквенными знаками»⁴⁴. Действительно, как признавал сам Ильминский в одном из своих сочинений: «Я не приноровил русской азбуки вполне точно к фонетике татарского языка, а оставил в сущности русскую систему звукоизображения, допустив только наименьшую степень самых необходимых приспособлений, вроде двоеточия над твердыми гласными»⁴⁵. Всего русский алфавит для передачи звуков татар-

⁴⁴ Горохов В.М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар в Поволжье. Казань, 1941. С.52.

⁴⁵ О системе просвещения инородцев и о Казанской центральной крещено-татарской школе. К пятидесятилетию системы и школы, а также

ского языка был дополнен Ильминским 3 гласными (Ä, Ö, Ü), где верхнее двоеточие обозначало смягчение звука, и одной согласной буквой НГ для фиксации ослабления носового звука НГ (соответствует современной тат. букве Һ). Кроме того из русского алфавита были исключены буквы В, Ф, Ц, Щ, которые, как считал Ильминский, не имели в татарском языке соответствующих звуковых аналогов. В связи с таким упрощенным подходом создавалась, по выражению Ильминского, система «намекательного» звукосложения, при которой один и тот же набор букв можно было прочесть по-разному. Соответственно, читатель, особенно, не имевший длительной практики работы с этим алфавитом, мог по-разному интерпретировать те или иные слова.

Несмотря на эти недостатки, создание нового алфавита, отражавшего уровень научных знаний в области татарского языкознания середины XIX в., стало важным достижением Ильминского. Составление алфавита имело огромное значение для просвещения татар-кряшен. Его создание стало началом развития кряшенской письменной традиции, школьного просвещения, дало мощный толчок приобщению к русской и европейской культуре. Новый татарский алфавит, созданный Ильминским для кряшен, сыграл важную роль и в разработке письменности для других нерусских народов Восточной России.

Составление алфавита и издание «Букваря» позволили Ильминскому начать планомерную работу по переводу православной богослужебной и учебной литературы на татарский язык на основе новой методики. Для этого при содействии обер-прокурора Св. Синода А. Ахматова Ильминский добился назначения Тимофеева на должность практиканта (преподаватель практических уроков) татарского языка при миссионерском отделении КазДА. Вернув в Казань Тимофеева, предоставив ему материальную независимость, возможность реализовывать себя на поприще религиозного просвещения своих соплеменников, Ильминский приобрел преданного сотрудника, при участии которого стало возможно продолжить начатое дело. В 1863 г. увидел свет первый их

необходимые справки к указанию Святейшего Синода от 29 мая 1913 за №8608 о просвещении инородцев. Казань: Изд-во П.В. Щетинкина, 1913. С.6.

коллективный труд на татарском языке – «Священная история от сотворения мира до кончины Иосифа по книге Бытия», в 1864 г. была издана «Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова» (*Акыл биря торган князя*), в 1865 г. учебное пособие – «Первоначальные уроки русского языка для татар»⁴⁶.

Именно с выходом в свет этих изданий можно говорить о становлении новой методики переводов и начале формирования, по выражению Ильминского, «христианско-татарского письменного слога». Несмотря на выработку определенных норм и методологических основ, Ильминский, считая переводческую деятельность творческим, эмпирическим процессом, в случае необходимости допускал определенные отходы от выработанных правил. Хотя Ильминский не раз подчеркивал желание отказаться от использования арабских и персидских терминов, в силу практической необходимости он ввел в новые переводы массу слов из этих языков, употреблявшихся в татарском разговорном языке. Это были в основном простонародные слова и выражения, органично и глубоко вошедшие в народную лексику, отказаться от которых было практически невозможно. В переводах эти термины использовались в том значении, в каком они употреблялись у татар-кряшен. Например, слово *кодрят* (араб. сила (божественная)) использовалось в смысле «чудо», *иман* (араб. вера) в значении молитва, *адам* (араб. первочеловек Адам) – человек, *Кодай/Ходай* (перс. хозяин) – Господь, Спаситель, *жен* (араб. злой дух) – черт, *салауат* (араб. благословление) – радуга. Кроме того в переводах применялись менее распространенные среди кряшен арабо-персидские слова, использованные для обозначения специфических религиозных терминов из христианского вероучения. У переводчиков были две альтернативы: воспользоваться терминологией из системы этнических верований или ислама. Ильминский и его последователи пошли вторым путем, посчитав это меньшим из «зол», так как ислам, как и христианство, базировался на общей семитской авраамической традиции, восходившей к Ветхому Завету. Переводчик вместо распространенного у кряшен обозначения Бога *Тэңре* вводит *Алла*, в качестве синони-

⁴⁶ *Машанов М.А.* Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования. 1867–1892. Казань, 1892. С.130.

ма слова «молитва» (молитвенный текст) использует арабское слово *иман*, святой – *әулея*, нечестивый – *гаделсез*, вера – *ден*, проклятие – *кагяр* и т.д. Это было, пожалуй, одной из отличительных особенностей переводов, сделанных для кряшен, от переводов на других языках нерусских народов Волго-Уралья, в которых для обозначения христианских терминов широко использовались слова из их исконных верований.

Первые издания, подготовленные Ильминским и Тимофеевым, стали основными учебными пособиями для учеников созданной в 1863 г. Казанской центральной крещено-татарской школы (КЦКТШ). Обучающиеся в КЦКТШ вместе со своим учителем В.Т. Тимофеевым включаются в процесс переводческой деятельности, корректируют новые издания, во время каникул читают их в своих родных селениях старшему поколению, распространяют их среди местного населения.

Постепенно вокруг Н.И. Ильминского собирается группа единомышленников, создавших негласную комиссию переводчиков, работавших по новой методике. Наряду с Ильминским и Тимофеевым в нее входили профессор КазДА Г.С. Саблуков – блестящий знаток татарского, арабского и греческого языков, первый переводчик Корана с первоисточника на русский язык, Е.А. Малов, сменивший его на должности преподавателя миссионерских и востоковедческих предметов, владевший, наряду с татарским, арабским, греческим и еврейским языками. В 1866 г. благодаря совместным усилиям переводчиков для кряшен был издан один из центральных трудов христианского вероучения – «Евангелие от Матфея».

1860-е гг. стали переходным периодом в развитии новой письменности и переводческой деятельности на татарском языке. С одной стороны, переводчики активно внедряют новые методы, разработанные Ильминским, с другой – еще сохраняется использование опыта деятельности Переводческого комитета КазДА 1840–1850-х гг. В текстах 1860-х гг. отмечаются определенные «реликты» академической школы татарского языкознания, опиравшиеся на татарскую литературную традицию и арабскую письменность⁴⁷. Можно отметить использование в окончаниях слов вместо буквы *e* буквы *u*, традиционной для классиче-

⁴⁷ Особенно это заметно в первом издании «Букваря» 1862 г.

ской татарской и турецко-османской литературы, но не характерной для народного языка и татарской фонетики. Кроме того, в соответствии с правилами современной для того времени татаро-мусульманской письменной традиции при написании некоторых слов игнорировались гласные буквы. В последующее время, в связи с выработкой четких норм и правил, накоплением необходимого опыта и более глубокого знакомства переводчиков с татарским народным языком, эти недочеты были устранены. Язык переводов действительно становится языком понятным и близким народу, в фонетическом и морфологическом отношении приближается к современному татарскому литературному языку.

С 1877 по 1905 г. по неполным данным казанскими миссионерами-переводчиками на татарском языке на основе кириллической графики было опубликовано 88 названий книг общим тиражом 559 050 экз. (см. табл. 1).

Таблица 1

Список изданий на татарском языке Переводческой комиссии
Православного миссионерского общества при Братстве св. Гурия
с 1877 по 1905 г.⁴⁸

№	Название ⁴⁹	Год издания	Общий тираж экз.
1	Букварь для крещеных татар	1878, 1882, 1884, 1887, 1898, 1904	25 000

⁴⁸ Хронологический каталог изданий Православного миссионерского общества на русском языке и на языках инородцев Поволжских, Сибирских и Кавказских. С 1862 г. по май месяц 1910 г. Казань, 1911. С.17–25. Несколько иные данные о количестве книг, изданных на татарском языке Переводческой комиссией, приводятся в ее отчете за 1905 г. В соответствии с ним с 1876 г. по 1905 г. было опубликовано 113 изданий общим тиражом 478500 экз. (Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани за 1905 год. Казань, 1905. С.22).

⁴⁹ Названия изданий даются в соответствии с названием в тексте документа.

Глава 1

2	Воскресная служба шестого гласа	1877, 1883, 1885, 1889, 1896	15 600
3	Служебник	1878	2 400
4	Житие св. мученика Авраамия Болгарского	1878	600
5	Завтра приду. Из творения св. Тихона, епископа Задонского	1878, 1885	15 000
6	Первоначальные уроки русского языка для татар	1879, 1885, 1893, 1894, 1898, 1904	28 850
7	Книжка для чтения инородцам	1879, 1884	10 000
8	<i>Акыл биря торган князя</i> (Извлечения из книги премудрости Иисуса, сына Сирахова)	1879, 1885, 1900	13 000
9	<i>Иман княгясе</i> (Молитвенник)	1879, 1881, 1887, 1891, 1894, 1897, 1898, 1900, 1904	50 000
10	Проследование Пасхи	1879, 1885, 1889, 1896	18 000
11	Стихи на крещено-татарском языке	1879, 1888	1 800
12	Краткий татарско-русский словарь	1880, 1882, 1886, 1888, 1891	16 400
13	Требник	1881	2400
14	<i>Улгян кешеляр очен теляу ряте.</i> (Последование за усопших)	1881, 1887	8 000
15	<i>Оло бйярмяяр</i> (Главные церковные праздники)	1881, 1887	11 000
16	Священная история Ветхого и Нового завета	1881, 1886, 1895, 1904	18 000
17	<i>Мохаммят дине Караганда Христос дине артык</i> (Превосходство Христианской веры перед Мухаммеданской)	1883, 1904	5 000
18	<i>Чын дин княгясе</i> (Учение о православной вере)	1884, 1887, 1893, 1897	19 600

19	Чин исповедания и как причащати больного	1882, 1904	3 000
20	<i>Телякляр (Часослов)</i>	1885, 1900	6 200
21	Угет. Наставление христианское св. Тихона	1886, 1893	10 000
22	На двенадесятые праздники стихиры, тропари, кондаки, величания и прокимны	1888	1 200
23	Святой благоверный князь Владимир и крещение Руси	1888	3 000
24	Хоровые церковные песнопения	1889, 1898	3 000
25	Жития святителей Христовых Гурия, Варсонофия и Германа	1890, 1893	4 000
26	Священная история для детей	1889, 1900	15 000
27	Акафист св. Гурию Казанскому и Свяжскому чудотворцу	1890	2 400
28	Училище благочестия	1890, 1893, 1895	11 000
29	Поучение для крещеных татар	1891	2 400
30	Псалтырь	1891, 1903	3 600
31	О загробной жизни	1892	3 000
32	Евангелие от Матфея	1892	1 300
33	Житие св. мученика Пантелеймона	1892	3 000
34	Наставление о пользе чтения Святого писания	1892	3 000
35	Береженого Бог бережет – наставления, как уберечься от заболевания холерою	1892	3 000
36	Татаро-русский словарь Н.П.Остроумова	1892	1 200
37	Рассказы из житий святых на татарском языке	1893, 1894, 1898	2 400
38	<i>Ойряту турында Николай Иванович (О Николае Ивановиче Ильминском)</i>	1893	1 600
39	Псалтырь на татарском и русском языке	1893, 1894	10 200
40	Святое Евангелие Господа нашего Иисуса Христа	1894, 1898	8 500

Глава 1

41	Акафист сладчайшему Иисусу	1894	3 000
42	Учение о православной церкви	1894	3 000
43	Рассказ о болезни и смерти государя императора Александра III и о вступлении на престол государя императора Николая II	1894	1 200
44	Тропари, кондаки, стихирьы и величания на праздники двенадцатые и великих святых	1894, 1898	10 000
45	Стефан Великопермский	1896	2 400
46	Великий канон Андрея Критского	1896	1 500
47	Целитель всемилостивый	1896	2 400
48	Об оспе	1897	3 200
49	О чуме (на кириллице и арабском шрифте)	1897	5 600
50	Сказание о Смоленской иконе Божией Матери	1898	2 500
51	Русские первомученики	1898	2 400
52	Беседа на молитву Царю небесный	1898	2 400
53	Житие св. Николая Чудотворца	1898	1 200
54	Небесный воевода русской земли	1898	2 400
55	О трахоме	1898	3 000
56	До чего доводит пьянство	1898	2 400
57	Небесные сподручники брачного союза	1898	2 400
58	Господь любит праведных	1898	2 400
59	Русские предлоги, пособие для учителей при ведении разговорных уроков по русскому языку	1899	2 400
60	Равноапостольная Мирносица	1899	2 400
61	Земная жизнь Господа нашего Иисуса	1900	1 200
62	Житие св. Василия Великого	1903	1 200
63	Житие св. Григория Богослова	1903	1 200
64	Житие преподобного Серафима	1904	3 000
65	Слово на освящение храма в селе Больших Саврушах Мамадышского уезда	1904	1 200
66	Партитура	1904	1 500

Глава 1

67	Освящение храма в селе Большие Савруши Мамадышского уезда	1904	1 800
68	О холере	1905	2 400
69	Св. мученики Авраамий Болгарский, Иоанн, Стефан и Петр Казанский	1905	1 200
70	Св. Кирилл и Мефодий, просветители славян	1905	1 200
71	Житие св. Аверкия, епископа Иерапольского	1905	1 200
72	Житие св. Петра мытаря	1905	1 200
73	Св. Апостол Андрей Первозванный	1892	5 000
74	Страдания св. мученика Фоки	1905	1 200
75	Страдания св. мученика Маманта	1905	1 200
76	Житие св. Харитона	1905	1 200
77	Житие св. Давида	1905	1 200
78	Житие преподобномученика Никодима	1905	1 200
79	Житие преподобномученика Романа	1905	1 200
80	Житие преподобномученика Ильи Ардуниса	1905	1 200
81	Житие преподобного отца нашего Илии Ардуниса	1905	1 200
82	Житие преподобного отца нашего Виссариона	1905	1 200
83	Житие преподобного отца нашего Серапиона	1905	1 200
84	Житие преподобномученика Дамаскина	1905	1 200
85	Житие преподобной Исидоры, Христа ради юродивой	1905	1 200
86	Житие преподобного Симона, Христа ради юродивого	1905	1 200
87	Холера и способы борьбы с нею	1905	2 400
88	<i>Холера турында (О холере)</i>	1905	3 000
	Итого		559 050

В репертуаре кириллических книг на татарском языке основное место занимали произведения религиозно-нравственного и богослужебного характера – 61 книга (69% от общего количества изданий). В числе наиболее востребованных книг были переводы: православного молитвенника («Иман княгясе»), выдержавшего в этот период 9 изданий общим тиражом 50000 экз., «Книги Премудрости» («Чын дин княгясе») – 4 издания, 19600 экз., Священной истории – 4 издания, 18000 экз., «Последования Пасхи» – 4 издания, 18000 экз.

Публиковались и специальные учебные пособия. В их числе две работы, подготовленные Ильминским: наиболее популярное учебное пособие дореволюционного периода – «Букварь» (с 1876 по 1905 г. выдержал 6 изданий тиражом 24000 экз.), учебник по изучению русского языка для начальных школ – «Первоначальные уроки русского языка для татар» (6 изданий, 29000 экз.). К числу работ педагогического профиля, опубликованное как методическое пособие для учителей начальных школ, можно отнести сочинение Ильминского по народному образованию, вышедшее в свет под названием «*Öйрәтү турында Николай Иванович*» (Мысли Николая Ивановича об обучении). Для изучения церковного пения в кряшенских школах Переводческой комиссией в 1889 г. и 1898 г. было отпечатано сочинение известного казанского музыковеда и церковного композитора С.В. Смоленского «Хоровые церковные песнопения» (3000 экз.). В дополнение к этому пособию в 1904 г. были изданы специальные партитуры (1500 экз.).

С 1890 г. православными просветителями на татарский язык начинают переводиться и публиковаться брошюры по народной медицине и гигиене для популяризации знаний о способах лечения и профилактики инфекционных заболеваний (7 книг, 22600 экз.).

Важное место в изданиях миссионеров-переводчиков занимали русско-татарские и татарско-русские словари: «Краткий татарско-русский словарь с переложением некоторых славянских слов с татарскими переводами» (1880, 1882, 1886, 1888, 1891), «Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещеных татар Казанской губернии» (1876) и «Татарско-русский словарь» (1892) члена комиссии Н.П. Остроумова, «Русско-

татарский словарь» (1899) А.А. Воскресенского, составленный им во время работы в КЦКТШ.

В позднеимперский период, как и ранее, основная роль в издании кириллических книг на татарском языке принадлежала казанским православным миссионерам. С 1906 по 1914 г. ПК ПМО было опубликовано на татарском языке 59 названий книг и брошюр общим тиражом 203767экз. (см. табл. 2).

Таблица 2

Список переводов, изданных Переводческой комиссией
Православного миссионерского общества при Братстве св. Гурия
на татарском языке с 1906 по 1914 г.⁵⁰

№	Название ⁵¹	Год издания	Общий тираж, экз.
1	Проследование Пасхи	1906, 1911, 1914	7 600
2	Воскресная служба шестого гласа	1906, 1914	3 600
3	Последование ко св. причащению	1906	1 200
4	Училище благочестия. Вып.1-5	1906	1 200
5	Житие св. Федоры	1906	1 200
6	Воскресные и праздничные апостолы	1907	750
7	<i>Мохаммат дине караганда Христос дине артык</i> (Превосходство Христианской веры перед Мухаммеданской)	1908	1 200

⁵⁰ Хронологический каталог изданий Православного миссионерского общества на русском языке и на языках инородцев Поволжских, Сибирских и Кавказских. С 1862 г. по май месяц 1910 г. Казань, 1911. С.17–25; Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г., за 1910–1911 г. Казань, 1911. С.3–4; Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г. за 1911–1912 г. Казань, 1913. С.5–6; Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г. за 1913 г. Казань, 1914. С.6–7; Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г. за 1914 г. Казань, 1915. С.8.

⁵¹ Названия изданий даются в соответствии с названием в текстах документов.

Глава 1

8	<i>Чын дин княгясе</i> (Учение о православной вере)	1907, 1908	10 000
9	Деяния св. апостолов	1907	1 200
10	Краткая церковная история	1907	2 333
11	Угет. Наставление христианское св. Тихона	1907, 1908	9 990
12	Тропари, кондаки	1907	3 000
13	Священная история Ветхого и Нового Завета	1907, 1911	8 600
14	Евангелие	1907	3 600
15	О загробной жизни	1907, 1908	10 000
16	Первоначальный учебник русского языка для татар	1907, 1911	5 961
17	Стефан Великопермский	1907	3 000
18	Часослов	1908, 1914	4 800
19	Краткая церковная история протоиерея Смирнова	1908	2 333
20	Катехизические поучения на символ веры	1908	1 200
21	Святой Стефан	1908	11 000
22	Наставление крещеным татарам, колеблющимся в христианской вере	1908	200
23	Сборник поучений на воскресные и праздничные дни всего года и на разные случаи	1908	1 200
24	Что такое Коран	1908	2 400
25	Мухаммед	1908	2 400
26	О силе крестного знамения	1908	2 400
27	Указание пути в Царствие небесное	1910	2 400
28	Акафист Божьей Матери	1910, 1914	1 800
29	Славянско-татарский словарь	1910	2 400
30	<i>Кодрятле тѳш кюрѳ</i> . Чудесный сон	1910, 1912	2 400
31	<i>Иман княгясе</i> (Молитвенник)	1910, 1914	20 000
32	Училище благочестия	1910	2 400
33	О почитании св. икон	1911	5 600
34	Понятие о женщине и быте ее у мухаммедан и у христиан	1911	1 200
35	Служебник на церковно-славянском и татарском языках	1911	5 000

36	Букварь для крещеных татар	1911	10 000
37	О святом Евангелии	1911	1 200
38	<i>Аллага жараулы, кодрятляр кылыучы, Вятка жагындагы торган, изге Трифон тормошо.</i> Преподобный Трифон Вятский	1912	2 400
39	Акафист св. Гурию Казанскому и Свяжскому чудотворцу	1913	2 400
40	Священная история для детей	1913	10 000
41	Сказание о Смоленской иконе Божией Матери	1913	2 400
42	О Святой земле. Путь к Иерусалиму. На русском и татарском языках. Вып.1.	1913	1 200
43	Житие святого равноапостольного Константина и матери его Елены. К 1600-летнему юбилею торжества православия при Константине Великом	1913	1 200
44	Поучение протоиерея Н. Воронцова, священника Н. Троицкого и статья профессора, священника Ф. Успенского в 1600-летний год издания Миланского эдикта (14 сентября 1913 г.)	1913	600
45	Н. Троицкий, священник. Поучение на день 1600-летия со времени издания Константином Великим Миланского эдикта	1913	600
46	Успенский Ф.П., священник. 1600-летие отмены гонений на христианскую веру	1913	600
47	О чуме	1913	2 400
48	<i>Холера турысында.</i> Холера и способы борьбы с нею	1913	2 400
49	Покровский И.М. профессор. Казань и казанцы в истории воцарения Дома Романовых на царском престоле	1913	1 200
50	<i>Ар-кем барасы жул.</i> Поучение на новый год	1913	1 200
51	<i>Жазык айтер алдыннан айтеля торган уьет.</i> Наставление о необходимости покаяния	1913	1 800

52	На двенадцатые праздники стихиры, тропари, кондаки, величания и прокимны	1913, 1914	4 800
53	<i>Акыл биря торган князя</i> (Извлечения из книги премудрости Иисуса, сына Сирахова)	1914	1 200
54	Молитва за Императора и за люди во время брани противу супостатов	1914	800
55	Псалтырь	1914	4 000
56	О поминовении усопших	1914	2 400
57	Война с Германией и Австрией	1914	1 000
58	Война с Германией, Австро-Венгрией, Турцией. Долг наш за кровь братскую. Три месяца войны. С картою	1914	1 000
59	Святитель Ермоген	1914	1 200
	Итого		203 767

Основную часть книжной продукции, изданной комиссией составляли переводы православных богослужебных и религиозно-нравственных текстов (47 названий (80%)). В их числе были как переиздания работ Н.И. Ильминского и В.Т. Тимофеева, так и новые переводы. Вторую по численности группу (4 названия (7%)) составляли так называемые «полемические противомусульманские» работы, подготовленные епископом Викториним (Любимовым) и казанским епархиальным миссионером Я.Д. Кобловым. Увеличение репертуара и тиража этих изданий было продиктовано усилением конфессиональной дифференциации кряшен после объявления в 1905 г. «свободы совести». Относительно немногочисленными были издания по педагогике и образованию (2 названия, 3%), народному здравоохранению (2 названия, 3%), работы энциклопедического характера (1 название, 1,5%). Новым направлением издательской деятельности стало подготовка научно-популярных (1 название 1,5%), а также патриотических изданий, связанных с 300-летним юбилеем царствования Дома Романовых и началом Первой мировой войны (2 названия, 3%).

Оценивая развитие переводческо-издательской деятельности православных просветителей на татарском языке и формирование письменной традиции татар-кряшен в XIX – начале XX вв.

отметим, что эта деятельность была тесно связана с религиозно-просветительским движением церкви в Среднем Поволжье. Письменность татар-кряшен, как и других православных нерусских народов региона, была создана и начала внедряться казанскими деятелями православной миссии, понимавшими, что без развития грамотности на родном языке, перевода богослужебной и другой религиозной литературы невозможно добиться качественных изменений в восприятии православия местным нерусским населением. 1803–1860 гг. стали периодом выработки оптимальной методики переводов православных текстов на татарский язык. В рамках этой деятельности представителями казанской миссионерской школы татарского языкознания для кряшен была создана письменность на основе кириллического алфавита, на котором с 1860-х гг. начинают издаваться православные тексты и учебные пособия для начальных школ. Процесс «культурной мобилизации», запущенный религиозными просветителями, привел к появлению у татар-кряшен своей письменной, а впоследствии и литературной традиции базировавшейся на многовековых традициях устного народного творчества. Сохранению преемственности с этнической культурой способствовало использование в качестве основы татарского народного разговорного языка.

1.2. Чувашские издания

В ходе длительного процесса христианизации, к началу XIX в. основная масса чувашского народа официально приняла православие. По данным статистических комитетов и дирекций народных училищ, в губерниях Волго-Уральского региона к 1869 г. насчитывалось 566973 чувашей, из которых 552045 чел. (99% от общего числа) считались представителями православной конфессии⁵². Несмотря на крещение, большинство чувашей не имело

⁵² Соображения о системе образования инородцев, обучающихся в губерниях Казанского учебного округа. (Представление попечителя Казанского учебного округа г. министру народного просвещения от 3 декабря 1869 г. за №379)// Отдельный оттиск без библиографических данных. С.64–65.

твердых представлений о догматах христианского вероучения и тяготело к вере предков. В этих условиях для церкви особо актуальной задачей в Среднем Поволжье становится приобщение номинальных христиан к православию. В новых социокультурных условиях, церковь, отказываясь от приоритета в дальнейшем территориальном расширении своего влияния за счет обращения в православие, переходит к более осмысленному курсу на глубокую христианизацию и воцерковление чувашей. Одним из основных каналов реализации этой политики стала подготовка переводов религиозных произведений христианства и их издание на чувашском языке. Основным центром переводческо-издательской деятельности на чувашском языке в рассматриваемое время по праву являлась Казань, где сложилась самобытная школа светского (академического) и духовного (миссионерского) востоковедения.

Первым переводным изданием на чувашском языке является «Краткий катехизис», увидевший свет в 1800 г. Инициатива публикации этой книги принадлежала видному представителю церковной иерархии конца XVIII – начала XIX в. митрополиту Амвросию (А. Подобедову). В бытность управления им Казанской епархией, он проникся идеей составить краткий перевод православных догматов на языки местных нерусских народов. Эта работа была поручена студентам Казанской духовной семинарии и академии, среди которых были выходцы из чувашских селений. Реализовать свой проект Амвросий смог после назначения на петербургскую кафедру. Ему удалось провести через Св. Синод решение о печати 600 экз. чувашского перевода. Издание было осуществлено за его собственный счет и личные средства нижегородского архиепископа Павла (П. Пономарева)⁵³. К сожалению, мы не располагаем сведениями о дальнейшей судьбе этой книги. По всей видимости, основная часть тиража была передана благотворителями в поволжские епархии для раздачи священникам чувашских приходов.

В 1803 г. был издан другой перевод православного катехизиса на чувашском языке. Он также был подготовлен в Казани. По

⁵³ *Таймасов Л.А.* Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары, 2004. С. 320.

мнению Н.И. Ильминского, этот перевод «имеет много недостатков, зависящих преимущественно от того, что переводчик не умел совладать с построением речи, особенно в длинных периодах. Но встречается немало совершенно правильных характерно инородческих оборотов»⁵⁴. Несмотря на эти недостатки, чувашский текст выгодно отличался от татарского, марийского и мордовского переводов катехизиса, подготовленных в это время в Казани. Автор, являвшийся, по всей видимости, природным носителем языка, из числа воспитанников казанских новокрещенских школ и КазДА, не ограничиваясь буквальным переложением с церковно-славянского оригинала, стремился адаптировать перевод, сделать его понятным для сельских жителей. Благодаря этому «мысли подлинника, выражены вообще правильно»⁵⁵. О довольно высоком уровне этой работы свидетельствует и тот факт, что после публикации в 1803 г.⁵⁶ он выдержал второе издание в 1852 г. Перевод был сделан на основе диалекта чувашей Ядринского уезда Казанской губернии на кириллической графической системе, издан в Московской синодальной типографии.

После открытия 20 января 1818 г. казанского отделения РБО, его членами была предпринята попытка перевода на чувашский язык полного текста Нового Завета. Основную роль в подготовке этого труда взяло на себя православное духовенство чувашских приходов Козьмодемьянского и Ядринского уездов Казанской губернии: причтом с. Ишаки было переведено соборное послание апостола Иакова, Евангелие от Луки и Иоанна перевел священник с. Шатьмы Василий Федоров, Евангелие от Марка – священник с. Чемеева Алексей Алмазов. Работа заняла два года и в 1820 г. чувашский текст Нового Завета был издан в типографии Казанского императорского университета⁵⁷. Эта книга страдала теми же

⁵⁴ Опыты переложения... С. 217.

⁵⁵ Там же. С.218.

⁵⁶ Наряду с «казанским» вариантом был подготовлен и прислан для издания в Св. Синод чувашский перевод сделанный в Оренбургской епархии. Но в связи с тем, что он значительно уступал по художественному и научному исполнению казанской работе, он не был опубликован.

⁵⁷ *Можаровский А.* Указ. соч. С.111.

недостатками, что и предшествовавшие ей работы. Составителем был избран буквальный метод перевода, игнорировались внутренние законы чувашского языка. К восприятию этого труда оказались не готовы и сами чуваша, в большинстве своем не владевшие русской грамотой.

В последующие десятилетия предпринимались отдельные попытки подготовки чувашских переводов. Эта работа проводилась энтузиастами из числа духовенства Казанской епархии, владевшими чувашским языком. В частности А. Алмазов, выпускник новокрещенской школы и Казанской духовной семинарии, еще в 1820 г. перевел на чувашский «Слово о христианском воспитании детей», позже он составил «Сокращенный катехизис», изданный в 1852 г. С. Элпидин перевел «Начатки христианского учения» (1832), «Псалтырь» (1858). В. Вишневецкий и В. Громов трудились по составлению чувашской грамматики⁵⁸. Эти работы были выполнены в соответствии с устоявшимися в это время подходами переводческой деятельности, путем подстрочного, буквального перевода. Образцы переводов этого времени являются наглядным свидетельством несовершенства методики передачи текстов с церковно-славянского на тюркские языки, отсутствия у переводчиков достаточно глубоких познаний в области чувашского синтаксиса.

Новым этапом в подготовке переводов православных религиозных текстов на языки нерусских народов Среднего Поволжья и формировании у них кириллической письменной традиции стал пореформенный период, когда в результате глубинных социально-экономических и культурных изменений, происходивших в стране, сложились условия для внедрения в практику деятельности миссионеров новых реформаторских идей, в том числе и в сфере передачи текстов Св. Писания, а также совершения богослужения на тюркских и финно-угорских языках. В это же время среди «поволжских инородцев» начало зарождаться движение, направленное на культурную модернизацию общества, появилась прослойка сельской интеллигенции, ставшая главным актором этих процессов.

⁵⁸ *Таймасов Л.А.* История переводов священного писания на чувашский язык // Рукопись.

Эпоха Великих реформ 1860–1870-гг. стала временем масштабной трансформации религиозно-просветительского движения РПЦ. Благодаря демократизации миссионерских учреждений, привлечению в эти органы мирян, происходит настоящий расцвет православного миссионерства. Новые миссионерские институты, значительный рост которых отмечается в середине 1860-х гг., строились на качественно новых принципах, основанных на идеях христианского просветительства, с новым взглядом на цели миссионерского служения. Эти организации объединяли наиболее ревностных последователей православия, большинство из которых были светскими людьми, искренне ратовавшими за распространение христианства.

Особое внимание было обращено на переводы и издание православной религиозной литературы на языках нерусских народов, что было необходимым условием для организации богослужения и знакомства местного населения с внутренним содержанием православного вероучения. Основным миссионерским институтом, взявшим на себя это направление деятельности, стало казанское Братство св. Гурия.

Вскоре после создания Братства св. Гурия (начало действовать в 1867 г.), его совет решает организовать особую комиссию, которая взяла бы на себя просмотр и цензуру появившихся переводов на языках народов Волго-Уралья, а также самостоятельное издание трудов, составленных его сотрудниками. Данную инициативу поддержал казанский архиепископ Антоний (Амфитеатров), обратившийся в начале 1868 г. в Св. Синод с ходатайством по этому вопросу. 18 марта 1868 г. это предложение было высочайше утверждено. Первоначально у Переводческой комиссии не было как четкой структуры деятельности, так и определенного штата сотрудников. Переводы и их корректура осуществлялись узким кругом энтузиастов из числа профессоров-востоковедов КазДА и священнослужителей. В 1869 г., по инициативе председателя Братства св. Гурия, попечителя Казанского учебного округа (КУО) П.Д. Шестакова, эта комиссия начала действовать как официальная организация при братстве, во главе с Н.И. Ильминским⁵⁹.

⁵⁹Машанов М.А. Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования. 1867–1892. Казань, 1892. С.120–121.

Важное место в продукции Переводческой комиссии Братства св. Гурия занимали чувашские издания. Работа над переводами на чувашский язык усилилась и дала конкретные результаты в конце 1867 г., когда в состав комиссии вошел известный ученый-чувашевед, инспектор чувашских школ Казанской губернии Н.И. Золотницкий. Благодаря наличию в Казани крупных научных центров по изучению татарского языка (КазДА, Казанский университет), в составе Переводческой комиссии были хорошие специалисты в области татарского языкознания – профессора КазДА Н.И. Ильминский, Е.А. Малов, практикант татарского языка В.Т. Тимофеев. Кроме того, с 1863 г. в городе действовало специальное учебное заведение миссионерской направленности – Казанская Центральная крещено-татарская школа (КЦКТШ), ученики и преподавательский состав которой, как природные носители языка, активно участвовали в переводческой деятельности, корректировали тексты, делая их понятными для широкого круга сельского населения. Благодаря этому, к концу 1860-х гг. была налажена планомерная работа по переводу и изданию разнообразной религиозной и учебной литературы на татарском кириллическом алфавите. Чувашским переводчикам, не имевшим такой научной базы и сложившихся переводческих институтов, пришлось начинать свою работу с «чистого листа».

Для того чтобы облегчить работу переводчиков, по инициативе Н.И. Ильминского в Казань начинают приглашать учителей миссионерских школ из числа чувашей. В 1868 г. для помощи Золотницкому в работе над чувашскими переводами были командированы учитель Кошлоушского училища М. Димитриев, в 1870 г. учитель Больше-Яльчикской школы Братства св. Гурия В. Васильев. Учителя принимали участие в подготовке новых изданий, исправляли неточности в переводах, совершенствовали свои познания в области церковного пения⁶⁰. Наряду с М. Димитриевым и В. Васильевым, посильную помощь в переводах на чувашский язык оказывал ученик КЦКТШ С. Тимрясов, происходивший

⁶⁰ Александров Г.А. Чувашские интеллигенты. Биографии и судьбы. Чебоксары, 2002. С. 6.

из чувашей Чистопольского уезда Казанской губернии, в совершенстве владевший как чувашским, так и татарским языком⁶¹.

С 1870 г., наряду с группой Н.И. Золотницкого, формируется новая школа чувашских переводчиков, под руководством чувашского просветителя и религиозного деятеля И.Я. Яковлева. Поступив в Казанский университет, И.Я. Яковлев сближается с Н.И. Ильминским, начинает самостоятельно переводить учебную и религиозную литературу на чувашский язык, разрабатывает новый чувашский алфавит на основе кириллицы⁶². После окончания в 1875 г. Казанского университета и назначения на должность инспектора чувашских школ КУО, у И.Я. Яковлева появилась возможность полностью сосредоточиться на проектах в области школьного и религиозного просвещения своих соплеменников. Фактически с этого времени группа Яковлева берет на себя основную часть работы по переводам на чувашский язык, а созданный в 1871 г. И.Я. Яковлевым кириллический алфавит становится основой чувашской письменной традиции. Признавая это, Н.И. Ильминский писал в 1875 г.: «он (И.Я. Яковлев – *Р.И.*) приобрел полную опытность в переводах, которыми занимается постоянно с особой ревностью. Он со своей школой (речь идет о Симбирской чувашской учительской школе – *Р.И.*) без сомнения и на будущее время будет главным деятелем переводов на чувашский язык, что и свойственно ему по его родственному отношению к чувашам и официальному отношению к образованию чуваш. Присовокуплю к этому, что искренне сочувствуя трудам Н.И. Золотницкого и ценя их значение для науки, я все-таки, сравнительно с его переводами, нахожу более правильными переводы г. Яковлева»⁶³. Центром переводов на чувашский язык стал г. Симбирск, где с 1875 г. официально открылась Симбирская чувашская учительская школа, директором которой был назначен И.Я. Яковлев.

Практически сразу после выхода в свет первых чувашских книг, в адрес церковной администрации, Братства св. Гурия, Ми-

⁶¹ Машанов М.А. Указ. соч. С. 136.

⁶² Яковлев И.Я. Моя жизнь. Воспоминания. М., 1997. С.197–199.

⁶³ Записка Н.И. Ильминского о Переводческой комиссии // Отчет о деятельности Братства св. Гурия за десятый братский год, от 4-го октября 1876 года по 20-е октября 1877 года. Казань, 1878. С. 66.

нистерства народного просвещения (МНП) начинают поступать жалобы от православного духовенства, увидевшего в данных изданиях «вред» и «принижение» православию⁶⁴. Несмотря на это противодействие, с 1867 по 1877 г. Переводческой комиссией было издано 14 названий книг на чувашском языке, среди которых: «Календарь на чувашском языке» (1867, 1874), «Букварь для чувашских детей» (1867, 1870, 1875) (1 200 экз.), «Молитвенник» (1870, 1871) (1 200 экз.), «Два поучения в день вознесения и сошествия св. Духа» (1870) (1 200 экз.), «Почтение в день Богоявления Господня» (1871) (1 200 экз.), «Христос воскрес! Объяснение праздника Пасхи, – в виде стеной таблицы» (1871) (1 200 экз.), «Начальное учение о православной христианской вере» (1873) (1 200 экз.), «Пасхальная служба» (1873) (2 000 экз.), «Евангелие от Матфея» (2 000 экз.), «Жития святителей Христовых Гурия, Варсонофия и Германа, казанских чудотворцев, с прибавлением сведений об Авраамии, мученике болгарском» (1874 г.) (1 200 экз.), «Евангелие от Марка и Луки» (1875) (2 000 экз.), «Учение пред св. крещением» (1876) (1 200 экз.), «Почтение о поклонении Богу» (1876) (1 200 экз.), «Священная история Ветхого и Нового Завета» (1876) (1 200 экз.). Общий тираж этих изданий по неполным данным составил 18 тыс. экз.⁶⁵

В 1875 г. Переводческая комиссия при Братстве св. Гурия была напрямую подчинена Православному миссионерскому обществу⁶⁶. В связи с этим на комиссию⁶⁷ были возложены дополнительные обязанности. Она стала курировать печать, цензуру и переводы православных книг на языках всех нерусских народов Восточной России. Несмотря на подчинение ПМО, Переводческая комиссия фактически являлась самостоятельным учреждением. Непосредственное руководство ее деятельностью осуществля-

⁶⁴ Машанов М.А. Указ. соч. С. 136–138.

⁶⁵ Хронологический каталог изданий Православного миссионерского общества на русском языке и на языках инородцев Поволжских, Сибирских и Кавказских. С 1862 г. по май месяц 1910 г. Казань, 1911. С.30.

⁶⁶ Отчет о деятельности Братства святителя Гурия от 4 октября 1875 года по 4 октября 1876 года. Казань, 1876. С.33.

⁶⁷ Как официальная организация Переводческая комиссия Православного миссионерского общества, учрежденная при Братстве св. Гурия, начала действовать с 1876 г.

лось Н.И. Ильминским. Ему предоставлялись широкие полномочия, в том числе право приглашать в состав комиссии сотрудников, оплачивать их работу. Для членов Переводческой комиссии предусматривалось ежегодное жалование в размере 300 руб.⁶⁸

К началу 1880-х гг. можно говорить о формировании четкой, субординированной системы деятельности сотрудников Переводческой комиссии. Первоначально черновой текст, составленный переводчиком, рассматривался и апробировался в центральных миссионерских школах, где учащиеся и педагогический состав отмечали недостатки рукописной работы. После нескольких проверок и корректуры, он поступал в Казань в Переводческую комиссию для дополнительной редакции и цензуры. Первое издание книги, как правило, печаталось ограниченным тиражом, и предназначалось не для массового читателя, а для ограниченного круга лиц – сельских священнослужителей и учителей миссионерских школ, которые должны были дополнительно проверить и исправить работу. Только после этого перевод издавался большим тиражом для распространения в народе⁶⁹.

Исходя из отчетов ПМО и Переводческой комиссии можно сделать вывод, что в разные годы ее расходы на перевод и издание книг на языках народов России, Ближнего и Дальнего Востока варьировались от 5 до 20 тыс. руб. В частности, в 1905–1907 гг. из субсидий, выделенных ПМО Братством св. Гурия, Самарским епархиальным Алексеевским братством, и средств, полученных с продажи книжной продукции, было израсходовано 20 591 руб.⁷⁰ Такая же разнонаправленная динамика отмечается в данных о количестве изданных в разные годы книг – от нескольких десятков, до сотен тыс. экз.

Большинство изданий Переводческой комиссии раздавалось бесплатно православному духовенству нерусских приходов, рассылалось в начальные школы. Кроме миссионерских учебных за-

⁶⁸ Машанов М.А. Указ. соч. С. 125.

⁶⁹ Никольский Н.В. Переводческая комиссия в Казани и ее просветительская деятельность среди инородцев. Казань, 1905. С. 10.

⁷⁰ Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани с 1 мая 1895 г. по 1 октября 1897 г. Казань, 1897. С. 28–31.

ведений, они стали применяться в образовательном процессе земских и министерских училищ. Для более широкого распространения переводов были введены должности книгоношей, создавались книжные склады, заведывание которыми поручалось местным священнослужителям.

По количеству названий книг и общему тиражу среди изданий Переводческой комиссии лидировали чувашские переводы. Всего с 1877 по 1905 г. по неполным данным на чувашском языке было опубликовано 130 наименований книжной продукции общим тиражом 670 440 экз. (см. табл. 3)

Таблица 3

Список изданий на чувашском языке Переводческой комиссии Православного миссионерского общества при Братстве св. Гурия с 1877 по 1905 гг.⁷¹

№	Название	Год издания	Общий тираж экз.
1	Главные церковные праздники Господни и Богородичны	1877, 1882, 1890	9 200
2	Чин исповедания и како причащати больного	1878, 1884	1 800
3	Рассказы из русской истории	1879, 1882	5 400
4	Евангелие от Матфея	1879	5 000
5	Житие св. Апостолов Петра и Павла и св. Николая, Мирликийского чудотворца	1879	1 200
6	Пасхальная служба	1879, 1882, 1883	5 200
7	Евангелие от Иоанна	1880	1 200
8	Букварь для чуваш	1880, 1883, 1884, 1885, 1886, 1888,	88 050

⁷¹ Хронологический каталог изданий Православного миссионерского общества на русском языке и на языках инородцев Поволжских, Сибирских и Кавказских. С 1862 г. по май месяц 1910 г. Казань, 1911. С.30–38.

Глава 1

		1899, 1891, 1893, 1897, 1898, 1904	
9	Священная история Ветхого и Нового Завета	1882, 1883, 1885, 1987, 1890, 1893, 1895, 1896	29 050
10	Молитвенник	1883, 1885, 1897, 1898, 1903, 1904	25 650
11	Церковные службы	1883	3 000
12	Часослов	1884	3 000
13	Требник	1885	2 000
14	Всенощное бдение и литургия св. Иоанна Златоустого	1885, 1893	5 200
15	Хоровые церковные песнопения	1888, 1898, 1904	4 500
16	Октоих учебный, содержащий воскресную службу 8-ми гласов	1888	3 000
17	О загробной жизни	1889, 1890, 1891, 1896	12 450
18	В память девятисотлетия креще- ния Руси. Житие св. равноап- стольного князя Владимира	1889	3 000
19	О превосходстве христианства пред магометанством	1890	3 000
20	Поучение против чувашского язы- ческого общественного жертвенно- го моления	1890, 1892	6 400
21	Господа нашего Иисуса Христа свя- тое Евангелие от Матфея, Мирка, Луки и Иоанна	1890, 1895	7 600
22	Бог и Его отношении к роде человеческому	1891	3 000
23	Об ангелах и злых духах	1891, 1892, 1897	11 000
24	Поучение против пьянства	1892	3 000
25	Училище благочестия	1892	3 000

Глава 1

26	Первоначальный учебник русского языка	1892, 1893, 1895, 1897, 1898	24 000
27	«Береженого Бог бережет». Наставления, как уберечься от заболевания холерою	1892	5 000
28	Учение благочестия. Книга 2-я	1893	5 000
29	Указание пути в царствие небесное – книга 1-я Царство небесное	1893	5 000
30	Три поучения из творений св. Тихона Задонского	1893	5 000
31	Указание пути в царствие небесное – книга 2-я. Жизнь и страдания Иисуса Христова	1893	5 000
32	Указание пути в царствие небесное – книга 3-я. Путь в царство небесное	1893, 1894	10 000
33	Хоровые церковные песнопения. Выпуск 1-ый литургия, целебные пения, венчание и панихида	1893	8 000
34	Указание пути в царствие небесное – книга 4-я. О святом духе	1894	6 000
35	Указание пути в царствие небесное – книга 5-я. Наставление идущих по пути в царстве небесное	1894	5 000
36	8 поучений, извлеченных из Троицких листов	1894	10 800
37	Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки	1894, 1904	10 000
38	О церкви и церковном богослужении	1894, 1897	13 000
39	Хоровые церковные песнопения. Выпуск II-й. Всенощное бдение	1894, 1900	3 000
40	Хоровые церковные песнопения. Выпуск III-й. Песнопения великопостные и пасхальные	1894, 1900	3 000
41	Св. Стефан Пермский	1894	3 000
42	Молебное пение на новый год	1894	1 200

Глава 1

43	Поминовение усопших	1894	3 000
44	Рассказы из церковной истории по книге деяний св. апостолов	1894	3 000
45	Рассказы из житий святых и статьи назидательного содержания	1894, 1897	7 400
46	О христианской любви по учению православной церкви	1894	3 000
47	Рассказ о болезни и смерти Государя Императора Александра III-го и о вступлении на престол Императора Николая II-го	1894	1 200
48	Житие и страдания св. великомученика Пантелеимона	1894	1 200
49	О святей чудотворной иконе св. Николая, находящейся в храме села Ишак Козьмодемьянского уезда	1894, 1896	6 000
50	О храме Божиим	1895	5 000
51	Последование молебного пения	1896	1 200
52	Книга Иисуса, сына Сирахова, Иова, Иисуса Навина, Товита, Руфа и первая Маккавейская	1896	1 500
53	Житие св. Германа, Свяжского чудотворца	1896	с.н.
54	Священное коронование русских царей и цариц и чин миропомазания их при венчании на царство	1896	3 000
55	Св. Стефан Великопермский и его просветительно-миссионерская деятельность	1896	3 000
56	Святые семь отроков	1897	5 000
57	Польза грамотности	1897	3 000
58	Рассказы из житий святых, книжки 2 и 3	1897	6 000
59	Как бедный человек может помогать своим ближним	1897	3 000
60	Житие святого Алексия, человека Божия	1897	3 000

Глава 1

61	Советы матерям, при оспопрививания детям	1897	3 000
62	О посте	1897	3 200
63	Рассказы из житий святых, книжка 4	1897	5 000
64	Рассказы из житий святых, книжка 5	1897	5 090
65	Житие Марии Египетской	1897	3 000
66	Суждение о том, что мы, согрешившие чрез Адама, спасаемся чрез Иисуса Христа	1897	2 400
67	Житие Симеона Столпника	1897	2 400
68	Страдание и чудеса святого великомученика Димитрия Солунского, святого великомученика Димитрия мироточивого	1897	5 000
69	Поучение об истинной вере. Епископа Гурия Самарского	1897	3 000
70	Пустынница	1897	5 000
71	Наставление в законе Божиим Архиепископа Агафодора	1897, 1901	3 500
72	Страдания и чудеса Св. Дмитрия Солунского	1897	5 000
73	Равноапостольная Ольга	1898	10 000
74	Православный воин, воин Божий	1898	10 000
75	Сошествие Христа Спасителя в ад	1898	10 000
76	Самая легкая заповедь	1898	10 000
77	Слово о пьяницах	1898	10 000
78	Храм Божий источник благословений Божиих	1898	10 000
79	Не бойся: Я с тобою	1898	10 000
80	Духовный Пастырь	1898	5 000
81	Беседы на молитву Господню	1898	5 000
82	О христианской любви	1898	5 000
83	Последование ко Святому причащению	1898	1 200
84	Беседы на 10 заповедей	1898	5 000
85	Беседы и поучения	1898	5 000

Глава 1

86	О Святых иконах	1898	5 000
87	Главная болезнь трахома	1898	10 000
88	О святой православной вере, три поучения Высокопреосвященнейшего Арсения	1898	2 200
89	Вино – яд	1898	3 000
90	О чуме	1898	3 200
91	Св. пророк Илья	1899	3 000
92	О единой истинной вере в Бога и ложных верованиях	1900	с.н.
93	Песнопения на всенощном бдении и литургии	1900	с.н.
94	Великий канон св. Андрея Критского	1902	с.н.
95	Краткие рассказы из священной истории	1903, 1904	3 000
96	Евангелие и Деяние св. апостол	1904	с.н.
97	Послания апостол и откровение Иоанна Богослова (пробное издание)	1904	150
98	Акафист Иисусу сладчайшему	1904	2 400
99	Житие святого благоверного князя Александра Невского	1904	3 600
100	Житие святого Димитрия Ростовского	1904	3 600
101	Жатва	1904	1 200
102	Императорское Православное Палестинское Общество	1904	с.н.
103	Беседа и святая земля	1904	с.н.
104	Св. равноапостольный князь Владимир	1904	3 600
105	Проповедь о блудном сыне	1904	1 200
106	Болезни на грехи	1904	3 600
107	Сергий Радонежский	1904	3 600
108	Почтение в день Покрова Пресвятой Богородицы	с.н.	1 200
109	<i>Пулъшѣр</i>	1904	2 400
110	О христианской брачной жизни	1904	2 400

Глава 1

111	Небесные споручники брачного союза	1904	1 200
112	Завтра приду	1904	1 200
113	Ходите во свете	1904	1 200
114	Урожайный год	1904	2 400
115	Поучение о значении посещения храма Божия	1904	1 200
116	Акафист Божией Матери	1904	2 400
117	О войне и грамотности	1904	3 000
118	Учите детей жить по Божьему	1904	1 200
119	Житие преп. Марии Египетской	1904	3 600
120	Житие св. Петра, бывшего мытарем	1904	2 400
121	Не обижайте сирот	1904	1 200
122	Освящение чувашского Александро-Невского монастыря	1904	3 500
123	Избранные жития, февраль и март	1904	3 000
124	Бог – защитник угнетенных	1904	3 000
125	Последование во св. Пасху	1904	с.н.
126	Поучения и речи к сельским жителям при их работах	1904	2 400
127	Отец Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский)	1904	3 600
128	Житие и страдание священномученика папы Римского Климента	1904	2 400
129	Канонник	1904	3 600
130	Житие Святые мученицы Пелагеи	1904	2 400
Итого			670 440

В репертуаре работ на чувашском языке основное место занимали произведения религиозно-нравственного и богослужебного характера (108 изд., 83%). Большими тиражами печатались учебные пособия (7 изд., 5%). Среди них – наиболее популярная чувашская книга дореволюционного периода «Букварь для чуваш», в рассматриваемое время выдержавшая 12 изданий общим тиражом 88 050 экз. В числе других работ можно выделить брошюры по профилактике инфекционных заболеваний (4 изд., 4%),

пропаганде здорового образа жизни (4 изд. 4%) и грамотности (1 изд.), развитию агрономии и сельского хозяйства (2 изд.) и др.

Одним из факторов быстрого роста книгопечатания переводной литературы на чувашском языке был их высокий спрос среди чувашей. Массовое внедрение системы начального образования на родном языке привело к быстрому увеличению количества грамотного сельского населения и как следствие настоящему буму книгоиздательской деятельности, обозначившемуся в конце XIX – начале XX в.⁷²

Основная часть чувашских изданий Переводческой комиссии была подготовлена в Симбирской чувашской учительской школе, под общей редакцией И.Я. Яковлева. Наряду с Симбирском, в начале XX в. переводческая деятельность на чувашском языке была налажена учениками Яковлева в Самаре, где действовала Переводческая подкомиссия ПМО. С 1903 г. в Казани чувашскими переводами начинает заниматься известный чувашский этнограф и педагог Н.В. Никольский, в это время работавший преподавателем чувашского языка и этнографии на миссионерских курсах при КазДА и секретарем Переводческой комиссии.

Большинство чувашских книг издавалось в типографиях Казани (типографии Казанского университета, В.М. Ключникова, Центральной типографии и др.), а также в Симбирске (типографии А.Т. Токарева, Губернского правления и др.). Книгопечатание осуществлялось из средств разных общественных и государственных организаций и частных лиц – ПМО и его региональных комитетов, Братства св. Гурия, Британского библейского общества, МНП, православного духовенства.

Революционные события 1905–1907 гг. стали важной вехой в истории многонационального населения Среднего Поволжья. В это время происходит эмансипация общественного сознания, зарождается национальное движение нерусских народов. Данные процессы, не могли не сказаться на деятельности казанских просвети-

⁷² Гусаров Ю.В. Переводная чувашская книга второй половины XIX – начала XX века. К истории переводческой и издательской деятельности // Доклад на научной сессии Чувашского государственного института гуманитарных наук по итогам работы за 2016 год. Вып. 23. Чебоксары, 2016. С. 6.

телей. К этому времени в структуре Переводческой комиссии происходят существенные изменения. Ключевую роль в ее деятельности начинают играть национальная интеллигенция тюркских и финно-угорских народов. В начале XX в. в их среде появляются талантливые лингвисты-переводчики, многие из которых имели высшее образование и прошли серьезную научную и практическую подготовку. Фактически можно говорить о том, что внутри комиссии сформировались национальные школы переводчиков.

Другим фактором, оказывавшим влияние на деятельность комиссии, стала утеря ею монополии на перевод и издание книг на кириллических алфавитах народов Волго-Уралья. Ослабление государственной цензуры в области книгопечатания и появление светской творческой интеллигенции позволили расширить репертуар книг на нерусских языках, а также реализовывать частные издательские проекты. Кроме того, после Первой русской революции, при учебных округах создаются новые переводческие центры, осуществлявшие централизованный перевод и издания учебных и методических пособий для школ нерусских народов. Это привело к снижению роли ПК ПМО и как следствие уменьшению денежных субсидий выделяемых на ее деятельность. В результате происходит уменьшение количества выпускаемых книг. Как отмечалось в отчете Переводческой комиссии за 1906 г.: «к сожалению, изготовляя переводы, комиссия постоянно испытывала большую нужду в денежных средствах: почти 2/3 ее переводов остаются в рукописях, ожидая издателей»⁷³.

Несмотря на эти сложности, казанская комиссия сохраняла статус основного центра по составлению и изданию книг для православных нерусских народов Среднего Поволжья. Об этом свидетельствуют и статистические данные.

С 1905 по 1914 г. на чувашском языке было издано 143 книги тиражом не менее 326 120 экз., из которых 119 (83%) изданий имели религиозно-нравственное содержание (см. табл. 4). Среди других работ – брошюры по гигиене и профилактике болезней (3 изд., 2%), сельскому хозяйству и животноводству (2 изд.), по-

⁷³ Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани за 1906 г. Казань, 1907. С.2.

священные политической пропаганде (3 изд., 2%) и войне со странами Тройственного союза (3 изд., 2%), учебные пособия (6 изд. 4%), брошюры против пьянства (5 изд. 3%) и др. В числе чувашских книг были как переиздания переводов предшествующего времени, так и новые работы.

Таблица 4

Список изданий на чувашском языке Переводческой комиссии Православного миссионерского общества при Братстве св. Гурия с 1905 по 1914 гг.⁷⁴

№	Название	Год издания	Общий тираж экз.
1	Житие преподобного отца нашего Ипполита исповедника, игумена Студийского	1905	2 400
2	Житие преподобного Феодосия Печерского	1905	2 400
3	Житие и страдание Святого священномученика папы Киприана и Святыя мученицы Иустины девицы	1905	2 400
4	Последование во святую и великую неделю Пасхи	1905, 1906	3 550
5	Житие и страдания, славные великомученицы Ирины	1905	2 400
6	Избранные жития святых	1905	3 000

⁷⁴ Хронологический каталог изданий Православного миссионерского общества на русском языке и на языках инородцев Поволжских, Сибирских и Кавказских. С 1862 г. по май месяц 1910 г. Казань, 1911. С.38–41, Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г., за 1910–1911 г. Казань, 1911. С.5–6, Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г. за 1911–1912 г. Казань, 1913. С.7–9; Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г. за 1913 г. Казань, 1914. С.9–14; Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г. за 1914 г. Казань, 1915. С.9–11.

7	Христос грешную душу к себе призывает	с.н.	1 200
8	Как стоят в церкви Божией	1905	3 000
9	Что такое масленица?	1905	3 000
10	Страдание Святого Апостола Анании	1905	3 000
11	Что сокращает нашу жизнь?	1905	2 000
12	Юный царь избранник	1906	3 000
13	Житие и страдание св. Апостола Иакова	с.н.	3 000
14	Лучше здесь накажи, Господи	с.н.	3 000
15	Земледелец	1905	3 000
16	Христианские добродетели: вера, надежда и любовь	1905	3 000
17	Последование молебного пения, певаемого во время бездождия	1905	3 000
18	Четыре путеводителя доброй жизни: страх Божий, мудрость, трезвость, труд	1905	3 000
19	Доброжелатель	1905, 1912	13 000
20	Псалтирь	1905	11 000
21	Часослов. 4-ое издание	1905	4 000
22	Всенощное бдение и литургия Святого Иоанна Златоустого. 3-е издание	1905	4 050
23	Китай	1905	3 000
24	Требник на чувашском. Часть 1	1905	2 000
25	Октоих, содержащий в себе воскресную службу 8 гласов. Изд. 3-е	1906	4 100
26	Молитвенник	1906	1 200
27	Последование св. литургии Василия Великого и Григория Двоеслова	1906	1 200
28	Краткие рассказы из священной истории	1906	2 600
29	Парастас	1906	500
30	Наставление на законе Божиим епископа Агафодора	1906, 1911, 1914	20 000
31	Первоначальный учебник русского языка для чуваш	1906, 1911	6 200
32	Сказание о Седмиозерной иконе Божией Матери (на средства Седмиозерной пустыни)	1906	1 200

33	Накануне св. Причащения (на средства Н.Е. Ефремова)	1906	1 200
34	Слова, речи и поучения на разные случаи (на средства И.К. Кузьмина)	1906	1 200
35	Требник. 2-я часть	1906	3 000
36	Слово на Обрезание Господне (на средства Седмиозерной Пустыни)	1907	1 200
37	Молитва по определению Святейшего Синода от 20 февраля 1908 г. за №1190, произносимая в церквах после литургии в воскресные и праздничные дни	1907	1 200
38	Службы страшной седмицы. Послание свв. Апостол и Апокалипсис	1907	3 200
39	Евангельская история о Боге Сыне, оплатившемся нашего ради спасения, епископа Феофания	1907	с.н.
40	Скорбь христианина	1908	1 100
41	О жизни на небе и жизни на земле	1908	1 200
42	Против срамословия	1908	600
43	Беседа о молитве утренней	1908	600
44	Беседа о молитве вечерней	1908	600
45	Сказание о заступлении Божией Матери за неправедно обидимую жену (на средства псаломщика М.Н. Николаева)	с.н.	1 200
46	Хоровые церковные песнопения на чувашском языке. (3 вып. в 1 кн.)	с.н.	2 400
47	Жизнь святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии (на средства диакона В. Полякова)	1909	1 200
48	Святые жены-благовестницы (на средства священника С.В. Васильева)	1909	1 200
49	Многострадальный Иов	1909	1 200
50	Мудрый царь Соломон	1909	1 200
51	Сборник поучений на воскресные дни и двенадцатые праздники (на средства Н.В. Никольского)	1910	1 200
52	Служба святителям Христовым Гурию, Варсонофию, просветителям Казан-	1910	1 200

	ским (издана на средства сотрудника Братства св. Гурия Н.П. Обрампальской) с изображением святителей		
53	Добродетельные женщины (на средства диакона Н. Бекренева)	1910	1 200
54	Беседа христианина с мусульманином о вере	1910	1 200
55	Макарий, архиепископ Томский. Простые речи о великих делах Божиих, на русском и чувашском языках	1910	1 200
56	Житие св. Николая Чудотворца	1910, 1911	2 400
57	Закон Божий. Рассказы из священной истории и молитвы. Ч.1. Для младших отделений училищ	с.н.	2 000
58	Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа (на средства Британского библейского общества)	1910	10 000
59	Книга для духовно-нравственного чтения и первоначального наставления в законе Божиим протоиерея Афинского	1911	5 000
60	Букварь для чуваш	1911	5 000
61	Акафист Покрову Пресвятые Богородицы	1911, 1913	8 200
62	Объяснение православного богослужения	1911	1 000
63	Глазная болезнь трахома. 3-е изд.	1912	5 500
64	Первая книга для чтения после букваря. Изд. 2-е	1912	5 000
65	Толстой Л.Н. Первая и вторая книга для чтения. Изд. 3-е	1912	6 000
66	Толстой Л.Н., гр. Третья и четвертая книги для чтения. Изд. 2-е	1911	5 000
67	О загробной жизни по учению Православной церкви. 5-е изд.	1912	5 000
68	Фабиола или древние христиане	1912	1 200
69	Новый букварь для чуваш, с присоединением русской азбуки для совместного обучения чтению и письму. С рисунками и образцами письма	1912, 1913	8 020

Глава 1

70	Акафист св. Христову Николаю	1912	1 200
71	Святые мученицы Кириакия, Калерия и Мария	1912	1 200
72	Товит и Товия	1912	1 200
73	Святитель Тихон, Амафунтский Чудотворец	1912	1 200
74	Акафист Святому великомученику и целителю Пантелеимону	1912	1 500
75	Святой Алексей митрополит Московский	1912	1 200
76	Как христиане должны вести себя в семье и обществе	1912	1 200
77	Кокель Г.А., священник. Две беседы с прихожанами: 1) Жизнь человека на земле или на небе? 2) Оставьте сквернословие	1912	1 200
78	<i>Мухаммад пѐлѐт џине кайса килнѐ џул</i>	1912	5 000
79	Служба святителю Николаю Чудотворцу	1913	2 200
80	Служба святому великомученику и целителю Пантелеимону	1913	2 000
81	Сборник проповедей на двенадцатые праздники и дни великих святых. Вып. 3-й. Под ред. Н.В. Никольского и на его же средства	-	1 200
82	Иудиф	1913	1 200
83	Как воспитывать детей	1913	1 200
84	Как должен жить христианин	1913	1 200
85	Как подготовиться к Великому посту, как надо каяться во грехах	1913	1 200
86	Княжны – подвижницы	1913	1 200
87	«У меня нет одежды: не пойду в церковь»	1913	1 200
88	Святая мученица Трифена	1913	1 200
89	Святой Филарет Милостивый	1913	1 100
90	Страдания преподобного Михаила Черноризца	1913	1 200
91	Житие преподобного отца нашего Михаила исповедника	1913	1 200

92	Святой Иоасаф Белгородский Чудотворец	1913	1 200
93	Преподобный Корприй (9 июля)	1913	2 200
94	Преподобная Мария Египетская учит нас покаянию	1913	2 200
95	Святые: Иоанн Креститель, апостолы Петр и Павел, пророки Илия и Елисей (проповеди на 24, 29 июня и 20 июля)	1913	1 200
96	Жития святых: великомученицы Анастасии, св. Поплии, преп. Таисии, св. Пелагеи, муч. Домники.	1913	1 200
97	Святой архистратиг Михаил и прочие бесплотные силы	1913	1 200
98	Нерукотворенный образ Господа нашего Иисуса Христа (16 авг.)	1913	1 200
99	Святой Василий Великий (1 янв.)	1913	1 200
100	Милость Божия чувашам – переселенцам Сибири (на средства Н.В. Никольского)	1913	1 200
101	Житие святого Евфимия	1913	1 200
102	Святитель Ермоген, патриарх Московский и всея Руси	1913	1 200
103	История нашего спасения в Господе Иисусе Христе	1913	1 200
104	Воскресение Христово (Пасха)	1913	2 000
105	Вознесение Господне	-	1 200
106	Сошествие Святого Духа на апостолов	1913	1 200
107	Рождество Пресвятые Богородицы	1913	1 200
108	Воздвижение честного и животворящего Креста Господня. С рисунком	1913	1 200
109	Рождество Христово (25 дек.)	1913	1 200
110	Крещение Господне (6 янв.)	1913	1 200
111	Сретение Господне (2 февр.)	1913	1 200
112	Благовещение (25 марта)	1913	2 200
113	Успение Божией Матери (15 авг.)	1913	1 200
114	Боже, царя храни!	1913	2 400
115	Покровский И.М. Казань и Казанцы в истории воцарения Дома Романовых на русском царском престоле. С 2 портретами	1913	1 200

Глава 1

116	Житие святого равноапостольного царя Константина и святой матери его Елены	1913	1 200
117	Успенский Ф.П. 1600-летняя годовщина отмены гонений на христианскую веру	1913	600
118	Поучения протоиерея Н. Воронцова, священника Н. Троицкого и статья профессора, священника Ф. Успенского с 1600-летней годовщину издания Миланского эдикта (14 сентября 1913 г.)	1913	900
119	Святой мученик Никон	1913	1 200
120	За Императора и за люди противу супостатов во время брани моления, яже подобает глаголати на вечерни, на утрени и литургии	1914	1 200
121	Служба святому благоверному князю Александру Невскому, во иноцех Алексию	1914	1 200
122	Акафист святому благоверному великому князю Александру Невскому, в иноцех Алексию	1914	1 200
123	Чин благословения в путешествие	1914	1 200
124	Беседа о земной жизни Господа Иисуса Христа и святой земле Палестине. Издание Уфимского отдела Православного Палестинского Общества	1914	1 200
125	Наставление против ворожбы	1914	1 200
126	Память блаженной Таисии 9 мая	1914	1 200
127	Святые мученики Петр, Дионисий, Андрей, Павел, Христина, Иракий, Павлин и Венедикт (18 мая)	1914	1 200
128	Страдание святой мученицы Александры (память 18 мая)	1914	1 200
129	Святая Евфросиния	1914	1 200
130	Лучше иди в дом плача, чем в дом веселия (против пьянства)	1914	1 800
131	Слово о пьяницах	1914	1 800
132	Война с Германией и Австрией	1914	5 000

133	Война с Австрией, Германией и Турцией. 1. Долг наш за кровь братскую; 2. 3 месяца войны. С картой	1914	2 000
134	На исполнителей закона благословение Божие, на нарушителей проклятие Его	1914	1 200
135	О воспитании детей	1914	1 200
136	Вина, которой нельзя простить (на средства свящ. А.И. Иванова)	1914	1 200
137	Вред от пьянства (на средства свящ. А.И. Иванова)	1914	1 200
138	Обещание не пить водки (на средства свящ. А.И. Иванова)	1914	1 200
139	Отрезвитесь (на средства А.И. Иванова)	1914	1 200
140	Франкфурт М.Л. Воспитание телят (издание Самарского губернского земства)	1914	с.н.
141	Т.К.К. О Боге, Творце вселенной, Промыслителе и Спасителе человека (издание Романа Абрамова)	1914	2 000
142	Беседа о смерти детей в младенческом возрасте, нечаянно приспанных и мертворождённых	1914	1 200
143	Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним. 2-я часть (изд. П.В. Пазухина)	1914	1 000
Итого			326 120

Чувашские переводы готовились в Симбирске под руководством И. Яковлева (переводчики: священники М.П. Петров, В.Н. Никифоров, И. Дормидонтов, учителя И. Степанов, Ф. Данилов и др.), в Казани под общей редакцией Н.В. Никольского (диакон Т.Ф. Федоров, учителя: Н.К. Кузьмин, Н.Е. Ефремов, Ф.И. Иванов и др.) и в Самаре⁷⁵.

Казанские просветители оказали заметное влияние на формирование чувашской письменной традиции, их работа привела к настоящей культурной мобилизации чувашского социума. Бла-

⁷⁵ Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г., за 1910–1911 г. Казань, 1911. С. 5.

годаря переводам, сделанным на понятном народном языке, чуваша получили возможность познакомиться с внутренним содержанием христианства, услышать богослужение на родном языке. Это стало главным фактором их быстрой христианизации, формирования у них особых моделей бытового православия и православной конфессиональной идентичности.

1.3. Издания на мокшанском и эрзянском языках

Первым известным нам центром по переводу религиозных (православных) текстов на мордовские языки был Нижний Новгород, где в годы архипастырского служения епископа Дамаскина (Д. Семена-Руднева) в синодальных учебных заведениях было введено изучение эрзянского языка и предприняты первые опыты по переводу православных молитв для мордовского населения Нижегородской епархии. Результатом этой работы стала подготовка ряда переводов. Среди них – «Краткий катехизис, переведенный на мордовский язык с наблюдением российского и мордовского просторечия, ради удобнейшего оного познания восприявших святое крещение. 1788-го года», составленный под общей редакцией епископа Дамаскина слушателем класса богословия Нижегородской духовной семинарии Иваном Тиховым, «природой из мордвы»⁷⁶. В качестве графической основы использовался кириллический (церковно-славянский) алфавит. Переводчик не применял специальных букв для обозначения фонем эрзянского языка; к тому же, следуя принципу буквальной передачи русского текста, он проигнорировал правила эрзянского синтаксиса и фонетики. Составитель внес в перевод много неологизмов, малоупотребительных в народных говорах эрзи Нижегородского края. Тем не менее, данная работа стала определенной вехой в развитии знаний о мордовских языках и выдержала три издания. На сегодняшний день выявлен печатный вариант третьего издания, вышедшего в Московской синодальной типографии в 1853 г.⁷⁷

⁷⁶ ОР РНБ. Ф.7. Д.35. Л.197–200.

⁷⁷ *Феоктистов А.П.* Очерки по истории формирования мордовских письменнo-литературных языков. Саранск, 2008. С.49.

Перу И. Тихова принадлежит и другой труд, датированный 1789 г. – «Речи для перевода на мордовский язык». Работа содержит русские числительные и отдельные фразы на эрзянском языке. По мнению А.П. Феокистова, перевод был подготовлен по предложению Л.И. Бакмейстера, помогавшего академику П.С. Палласу в составлении словаря народов Российской империи⁷⁸.

Заслуживает внимания и другая работа, подготовленная в Нижегородской духовной семинарии под руководством епископа Дамаскина – «Священная история. Краткими вопросами и ответами, сочиненная и переведенная на мордовский язык 1790 года марта 14 дня»⁷⁹. Ее составителем является слушатель Нижегородской семинарии Семен Березовский. Русские и мордовские тексты в ней представлены в двух параллельных столбцах. Сам перевод сделан на эрзянском языке. Как по объему лексикографического материала, так и по качеству, труд может считаться одним из наиболее значимых мордовских переводных памятников конца XVIII в. Как и тексты И. Тихова, «Священная история...» страдала теми же недостатками, связанными с использованием буквального метода перевода и слабым знанием составителем внутренних законов эрзянского языка. С. Березовский стремился максимально приблизить перевод к оригинальному тексту, поэтому его работа изобилует русскими заимствованиями, неологизмами и словами, сконструированными на основе церковнославянской терминологии.

Другие сохранившиеся переводные религиозные тексты, сделанные в стенах Нижегородской духовной семинарии в конце XVIII в.: «Символ веры» (1791 г.) (переводы Григория Симелейского и Григория Невоверова)⁸⁰ «Слова, взятые из разговоров для перевода на мордовский язык» (сост. Г. Симелейский), также были выполнены на эрзянском языке с использованием буквального метода передачи текста.

В начале XIX в. Св. Синод, озабоченный ростом отхода крещеных татар в ислам и слабым влиянием христианства на нерусские народы Восточной России, предписал епархиальному руково-

⁷⁸ Там же. С. 51

⁷⁹ ОР РНБ. Ф.7. Д.35. Л.2–44

⁸⁰ ОР РНБ. Ф.7. Д.35. Л.105–108.

дству перевести на тюркские и финно-угорские языки общеупотребительные православные молитвы и катехизис. Эти переводы предназначались для проведения церковных служб и проповедей в «инородческих» приходах.

19 мая 1803 г. казанский архиепископ Серапион (С.С. Александровский) сообщил синодальному руководству о подготовке студентами и преподавателями КазДА переводов на языках народов, проживающих в пределах Казанской губернии. Среди них имелся и перевод на мордовский (эрзянский) язык. Сам казанский архипастырь, признавая недостатки этого труда, писал, что «на мордовский же язык упоминаемые выше церковные молитвы, символ веры, десятисловие и катехизис хотя в академии же переведены; но как академия за верность перевода сего не ручается, поколику перевод сей чиним был учениками нижних классов, кои чаятельно и сами порядочно мордовского разговора не знают, почему для проверки сего на мордовский язык перевода и вызываются в Казань довольно знающие сей язык священники и дьяконы»⁸¹.

В своем отношении от 14 ноября 1803 г. архиепископ Серапион докладывал, что составленный перевод был просмотрен приглашенными в Казань священнослужителями мордовских приходов и что «некоторое несходство с тем мордовским языком найденное приведено ими в сходность того языка»⁸². Доработанный вариант был отправлен для печати в Санкт-Петербург⁸³. К сожалению, в делопроизводственных материалах Св. Синода, касающихся этого вопроса⁸⁴, а также в сборнике, подготовленном Н.И. Ильминским⁸⁵, нет сведений ни о конкретных составителях, ни о клириках, проверявших данную работу в Казани. По мнению

⁸¹ Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия: материал для истории православного русского миссионерства / сост. и авт. предисл. Н. Ильминский. Казань, 1883. С. 105–106.

⁸² Там же. С. 107.

⁸³ Там же. С. 229–238.

⁸⁴ РГИА. Ф.796. Оп.84. Д.4.

⁸⁵ Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия: материал для истории православного русского миссионерства / сост. и авт. предисл. Н. Ильминский. Казань, 1883.

учителя мордовской начальной школы КУС А.Ф. Юртова, проведенного по просьбе Н.И. Ильминского текстологический анализ доработанного варианта, это произведение было создано лицами, «хорошо знающими мордовский язык, но не природными мордвами»⁸⁶. Оценка архиепископа Серапиона, высказанная им в рапорте, о недостаточном знании составителями эрзянского языка, оказалась верна. По мнению А.Ф. Юртова, текст изобиловал грубыми ошибками, нарушением синтаксиса, неправильной фиксацией мордовских слов, «записанных по недослышке»⁸⁷.

Несмотря на эти недостатки, перевод, снабженный церковно-славянским букварем, был издан в 1804 г. в Московской синодальной типографии и разослан в Тамбовскую, Казанскую, Оренбургскую епархии, где существовали мордовские приходы⁸⁸. К сожалению, до сих пор не обнаружен ни один печатный экземпляр этой книги.

Наряду с казанским вариантом в Св. Синод был представлен эрзя-мордовский перевод, сделанный в Оренбургской епархии⁸⁹. А.Ф. Юртов считал, что он был составлен «русским грамотеем» при участии природного носителя языка. По мнению мордовского просветителя, «русский и его помощник мордвин друг друга мало понимали, должно быть. Русский не прочитывал мордвину целыми предложениями, а каждое слово заставлял переводить в отдельности, потому что почти нигде не встречается целой удачно переведенной фразы»⁹⁰.

Эти работы наглядно показывают несовершенство методики перевода. Фактически переложение оригинального текста осуществлялось путем перевода отдельных слов, которые соединялись в предложения строго в соответствии с церковно-славянским образцом, при этом не обращалось должного внимания на синтаксис – отмечаются многочисленные примеры некорректного использования предлогов, неправильного склонения слов и проч.

⁸⁶ Там же. С. 238.

⁸⁷ Там же. С. 239.

⁸⁸ Там же. С. 114–119.

⁸⁹ Там же. С. 229–243.

⁹⁰ Там же. С. 243.

Значительно более качественно был составлен вышедший отдельным изданием в Московской синодальной типографии в 1808 г. «Краткий катехизис, переведенный на мордовский язык, с наблюдением российского и мордовского просторечия, ради удобнейшего оного познания восприявших святое крещение». Этот эрзянский текст был подготовлен студентами Нижегородской духовной семинарии, по предложению епископа Дамаскина, в 1788 г. и хранился в ее библиотеке. После выхода синодального указа о подготовке православного катехизиса на языках нерусских народов эта рукопись, а также перевод двух молитв и исповеди, подготовленные местными священнослужителями под общей редакцией епископа Вениамина (В.Ф. Краснопевкова-Румовского)⁹¹, были отправлены в Санкт-Петербург и изданы в Москве для раздачи священнослужителям Нижегородской епархии⁹². Перевод выдержал три издания. По словам А.Ф. Юртова, он «отличается удачным большею частью подбором мордовских слов для выражения христианских понятий». В то же время «синтаксическая сторона в этом переводе неправильна: часто формы грамматические стоят не на месте, особенно же недостаток этого перевода в том, что он слишком буквально следует порядку и расположению слов в русском тексте»⁹³. Другое важное наблюдение рецензента – разное качество отдельных частей книги. Крайне неудачным, по его мнению, выглядел перевод исповеди, включенный в катехизис нижегородским епископом Вениамином.

Новая попытка составления вероучительных книг на мордовских языках была связана с деятельностью Российского библейского общества. Основной целью казанского отделения РБО был перевод Библии на языки нерусских народов Среднего Поволжья. В рамках решения этой масштабной задачи было обращено внимание на подготовку книг на эрзянском языке. 20 декабря 1818 г. председатель казанского отделения РБО архиепископ Амвросий (А.И. Протасов) донес в Св. Синод о составлении священником с. Непольское Алатырского уезда Симбирской губернии Андреем Ивановичем Охотиным «Священной истории» на мордовском (эр-

⁹¹ Там же. С. 243.

⁹² Там же. С. 134–135.

⁹³ Там же. С. 319.

зянском) языке. Казанский архипастырь просил рассмотреть рукопись и разрешить ее печать⁹⁴. Получив положительный ответ, казанское отделение РБО издало этот труд в 1820 г.

В это же время началась подготовка перевода Евангелия четырех евангелистов (Четвероевангелие) на эрзянский язык. Основную работу по переводу Св. Писания и его последующую корректуру взял на себя А. Охотин⁹⁵. В 1821 г. увидели свет Евангелие от Луки⁹⁶ и Четвероевангелие⁹⁷. Для их апробации и проверки, по распоряжению архиепископа Амвросия, во все мордовские приходы Казанской епархии было выслано по пять экземпляров перевода. Священнослужителям было предписано читать его прихожанам в церкви и в домах⁹⁸. Духовенство весьма высоко отозвалось о данных работах и их роли в христианском просвещении мордовского населения. Но последующие события показали, что эти оценки были явно преувеличены. В связи с непонятностью переводов как для священников, не владевших языком прихожан, так и для природных носителей языка, эти книги пылились на полках церковных библиотек и практически не использовались во время богослужения и проповедей. Как и предшествующие сочинения, издания РБО были выполнены путем буквального перевода. В данном случае использование буквального метода было связано не столько с плохой филологической подготовкой составителей, сколько с общей установкой церковного руководства не допустить в переводах искажений и «отступления» от оригинального текста. Для переводчиков именно эта задача была первична, несмотря на то, что при буквальном переложении («слово в слово») сознательно нарушались законы языка, игнорировались особенности построения предложений и проч.

⁹⁴ РГИА. Ф.796. Оп.100. Д.19. Л.3.

⁹⁵ *Можаровский А.Ф.* Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 год. М., 1880. С. 111.

⁹⁶ Господан минек Иисусан Христиан святой Евангелия евангелистан Лукас-то. Сиорматодоз эрзян келсе. СПб., 1821. 90 с.

⁹⁷ Господан минек Иисусан Христиан святой Евангелия Матфей, Марко, Лука и Иоан пелдест. Сиорматодоз эрзян келсе. СПб., 1821. 425 с.

⁹⁸ *Можаровский А.Ф.* Указ. соч. С.111.

Перевод и издание первых книг на мокшанском языке были связаны с оживлением миссионерского движения православной церкви в конце 1820-х – начале 1830-х гг., когда синодальное и епархиальное руководство всерьез озаботилось разработкой мер по усилению присутствия церкви в жизни православных тюркских и финно-угорских народов. Для этого в поволжских епархиях были созданы должности миссионеров, начали действовать или были восстановлены классы «инородческих» языков в духовных семинариях. В 1834 г., по инициативе комиссии духовных училищ Св. Синода, в Тамбовской духовной семинарии было введено преподавание мокшанского языка. Для преподавания этого предмета был приглашен магистр богословия Павел Петрович Орнатов⁹⁹. В связи с отсутствием учебных программ и пособий для изучения мокшанского языка, П.П. Орнатов был вынужден заняться разработкой специальной учебной программы и составлением мордовской грамматики, с помощью которой семинаристы могли бы познакомиться с основами мордовского языка. В качестве пособия для студентов предполагалось также издать мордовско-русский словарь, перевести чин церковной исповеди и Евангелие от Матфея. В 1836 г. грамматика была закончена и представлена на рассмотрение ректора семинарии¹⁰⁰. Для проверки пособия была организована комиссия в составе священников с. Матчи – Кедрова, с. Кушек – Салазгоровского, с. Салазгари – Анаевского¹⁰¹. Комитет нашел перевод правильным, за исключением отдельных слов и был рекомендован к публикации. Грамматика была издана в 1838 г. в Московской синодальной типографии.

Грамматика П. Орнатова стала первой попыткой систематической презентации мордовской лексики. Ее языковой основой

⁹⁹ П.П. Орнатов (1808–1840) родился в с. Катраве Елатомского уезда Тамбовской губернии. В 1831 г., после окончания Санкт-Петербургской духовной академии, был назначен преподавателем Тамбовской духовной семинарии, где служил вплоть до своей смерти в 1840 г.

¹⁰⁰ Существенную помощь П.П. Орнатову в подготовке грамматики оказал студент Тамбовской семинарии и учитель Евстафий Нечаев.

¹⁰¹ *Кубанцева И.А.* Первые учебные пособия для мордвы // Регионология. 2014. №1. С.201.

послужил западный диалект мокшанского языка. Грамматика сыграла важную роль в изучении языка мордвы Тамбовской губернии и стала основой для последующих работ исследователей в этой области.

8 мая 1840 г. тамбовскому епископу Арсению (Ф.П. Москвину) был представлен мордовско-русский (мокшанско-русский и русско-мокшанский) словарь, составленный П.П. Орнатовым. Но, в связи со скорой смертью его автора и отрицательным отзывом академика А. Шегрена, он не был опубликован и остался в виде рукописи.

С Тамбовской духовной семинарией тесно связана история другого видного языковеда и миссионера-переводчика – Александра Ивановича Тюменева¹⁰². Во время работы в Тамбовской семинарии А.И. Тюменев решил перевести на мордовский язык Евангелие от Матфея. Перевод должен был использоваться семинаристами и духовенством мордовских приходов в образовательной и миссионерской деятельности. Работа была завершена в 1857 г. и представлена епископу Макарию (М.П. Булгакову). Тамбовский архипастырь, найдя книгу полезной для распространения христианских идей в народе, предписал организовать в г. Темникове особый комитет из числа местных священников, знающих мордовский язык, во главе с местным протоиереем Петровым, для проверки данной рукописи. Комиссия привлекла к работе наряду со священнослужителями «природных мордвцев». В своем отзыве члены комиссии отмечали, что перевод, хотя и был найден понятным для мордвы «мокшанского наречия», но оказался «более приблизительным к эрзянскому наречию, употребляемому в здешней же епархии в уезде Спасском и около Кадома»¹⁰³. Работа А.И. Тюменева была рекомендована к печати.

¹⁰² А.И. Тюменев (ок. 1816–?) родился в Тамбовской губернии. Во время учебы в Тамбовской духовной семинарии посещал уроки П.П. Орнатова. В 1842 г. окончил Московскую духовную академию. С 1848 по 1857 г. служил преподавателем мокшанского языка в Тамбовской духовной семинарии.

¹⁰³ *Феоктистов А.П.* Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. Саранск, 2008. С.330.

31 марта 1860 г. тамбовский епископ Феофан (Г.В. Говоров) обратился в Св. Синод с просьбой опубликовать перевод Тюменева. Кроме того, архиерей сообщал о подготовке вышеозначенной комиссией перевода «Начатков христианского вероучения»¹⁰⁴. Св. Синодом было принято решение издать перевод Тюменева в Московской синодальной типографии тиражом 1200 экз. Однако в январе 1861 г. обер-прокурор Св. Синода А.П. Толстой решил приостановить печать книги, так как на книжных складах Св. Синода находился нереализованный тираж перевода Четвероевангелия (издания 1821 г.). А.П. Толстой предлагал начать печать новой книги после распределения уже имеющегося издания. Несмотря на последующие обращения тамбовского епархиального руководства о необходимости печати труда Тюменева, в связи с тем, что Четвероевангелие, переведенное на эрзянский язык, было непонятно для проживающей в Тамбовской епархии мордвы-мокши, этот вопрос долгие годы не находил положительного отклика в Св. Синоде. Лишь в 1868 г. обер-прокурор Св. Синода Д. Толстой сделал распоряжение о печати нескольких листов перевода Тюменева, которые были разсланы священникам мордовских приходов Центральной России, Поволжья и Западной Сибири. Ознакомившись с переводом, священники должны были высказать свои соображения. Хотя «отзывы были не совсем благоприятными для перевода, тем не менее, он со временем был напечатан, за неимением лучшего»¹⁰⁵. Увидевшее свет в Казани в 1879 г. «Евангелие от Матфея на мокшанском языке» стало первым изданием на мордовских языках, напечатанным ПК ПМО.

В пореформенный период основным миссионерским центром по переводу и изданию книг на восточных языках становится Казань, где были созданы новые просветительские институты (ПК ПМО, КУС), построившие свою работу на принципах, разработанных миссионером и востоковедом Н.И. Ильминским. Н.И. Ильминский лаконично выразил суть своей просветительской системы в широко известной триаде, сформулированной в его письме к обер-прокурору К.П. Победоносцеву: «Мои снаряды – инородческие книги, инородческое богослужение, инородческий причт

¹⁰⁴ РГИА. Ф.796. Оп.138. Д.1955. Л.7.

¹⁰⁵ Машанов М.А. Указ. соч. С. 149.

церковный со священником во главе». Таким образом, переводы и издание религиозных текстов являлись базисом его просветительской системы, необходимым условием для развития новых подходов в христианско-просветительской деятельности среди народов Волго-Уралья.

В конце 1860-х – начале 1870-х гг. начинают выходить переводы православных книг, а также учебные пособия на татарском, марийском, чувашском и удмуртском языках, выполненные в соответствии с концепцией Н.И. Ильминского. Эти работы, выполненные на новых принципах и на понятном для сельских жителей языке, оказались весьма востребованы как православным духовенством, так и самим сельским населением, среди которого, благодаря развитию начального образования, появилась прослойка «грамотеев», начала зарождаться интеллигенция. Первые мордовские книги были изданы в Казани относительно поздно – в конце 1870-х – начале 1880-х гг., что было связано как с объективными, так и субъективными причинами. Пожалуй, главным фактором, долгое время не дававшим казанским миссионерам начать эту работу, была позиция влиятельных деятелей церкви, а также многих представителей духовного сословия, служивших в мордовских приходах, которые считали, что в связи с сильной «обруселостью» представителей этой народности, особых книг для них переводить не нужно. Напротив, широкое издание таких работ, по их мнению, могло стать препятствием к дальнейшей интеграции мордовского населения в русское культурно-языковое пространство¹⁰⁶.

Н.И. Ильминскому, считавшему, что любой «инородец» должен иметь возможность познакомиться с православным вероучением на своем родном языке, потребовалось приложить большие лоббистские усилия, чтобы переломить сложившуюся ситуацию и добиться возможности наладить работу по переводу и публикации мордовских книг в Казани. Основным центром по подготовке новых мордовских изданий становится КУС, при которой в 1874 г. была открыта образцовая мордовская начальная школа. Именно

¹⁰⁶ Первоначально «мордовские наречия» не вошли в число тюркских и финно-угорских языков, на которых Переводческой комиссии ПМО было разрешено издавать религиозные переводы.

педагогический состав школы, а также студенты семинарии из числа мордвы становятся главными сотрудниками Переводческой комиссии ПМО по составлению религиозно-нравственной и учебной литературы на эрзянском и мокшанском языках.

Создание первого мордовского кириллического алфавита и переводов по методике Н.И. Ильминского на эрзянском языке тесно связано с деятельностью Авксентия Филипповича Юртова¹⁰⁷. Первые переводы были сделаны им еще во время обучения в стенах КЦКТШ. Поступив в КУС, А.Ф. Юртов продолжил свою работу под руководством Н.И. Ильминского. В 1872 г. им было завершено составление «Священной истории Ветхого Завета» на эрзянском языке. По окончании обучения в КУС в 1876 г., он был оставлен при ней преподавателем мордовской начальной школы. Время работы в КУС стало наиболее продуктивным в его карьере переводчика. Переводы на родной язык занимали все свободное время молодого педагога.

Первой опубликованной работой А.Ф. Юртова стала «Священная история Ветхого и Нового Завета. На эрзянском наречии». Она выдержала четыре издания (1880, 1883, 1894, 1895) общим тиражом 8 тыс. экз. В 1881 г. увидела свет брошюра под названием «Покш празнякть. Главные церковные праздники – Господни и Богородицы. На эрзянском наречии» (2400 экз.), в 1882 г. – «Евангелие от Матфея» (2400 экз.), в 1884 г. – «Чин исповеди и како причащати больного» (600 экз.)¹⁰⁸.

Для проверки и апробации сделанных им переводов, в летние каникулы А.Ф. Юртов ездил по мордовским селениям. Командировки преследовали как практические миссионерские цели – по-

¹⁰⁷ А.Ф. Юртов (1854–1916) родился в эрзянской крестьянской семье в татаро-чувашско-мордовской деревне Калейкино Мензелинского уезда Уфимской губернии. Первоначальное образование получил в Казанской центральной крещено-татарской школе. Работал учителем образцовой мордовской начальной школы КУС, в народных училищах Уфимской и Самарской губерний. С 1891 г. служил священником в мордовских приходах Уфимской епархии.

¹⁰⁸ Хронологический каталог изданий Православного миссионерского общества на русском языке и на языках инородцев Поволжских, Сибирских и Кавказских. С 1862 г. по май месяц 1910 г. Казань, 1911. С. 14–16; *Машанов М.А.* Указ. соч. С. 151.

знакомить сельское население с догматами православной церкви и ее вероучением, укрепить его в христианстве, так и научные – определить диалектные особенности говоров мордвы-эрзи, исправить ошибки и унифицировать тексты переводов. Кроме того, во время этих командировок он изучал мордовский фольклор, записывал сказки, песни, поговорки, проведение обрядов и праздников. В письме Н.И. Ильминскому Юртов так описал одну из своих поездок: «я 1 июня из Письмянки один пошел в мордовское село Старые Бориски, которое от Письмянок около 50 верст будет. До Борисок я в этот же день вечером дошел. Здесь я на квартире только переночевать попросился, а как переночевал, сказал хозяевам, что я желал бы у них еще денька два пожить. Они сказали: мы очень рады тебе, хоть и больше живи у нас. Я на следующий день открылся им, что и я такой же мордвин, как и они, потом рассказал, зачем я к ним в деревню пришел. Я здесь три дня проживал, не только бранного слова, но и грубости не слышал в обращении семейных друг с другом... Отсюда я тоже в мордовское село Секлетар отправился, куда часов в семь прибыл. Я в Секлетаре вышел на улицу, сел на лавочку, тут подошло ко мне несколько старичков, которым я рассказал, зачем пришел к ним, и еще, между прочим, сказал, что кое-что из Св. Писания перевожу на мордовский язык. Старики просили меня что-нибудь прочесть из переведенного мною. Я, конечно, с полным удовольствием удовлетворил их желание. После чтения некоторые старики со слезами на глазах говорили: «Экой, Вере Нишке Паз Корьминицкем! Кода Инязоро-пазось минек кискак старе, коли зярд бу минь эрзянь кельсэ Паздо марявлинек»¹⁰⁹.

Собранные Юртовым во время многолетних экспедиций этнографические материалы стали основой его первого оригинального двухтомного исследования «Образцы мордовской народной словесности» (Вып. 1. Песни. На эрзянском и некоторые на мокшанском наречии, Казань, 1882; Вып.2 Сказки и загадки, Казань, 1883). Издание сборника стало заметным явлением в развитии мордовского языкознания, фактором сохранения народного фольклора и богатого историко-культурного наследия

¹⁰⁹ Цит. по: *Мокшин Н.Ф.* А.Ф. Юртов и М. Е. Евсевьев – просветители мордовского народа // Социально-политические науки. 2015. №2. С. 8.

мордовского народа. Наряду с Юртовым в подготовке издания принимали участие ученики мордовской образцовой школы КУС. В частности, в примечаниях ко второму тому указывалось, что «III, IV, VI, VIII–XI сказки написаны ... уроженцами Симбирской губернии Буинского уезда села Атяшкина; XXVIII сказка и следующая за ней под № XXIX мольба при начатии посева написаны окончившим курс воспитанником вышеозначенной семинарии, уроженцем того же села Атяшкина, а теперь учителем Федором Стрелковым»¹¹⁰. Для самих казанских миссионеров-переводчиков издание этого сборника преследовало практические цели. В отсутствие общедоступных мордовско-русских словарей и грамматик «Образцы...» являлись основным пособием по народному языку при подготовке переводов.

Наряду с положительными оценками, полученными от ученых-востоковедов, издание этих книг вызвало «сильные нарекания на Переводческую комиссию, которые вытекали из поверхностного взгляда на дело»¹¹¹. В адрес Н.И. Ильминского посыпались обвинения в культивировании мордовской обособленности. В связи с этим М.А. Машанов, ставший после смерти Н.И. Ильминского (1891 г.) председателем Переводческой комиссии, отмечал, что «комиссия была вынуждена издать эти материалы главным образом с тою целью, чтобы иметь под рукою слова и формы такого языка..., который при своей неразработанности представлял много затруднений при переводе»¹¹². Действительно, публикация данного труда имела важное значение в пополнении лексической базы эрзянского языка для переводов и в целом в развитии финно-угроведения.

Другим крупным достижением А.Ф. Юртова стала разработка первого эрзянского алфавита на основе кириллической графики. В 1884 г. ПК ПМО был издан подготовленный им при содействии Н.И. Ильминского «Букварь для мордвы-эрзи»¹¹³. Всего для обо-

¹¹⁰ Образцы мордовской народной словесности. Вып. 2. Казань, 1883. С. 308.

¹¹¹ Машанов М.А. Указ. соч. С. 150.

¹¹² Там же.

¹¹³ Букварь для мордвы-эрзи с присоединением молитв и русской азбуки. Издание Православного миссионерского общества. Казань, 1884. 103 с.

значения звуков эрзянского языка было использовано 34 буквы (а, л, к, о, с, р, т, у, н, ы, п, ш, м, д, в, з, ч, г, б, ж, ф, ө, э, ь, и, я, е, ё, ю, й, ц, с, і, х). В связи с отсутствием в мордовском языке аналогичных фонем, в алфавите не было букв щ, в (ижица), ь, использовавшихся в церковном букваре. Для обозначения элизии конечного гласного слова на стыке с начальным гласным следующего слова, а также деэтимологизации согласных, А.Ф. Юртов использовал знак апострофа (') (вальм'ало – под окном, панд'ало – под горой и т.д.)¹¹⁴. Наряду с унификацией графической системы, в букваре была предпринята попытка нормализации письменного языка – внедряются единые правила орфографии и правописания слов, происходит упорядочение письменных форм на лексическом уровне¹¹⁵.

Оценивая научно-переводческую деятельность А.Ф. Юртова, отметим, что она заложила основные векторы последующего развития мордовско-эрзянской письменной традиции, способствовала приобщению сельских жителей к богатству православно-русской культуры. Необходимо отметить, что переводческая методика мордовского просветителя не сводилась исключительно к буквальному переложению русского текста на эрзянский язык. Составитель использовал определенные художественные приемы, понятную для простого народа терминологию (в том числе религиозную), стремился отказаться от искусственных лексических форм.

В связи с переходом на должность учителя начальной школы в Самарской губернии (1883 г.) (с. Старая Бесовка, Старая Бенорадка) и посвящением в сан иерея (1891 г.) (с. Андреевка Уфимской губернии), переводческая активность А.Ф. Юртова с середины 1880-х гг. значительно снизилась. Знакомство с его перепиской показывает, что в «самарский» и «уфимский» периоды своей жизни Юртов хотя и продолжал работать над переводами (в первую очередь занимался просмотром и корректурой рукописей, присылаемых из Казани Н.И. Ильминским), собирал произведения устного народного творчества, но сильная загруженность

¹¹⁴ Феоктистов А.П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. Саранск, 2008. С.250.

¹¹⁵ Там же. С.251–252.

прямыми служебными обязанностями не позволяла ему в полной мере реализовать свой научный и литературный потенциал¹¹⁶.

С середины 1880-х гг. основную роль в переводческой деятельности на мордовских языках берет на себя ученик и преемник А.Ф. Юртова – воспитанник КУС Макара Евсевьевич Евсеев (Кобаев)¹¹⁷. В письме к министру народного просвещения И.Д. Делянову Н.И. Ильминский так охарактеризовал своего воспитанника: «в 1883 г. в Казанской учительской семинарии окончил курс воспитанник, природный мордвин эрзя Симбирской губернии М.Е. Евсеев, и оставлен учителем начальной мордовской при семинарии школы. С самого начала своей службы он обнаружил бескорыстное усердие и способность к переводческому делу. Почва была отчасти приготовлена собранием некоторых образцов эрзянского наречия мордовского языка и переводом на названное наречие Евангелия от Матфея, двух-трех вероучительных книг прежним учителем оной школы, ныне священником Юртовым»¹¹⁸.

Первой работой М.Е. Евсеева, изданной Переводческой комиссией, стала брошюра «Крещение Руси при святом князе Владимире. На эрзянском наречии мордовского языка. В память 900-летия крещения Руси» (Казань, 1888, 1200 экз.). В строгом смысле, этот труд не являлся точным переводом, это скорее вольное переложение исторических сюжетов, связанных с обращением в православие жителей Киевской Руси. Этот опыт был высоко оценен А.Ф. Юртовым. В своем письме Н.И. Ильминскому он писал, что «перевод (правильнее, по-моему, переложение «Крещения Руси» на эрзянский язык), сделанное Макаром Евсевьевичем, очень хорошо, так что ни одной книги нет еще так хорошо переложенной

¹¹⁶ ГА РТ. Ф.968. Оп.1. Д.166.

¹¹⁷ М.Е. Евсеев (1864–1931) родился в эрзянской крестьянской семье в деревне Малье Кормалы Симбирской губернии. В 1883 г. окончил Казанскую учительскую семинарию, в 1892 г. – историко-филологический факультет Казанского университета. Выдающийся мордовский просветитель, ученый филолог и этнограф.

¹¹⁸ Юрченков В. Политика государства в сфере образования мордвы // Весна народов: этнополитическая история Волго-Уральского региона. Сборник документов / под ред. К. Мацузато. Саппоро, 2002. С.62.

на мордовский язык. Я думаю, что и буквальные переводы Евангелия, молитв и др. Макара Евсевьевича делает не хуже»¹¹⁹.

В последующие годы М.Е. Евсеевым на эрзянском языке были переведены и изданы: «Молитвы и церковные песнопения. На эрзянском наречии мордовского языка» (Казань, 1890, 1898), «Святое Евангелие от Луки. На эрзянском наречии» (Казань, 1890, 1897), «Рассказ о болезни и смерти государя императора Александра III-го и о вступлении на престол государя императора Николая II» (Казань, 1894), «Молитвенник. На эрзянском наречии» (Казань, 1897)¹²⁰.

Наряду с работами на эрзянском языке, М.Е. Евсеев с конца 1880-х гг. начинает заниматься составлением переводов для мордвы-мокши. В это время в селениях мокши в Тамбовской, Нижегородской, Пензенской губерний стали открываться школы, для которых требовались учебные пособия и религиозная литература. В 1882 г. директор народных училищ Пензенской губернии обратился в Переводческую комиссию с просьбой перевести и издать особые книги для мордовских школ и Св. Писание. Но из-за отсутствия в Казани специалистов, владевших мокшанским языком, реализовать этот проект не удалось. Не увенчалась успехом и попытка решить эту проблему силами местных энтузиастов-переводчиков. 16 января 1883 г. священник с. Катмис Городищского уезда Пензенской губернии Н. Барсов обратился в Казанский комитет цензуры духовных книг с просьбой разрешить ему издать «в помощь священникам мордовских приходов» в нескольких экземплярах мокшанские переводы: поучения Бандакова, Евангелие от Иоанна, формы склонений и спряжений мордовского языка¹²¹. Но перечисленные работы не были предоставлены в Переводческий комитет для рассмотрения и публикации.

¹¹⁹ ГА РТ. Ф.968. Оп.1. Д.166. Л. 19.

¹²⁰ Хронологический каталог изданий Православного миссионерского общества на русском языке и на языках инородцев Поволжских, Сибирских и Кавказских. С 1862 г. по май месяц 1910 г. Казань, 1911. С.14–16; *Машанов М.А.* Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования. 1867–1892. Казань, 1892. С.151.

¹²¹ *Юрченков В.* Указ. соч. С.55.

В 1889 г. к попечителю КУО П.Н. Масловскому поступило официальное обращение от попечителя Харьковского учебного округа Н.П. Воронцова-Вельяминова с просьбой о помощи в организации школьного дела среди мордвы Пензенской губернии. С этим вопросом П.Н. Масловский обратился к Н.И. Ильминскому, который подготовил пространную записку по этому вопросу. Основная мысль Николая Ивановича сводилась к тому, что качественное улучшение школьного образования мордвы было возможно только при внедрении двуязычной системы преподавания. Для этого предлагалось перевести и издать религиозную и учебную литературу на мокшанском языке¹²².

Для подготовки необходимых изданий Н.И. Ильминский предлагал командировать в Пензенскую и Тамбовскую губернию М.Е. Евсеева. «Так как в Пензенской и Тамбовской губерниях, – писал Ильминский в своей записке, – преобладает население мокши, которое находится почти исключительно в Тамбовской губернии, а в Пензенской преимущественно, то Евсеев должен посетить мокшу в обеих губерниях. Нет надобности побывать во всех мокшанских селениях, но желательно, по крайней мере, чтобы он лично познакомился с возможными особенностями мордовских говоров. Так как сам Евсеев эрзянин и о мокшанском наречии имеет еще не совсем твердое понятие, то ему посему нужно некоторое время, чтобы основательно ознакомиться с формами наречия мокши и затем сделать свои переложения непременно среди мокшанского населения и при постоянном содействии природных мокшей»¹²³.

Таким образом, М.Е. Евсеев во время своих командировок должен был заниматься не только переводами, но и изучением говоров мордвы-мокши. Первая поездка мордовского просветителя по мокшанским селениям состоялась летом 1889 г. Изучением мокшанского языка Евсеев занимался преимущественно в Инсарском и Краснослободском уездах Пензенской губернии: в с. Адашеве – две недели, в Старом Пшеневе – месяц, с. Рыбкине – два месяца. При помощи священнослужителей сел Старое Пшенево и

¹²² Машанов М.А. Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования. 1867–1892. Казань, 1892. С.151.

¹²³ Юрченков В. Указ. соч. С.58.

Рыбкино Н. Борисова и М. Беляева им был составлен ряд новых переводов, изданных в 1891 г. в Казани – «Молитвы и ирмосы св. Пасхи. На мокшанском наречии» (2 тыс. экз.), «Крещение Руси. На мокшанском наречии» (1200 экз.), «Святое Евангелие от Луки. На мокшанском наречии» (1200 экз.)¹²⁴. Основой для них стали одноименные эрзянские книги, изданные Переводческой комиссией в предшествующее время.

В последующие годы М.Е. Евсеев продолжил практику научных командировок в населенные пункты мордвы-мокши, значительно расширив их географию. В ходе поездок ученый предпринял попытку систематизации диалектных особенностей мокшанского языка, собрал лексический материал для словаря говоров мордвы, продолжил составление мокшанских переводов¹²⁵. В 1897 г. увидела свет подготовленная им «Священная история Ветхого Завета. На мокшанском наречии» (2 тыс. экз.).

Отдельно следует сказать о составленных М.Е. Евсеевым учебных пособиях. В 1892 г. был опубликован его «Букварь для мордвы-эрзи» (второе изд., 1897 г.). Это было значительно доработанное издание букваря А.Ф. Юртова 1884 г. В «Букваре...» Евсеева был представлен несколько видоизмененный эрзянский алфавит, состоявший из 33 графем (а, л, к, с, о, у, р, т, н, д, ш, п, в, м, з, ч, ж, г, ф, ь, я, и, і, е, ё, й, ю, ы, э, б, ц, щ, нг). Евсеевым была введена новая буква нг для обозначения назального в позиции перед заднеязычными г и к (пангго – гриб, лангго – поверхность и др.). Другой его новацией стало исключение из эрзянского алфавита буквы ъ¹²⁶.

В этом же году увидел свет «Букварь для мордвы-мокши». Для обозначения специфических звуков мокшанского языка в алфавит были добавлены буквы â (для передачи а неполного об-

¹²⁴ Хронологический каталог изданий Православного миссионерского общества на русском языке и на языках инородцев Поволжских, Сибирских и Кавказских. С 1862 г. по май месяц 1910 г. Казань, 1911. С.14–16.

¹²⁵ Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве святителя Гурия за 1894. Казань, 1895. С.16.

¹²⁶ Феоктистов А.П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. Саранск, 2008. С.252.

разования), я с верхним двоеточием (для передачи ä переднего ряда нижнего подъема), ы с верхним подчеркиванием (для передачи ненапряженного редуцированного гласного среднего ряда), н^г (для обозначения позиционно обусловленного заднеязычного варианта н перед г и к). В алфавите отсутствовали буквы «ять» и ь, не имевшие фонемических аналогов в мокшанском языке¹²⁷. Представленные в букварях алфавиты закрепились в письменных традициях и вплоть до 1920-х гг. оставались графической нормой мордовских языков.

В 1892 г. на мокшанском и эрзянском языках тиражом по 2 тыс. экз. был издан «Первоначальный учебник русского языка». В его основе лежало одноименное учебное пособие, подготовленное Н.И. Ильминским для крещено-татарских школ. В мордовских вариантах книги, подготовленных М.Е. Евсеевым, было представлено более 2 тыс. русских слов и выражений и их переводы на мордовские языки, а также краткие правила русской грамматики. Кроме того, в учебниках нашли отражение правила мордовской морфологии и синтаксиса, конкретные лексические примеры.

Знаковым событием в истории мордовской переводной книги стал выход в свет «Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна» (сост. М. Евсеев). Этот труд, как по качеству художественного исполнения, так и по научному уровню можно считать одним из лучших переводных изданий на мордовских языках дореволюционного периода. Евсееву удалось, не отходя от строгого смысла содержания Нового Завета, творчески осмыслить и доступно изложить его текст. В переводе была широко представлена эрзянская народная лексика, практически отсутствовали русские обороты речи¹²⁸.

Наряду с А.Ф. Юртовым и М.Е. Евсеевым в подготовке мордовских переводов участвовали и другие воспитанники КУС. В отчетах Переводческой комиссии встречается информация о том, что сельские учителя мордовских начальных школ и мордовское православное духовенство (С. Важдаев, Ф. Стрелков) помогали в состав-

¹²⁷ Там же. С.273.

¹²⁸ Кубанцева И. А. Переводные книги XIX в., используемые в просвещении мордвы // Интеграция образования. 2013. №4. С.81.

лении отдельных работ, проводили их корректуру¹²⁹. Фиксируются случаи подготовки переводов и русскими священниками мордовских приходов. Так, в 1914 г. совет Пензенского епархиального Иннокентиевского просветительского миссионерского братства обратился в Переводческую комиссию с просьбой рассмотреть и напечатать рукописи о. Орлова: «Священная история Нового Завета по книге епископа Агафодора», «Наставления в законе Божьем для начальных училищ» и др. После детального разбора данных работ комиссия не нашла возможным их издание, так как «усмотрены в представленных переводах погрешности синтаксического характера, найдено много неправильных употреблений слов»¹³⁰.

Таким образом, во второй половине XIX в. – начале XX в. православными просветителями на мордовских языках было издано 21 название религиозно-нравственных книг и учебных пособий общим тиражом более 40 тыс. экз. Мордовские издания, как, впрочем, и другая книжная продукция Переводческой комиссии, печатались на льготных условиях, что позволяло реализовывать их по низкой цене¹³¹. Часть тиража распространялась среди сельских учителей и духовенства бесплатно.

Подводя итог, отметим, что благодаря усилиям православных просветителей, к началу XX в. была разработана и получила широкое практическое применение методика переводов и издания книг на мордовских языках. Переводческая деятельность казанских деятелей сыграла важную роль в формировании письменности мордвы эрзи и мокши, способствовала нормализации мордовских письменных языков. Хотя эти процессы не были завершены ко времени установления советской власти, религиозные и учебные издания ПК ПМО стали необходимым фундамен-

¹²⁹ Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве святителя Гурия за 1908–1909 г. Казань, 1909. С.10; Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве святителя Гурия с 1 июля 1911 по 31 декабря 1912 г. Казань, 1913. С.19.

¹³⁰ Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве святителя Гурия за 1914 г. Казань, 1909. С.17.

¹³¹ *Каримуллин А.* Татарская книга пореформенной России. Казань, 1983. С.56.

том мордовской письменной и литературной традиции. Следует отметить, что по целому ряду причин мордовские книги не нашли достаточно широкого применения как в церковной практике (богослужение на мордовских языках имело ограниченный характер¹³²), так и в школьном деле (учебники Переводческой комиссии использовались только в качестве дополнительных пособий). Тем не менее, роль этих изданий в школьном и христианском просвещении мордовского народа весьма значима. Посредством переводной книги сельское население могло познакомиться с внутренним содержанием православного вероучения на родном языке, а подрастающее поколение – изучить мордовскую грамоту. Через эти труды в народный язык проникали новые русские заимствования, обогащалась мордовская лексика.

1.4. Издания на удмуртском языке

Пионерами в области переводов на удмуртский язык были вятские миссионеры. В 1803 г. указом Св. Синода руководству епархий Волго-Уральского региона было предписано перевести Символ веры и наиболее важные православные молитвы на языки местных народов. Удмуртские переводы первоначально планировалось сделать в Казани, но местная церковная администрация в связи с отсутствием в городе «ни одного, ученика (Казанской духовной семинарии – *Р.И.*), который разумел бы вотяцкий разговор», отказалась от решения этой задачи. Переводы были сделаны в г. Вятке под руководством архиепископа Амвросия (Орлина)¹³³. Непосредственный перевод осуществляло православное духовенство Глазовского уезда Вятской губернии. К концу 1803 г. на удмуртский язык были переложены: Символ веры, десятисловие, краткий катехизис, 50-й псалом (Помилуй мя Боже) и 14 общеупотребительных молитв. Эти тексты, как и последующие работы, были сделаны на основе русского кириллического алфавита, в графическом отношении опирались на букварь

¹³² ГА РТ. Ф.968. Оп.1. Д.121. Л.3–4 об.; Д.150. Л.147–150.

¹³³ Наряду с Вяткой, попытки сделать аналогичный перевод предпринимались в Оренбурге.

первой удмуртской грамматики 1775 г., составленный под общей редакцией казанского митрополита Вениамина (Пуцек-Григоровича).

После получения готовых текстов, в связи с тем, что «иные написаны худо и против правил грамматики и орфографии ..., а другие с переменною самого подлинника», переводы были просмотрены сотрудниками Вятской духовной консистории. По не совсем понятным причинам эти тексты не были напечатаны¹³⁴.

Схожая судьба была и у другой рукописи, подготовленной вятскими миссионерами. 24 июля 1816 г. заштатный священник с. Еловское Захарий Кротов подготовил «Остяцкую грамматику»¹³⁵, основанную на глазовском диалекте северного наречия удмуртского языка. Этот труд был сделан для обучения удмуртскому языку православного духовенства и учеников Вятской духовной семинарии. Вятский архиепископ Гедеон (Ильин), найдя рукопись «полезной для дела миссии», отослал ее в Санкт-Петербург, митрополиту Амвросию (Подобедову) для проверки в Академии наук и издания в качестве пособия священникам удмуртских приходов. Но в связи с отсутствием в столице специалистов в достаточной мере владевших удмуртским языком, грамматика осталась в виде рукописи.

В 1818 г. был открыт Вятский комитет Российского библейского общества, одной из целей которого был перевод и издание Евангелия на удмуртский язык. Для перевода Евангелия от Матфея и Марка был избран коллектив авторов, служивших в Глазовском уезде – протоиерей с. Святицкое А. Шкляев, протоиерей г. Глазов И. Платунов, священники с. Уканское Н. Новоструев и

¹³⁴ Рукописи переводов были обнаружены Н.И. Ильминским в делах Св. Синода и опубликованы в сборнике: *Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия: материал для истории православного русского миссионерства / сост. и авт. предисл. Н. Ильминский. Казань: Тип. ун-та, 1883. С. 392–302.*

¹³⁵ Полное название рукописи: «Отяцкая грамматика для обучения малолетних юношей равноже и взрослых знать отяцкой язык желающих, сочиненная Вятской епархии Глазовской округа села Еловского Троицкой церквя заштатным иереем Захарию Кротовым 1816го года июля 21го дня».

Н. Утробин, с. Белезинское Стефан Анисимов, с. Еловское З. Кро-тов, а также глазовский купец 2 гильдии из удмуртов И. Волков. Перевод Евангелия от Луки был поручен священникам Елабужского уезда: Иоанну Анисимову (с. Можга) и Стефану Красноперову (с. Алнаши). Евангелие от Иоанна перевели священники с. Дебес Павел Тронин и с. Балезинское Стефан Анисимов¹³⁶.

В ходе проверки перевода Евангелия от Матфея и Марка, его читали в селениях удмуртов, после чего текст дорабатывался и подвергался корректуре. Найдя его «вразумительным для всех вотяк», члены Вятского комитета РБО решили отпечатать его тиражом 2 тыс. экз. Первые 7 страниц книги, изданные в начале 1823 г., были разосланы в 27 приходов с удмуртским населением для чтения во время Рождественского богослужения. Но печать полного издания Евангелий от Матфея и Марка на удмуртском языке, начатая в 1824 г., была приостановлена в связи с изменением политической конъюнктуры в стране с приходом к власти императора Николая I. В 1826 г. РБО было расформировано, а переводы Св. Писания на удмуртском языке так и не были отпечатаны.

По мнению современников и дореволюционных исследователей, переводы Евангелий от Матфея и Марка, подготовленные Вятским комитетом РБО, оказались относительно удачной работой, о чем свидетельствовали отзывы самих носителей языка – прихожан из числа удмуртов, отмечавших «удобопонятность» читанных им во время богослужения текстов. В 1838 г. вятское епархиальное руководство вновь поднимает перед Св. Синодом вопрос об издании этих текстов. В сентябре 1838 г., по решению Св. Синода, рукописи переводов Евангелий от Матфея и Марка возвращаются в Вятку для проверки на соответствие церковнославянскому тексту и дальнейшего редактирования. Данная работа была поручена священнику с. Белезинского Глазовского уезда Петру Редникову. П. Редников, найдя перевод соответствующим русскому оригиналу, в то же время отметил использование в текстах двух удмуртских диалектов – Евангелия от Матфея было переведено на язык сарапульских удмуртов, Евангелие от Марка – глазовских удмуртов. Для унификации текста П. Редни-

¹³⁶ Луппов П.Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX в. Вятка, 1911. С. 17.

ковым была осуществлена переработка Евангелия от Матфея на глазовский диалект. Эти переводы были апробированы среди удмуртов Глазовского и Сарапульского уездов и были найдены удовлетворительными¹³⁷.

В рассматриваемое время вятскими миссионерами на удмуртском языке была подготовлена также рукопись «Начатки христианской веры» (краткий православный Катехизис). Перевод был осуществлен согласно указу Св. Синода от 24 декабря 1828 г. о. Стефаном Анисимовым на «глазовском наречии» и о. Григорием Решетниковым на «сарапульском наречии»¹³⁸.

11 октября 1844 г. Св. Синод предписал отпечатать Евангелия от Матфея и Марка на «глазовском наречии» тиражом 500 экз., Евангелие от Матфея на «сарапульском наречии» тиражом 700 экз., «Начатки христианской веры» тиражом 1200 экз. в типографии Казанского Императорского университета, где имелись квалифицированные специалисты, которые могли произвести корректуру и печатание переводов. В качестве редактора был избран учитель Казанской духовной семинарии, уроженец Вятской губернии Никандр Капачинский, но в октябре 1844 г. он отказался от этой должности, ссылаясь на свою болезнь и занятость в семинарии. Для замещения этой должности Вятской духовной консисторией было предложено командировать в Казань казначея Вятского Успенского Трифоновского монастыря иеромонаха Климента.

«Начатки Христианской веры»¹³⁹, Евангелия от Матфея и Марка на глазовском диалекте, Евангелие от Матфея на сара-

¹³⁷ Луппов П.Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX в. Вятка, 1911. С. 216.

¹³⁸ Сахарных Д.М. Из истории удмуртской письменности // Актуальные проблемы современной России. Сб. научных работ. Вып.2. Ижевск, 2003. С. 326–334.

¹³⁹ Данная работа вышла в составе двух изданий под названиями: Азбука составленная из Российских церковной и гражданской печати, букв для обучения вотских детей чтению на их наречии (по Глазовскому). Казань, 1847. 174 с.; Азбука составленная из Российских церковной и гражданской печати, букв для обучения вотских детей чтению на их наречии (по Сарапульскому). Казань, 1847. 192 с.

пульском диалекте начали печататься в 1846 г., но лишь в 1847 г. тираж изданий поступил в Вятку¹⁴⁰.

Таким образом, потребовалось 25 лет для того, чтобы, пройдя все бюрократические процедуры и согласования, отредактировать и издать удмуртский перевод одного из центральных трудов православного вероучения – Евангелия от Матфея и Марка. Наряду с боязнью искажения Св. Писания при переводе на ненормированный язык, такая задержка была связана с позицией некоторых влиятельных деятелей церкви.

Появление этих трудов было важным этапом в развитии переводческой и книгоиздательской деятельности на удмуртском языке, по словам Е.Ф. Шумилова стало одним из «блоков фундамента новой удмуртской культуры»¹⁴¹. Эти переводы показывают уровень развития знаний об удмуртском языке в первой трети XIX в. Несмотря на то, что среди переводчиков не было профессиональных филологов-востоковедов, им удалось довольно корректно передать тексты Св. Писания на удмуртский язык. Важной новацией вятских миссионеров стало привлечение к переводческой деятельности удмуртов, корректировавших тексты в соответствии с особенностями народных говоров.

О высоком уровне подготовки вятских миссионеров в области финно-угорских языков может говорить и факт совершения в 1861 г. первого удмуртского богослужения (молебна и панихиды) «противоязыческим» миссионером Глазовского уезда И.А. Стефановым в присутствии вятского епископа Агафангела (Соловьева)¹⁴². Служба оказала большое эмоциональное воздействие на собравшихся удмуртов и показала потенциал богослужения на родном языке в деле приобщения нерусских народов к православию.

¹⁴⁰ Луппов П.Н. О первых вятских переводах источников христианского просвещения. Очерк из истории инородческих переводов. Казань, 1905. С. 12–13.

¹⁴¹ Шумилов Е.Ф. «Евангелие от Матфея» – первая удмуртская печатная книга (1823) // Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития. Материалы международной конференции. Ч.1. Фольклор, литература, краеведение. Библиотека – книга – читатель. Глазов, 1997. С. 94.

¹⁴² Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф.237. Оп.165. Д.81. Л.7–7 об.

Подводя итоги переводческой деятельности на удмуртском языке в первой половине XIX в., отметим, что она не имела системного характера, а ее результаты были весьма ограничены. Несмотря на наличие знатоков удмуртского языка из числа православного духовенства, вятское епархиальное руководство в весьма ограниченных рамках привлекало их к решению переводческих задач. Издание подготовленных переводов затягивалось на десятилетия. В результате, в рассматриваемый период из печати вышло всего несколько книг.

В связи с тем, что центром нового просветительского движения, в котором были созданы основные переводческие институты в эпоху Великих реформ 1860–1870-х гг. (ПК ПМО, КУС) становится Казань, именно здесь предпринимаются первые попытки переводов на удмуртский язык в соответствии с методическими разработками Н.И. Ильминского.

В связи с отсутствием в Казани хороших специалистов в области удмуртского языка, Н.И. Ильминский привлек к этой работе воспитанника КЦКТШ Бориса Гаврилова. Работая учителем миссионерских школ в смешанных удмуртско-татарских селах Казанского уезда, Б. Гаврилов, изучив удмуртский язык, делает первые опыты по переводам религиозных текстов. По поручению Братства св. Гурия, Б. Гаврилов в летнее время совершал поездки по удмуртским селениям с целью изучения языка и быта местных жителей¹⁴³. В 1868 г. он поступил учителем в удмуртскую школу дер. Ушма, где смог улучшить свои языковые навыки и приступить к планомерной работе по подготовке религиозных книг и учебных пособий на удмуртском языке¹⁴⁴.

Используя за основу вышедшие к этому времени татарские издания, Б. Гаврилов в 1874 г. перевел «Начальное учение православной христианской веры»¹⁴⁵ и «Главные церковные праздни-

¹⁴³ Кельмаков В.К. Вехи истории удмуртского языковедения. Ижевск, 2011. С.141–142.

¹⁴⁴ Пислегин Н., Чураков В. Контактные зоны удмуртов и татар // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. VI. Казань, 2013. С.642.

¹⁴⁵ Начальное учение православной христианской веры на вотском языке. Чын ден кингаез. Казань, 1874. 90 с.

ки»¹⁴⁶. В 1875 г. увидел свет «Букварь для крещеных вотяков»¹⁴⁷, в 1877 г. «Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелие от Матфея»¹⁴⁸, «Священная история Ветхого и Нового Завета»¹⁴⁹.

В дальнейшем, став священником, Б. Гаврилов наряду с переводческой деятельностью занимается изучением этнографии удмуртов. По словам удмуртских историков Н. Пислегина и В. Чуракова, «золотым фондом удмуртского фольклора и этнографии являются собранные им в 70-е гг. XIX в. образцы устного народного творчества и уникальные сведения об обычаях и обрядах удмуртов Казанской и Вятской губерний»¹⁵⁰. Результатом его многолетней работы стали капитальные труды: «Языческая религиозно-обрядовая жизнь современных вотяков Казанской и Вятской губерний, с предисловием о жилище, костюме, украшениях, пище, напитках и характере вотяков», отмеченная Малой золотой медалью Русского географического общества за 1884 г.¹⁵¹ (рукопись не была опубликована), и «Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний» (издана в Казани в 1880 г., тиражом в 1 тыс. экз.), являющаяся первым в истории филологической культуры опытом публикации большого

¹⁴⁶ Бадзым пражник-йос. Главные церковные праздники Господни и Богородичны. На наречии вотяков Казанской губернии. Казань, 1874. 102 с. (Хронологический каталог изданий Православного миссионерского общества на русском языке и на языках инородцев Поволжских, Сибирских и Кавказских. С 1862 г. по май месяц 1910 г. Казань, 1911. С.7, *Каракулов Б.И.* Удмурт литературной кыллэн сюресэз XVIII – XXI дауръёс. История удмуртского литературного языка XVIII – XXI века. Ижевск, 2006. С.133–135).

¹⁴⁷ Букварь для крещеных вотяков. Гожтет тодыте. Казань, 1875. 37 с.

¹⁴⁸ Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелие. От Матфея. Милям Господ Иисус Христослэн чшн Евангелиеез. Матфей гожтэм Евангелие / Издание Православнаго Миссионерскаго Общества. Казань, 1877. 82+190 с.

¹⁴⁹ Священная история Ветхого и Нового Завета. На вотяцком языке / Издание Православного Миссионерского Общества. Казань, 1877. 82+190 с. В подготовке удмуртских переводов 1875–1876 гг. наряду с Б. Гавриловым принимали участие Н.И. Ильминский и ученики КУС.

¹⁵⁰ *Пислегин Н., Чураков В.* Контактные зоны удмуртов и татар // История татар с древнейших времен в 7 т. Т.VI. Казань, 2013. С.642.

¹⁵¹ Там же.

корпуса оригинальных текстов на удмуртском языке – произведений важнейших жанров фольклора¹⁵². Уже после смерти в «Трудах IV археологического съезда» был опубликован его этнографический очерк «Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда, Урясь-Учинского прихода»¹⁵³.

Говоря об удмуртских переводах 1870-х гг., необходимо отметить, что выход их в свет стал возможен благодаря научно-методической работе Н.И. Ильминского. Несмотря на то, что Николай Иванович не являлся специалистом в области финно-угорских языков, благодаря своей широкой востоковедческой подготовке (он в совершенстве владел татарским, казахским, староузбекским (джагатайским), арабским, греческим языками), научной эрудиции и большому опыту в переводческом деле, он сыграл заметную роль в подготовке вышеназванных изданий, как в теоретическом, так и в практическом отношении. Н.И. Ильминский занимался разработкой удмуртского алфавита, на котором делались переводы. Для обозначения звуков удмуртского языка русские буквы были дополнены им знаками с диакритическими значками и символами, а также буквами из латинского алфавита. Несмотря на некоторую избыточность графических средств, этот алфавит позволял относительно точно зафиксировать фонетические особенности удмуртского языка и его отдельных диалектов. Данный вариант удмуртского алфавита, как впрочем, и другие кириллические алфавиты, разработанные Н.И. Ильминским, базировались на слоговом принципе письма.

Весьма красочной иллюстрацией переводческой методики Н.И. Ильминского является его опубликованные воспоминания о работе над удмуртскими текстами: «Вот я собрался излагать рассказ из Св. истории по-вотьяцки. Со мной сидит вотьяк. Для такого сотрудничества нужно выбрать человека толкового, любознательного, а лучше – набожного, который бы готов был сидеть с

¹⁵² Кельмаков В.К. Из истории удмуртского языкознания: первый опыт научного издания фольклорно-диалектологических текстов // *Lingistica Uralica*. 2001. №3. С.175.

¹⁵³ Гаврилов Б. Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда, Урясь-Учинского прихода // *Труды IV археологического съезда*. Казань, 1891. С. 80–156.

вами часы и дни для Бога и спасения своей души и понимал бы серьезность и духовную пользу этого дела. Мне удавалось иметь инородцев-сотрудников именно таких качеств. Итак, начинаю: я диктую своему вотяку по-русски, словами простыми и определенными, предложениями краткими. Говорю одно предложение, он перелагает его на свой родной язык – я пишу. Я говорю по-русски другое предложение, он говорит его по-вотяцки – я пишу, и так далее. Если бы все вдруг рассказать по-русски, хотя бы даже самым простым языком; то инородец хорошо и последовательно не усвоил бы сразу и не мог бы удовлетворительно воспроизвести цельный рассказ. А по предложениям ему не составит труда передавать на своем языке одно предложение за другим. Написавши таким образом несколько строк, некоторую, довольно цельную, часть повествования, я снова, в связи уже, перечитываю написанное своему сотруднику. Иногда отдельные предложения бывают построены удачно и правильно; но в общей сложности, во взаимной связи они кажутся нескладны; это всегда легче может обнаружиться при чтении всего к ряду. Тут нескладница сразу бросится в глаза, как фальшивый звук при последовательном пении какой-нибудь пьесы. Сначала я настаиваю на ясности, на понятности; потом добиваюсь того, чтобы наше изложение было складно: как сами инородцы рассказывают что-нибудь им известное, пусть чтобы было складно, правильно по языку и наше писание. Иногда мой сотрудник при этом кое-что и изменял. Не зная языка, я, разумеется, верил на слово своему толмачу. На первых порах работа шла весьма туго, медленно; мы еще не приновились друг к другу; для меня язык – темный лес, а сотрудник мой впервые занимается переводным делом. Но впоследствии дело становится легче; мало-помалу я затверживаю некоторые слова, осваиваюсь с этимологическими формами; потому что в рассказах, обыкновенно, повторяются одинаковые обороты и те же слова, – они сами собой входят в память. Когда какое-нибудь русское выражение затрудняло моего сотрудника, по новости для него предмета; тогда я предлагал ему такое же по грамматическому составу выражение о простом предмете, ему доступном, которое, следовательно, он легко мог формировать на своем родном языке; а я применял этот оборот к данному случаю и месту.

Ознакомившись отчасти с формами языка и втянув своего сотрудника в понимание дела, я от времени до времени снова прочитывал зады, все сначала; тут еще усматривались и исправлялись нескладицы и неисправности»¹⁵⁴.

Весьма важным подспорьем в работе над удмуртскими переводами для Н.И. Ильминского было хорошее знание татарского языка и опыт составления татарских переводов: «Занимаясь, для опыта, переложением на языки чувашский, вотяцкий и черемисский, – писал он, – я заметил большое сходство внутреннего значения форм и синтаксического построения в этих языках с татарским. Знание татарского языка значительно облегчало мне это переложение: диктуя своим инородческим сотрудникам переводимый или излагаемый текст по-русски, я старался формулировать его, по возможности, на татарский лад, и оказывалось, что наиболее характеристичные татарские обороты, которыми татарский язык резко отличается от русского языка, всегда почти буквально передавались на другие инородческие языки. Грамотные чуваша и вотяки, знающие хорошо татарский язык, свободно перелагали наши крещено-татарские переводы на свои родные языки, держась буквально того же изложения, но прямо с русского языка переводить они были бы не в состоянии... Языки черемисский и вотяцкий (мордовский также) относятся к финской группе; чувашский язык составляет, по-видимому, что-то среднее между финскими языками и турецко-татарским, приближаясь более к последнему. Таким образом, во всех этих языках, при разнообразии этимологических форм и отдельных слов, внутренний смысл и сущность этих форм почти совершенно одни и те же, даже значение слов, в отношении группировки понятий, иногда поразительно сходно; синтаксическое построение речи, т.е. состав предложений и т.п., тоже весьма сходно, так что буквальный перевод с одного языка на другой, не только в одной группе, но и в разных группах того же семейства, в общем будет понятен и

¹⁵⁴ Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И.Ильминского. Сборник документов и материалов / Авторы-составители: Р.Р.Исхаков, Х.З.Багаутдинова. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; Изд-во «ЯЗ», 2015. С.145–146.

удовлетворителен, за исключением только некоторых частных. Поэтому достаточно узнать основательно внутреннее устройство одного из многочисленных языков урало-алтайского семейства, чтобы иметь понятие о внутреннем устройстве и прочих языков того же семейства»¹⁵⁵.

Использование в качестве переводчиков неопытных и неподготовленных лиц, а также носителей иной языковой культуры, не имевших возможности в совершенстве передать смысл христианских текстов на удмуртский язык, было вынужденной, временной мерой, связанной с тем, что в 1870-х гг. в распоряжении руководства Переводческой комиссии не было лиц из числа удмуртов, имевших достаточные познания для этой сложной, многосторонней работы. Причиной этого явилось отсутствие у удмуртов, в отличие от крещеных татар и чувашей, центральной учительской школы, где педагогический состав и ученики, под руководством членов Переводческой комиссии (Н.И. Ильминского, И.Я. Яковлева и др.) готовили новые труды, делали их понятными для сельского населения. Отмечая это, М.А. Машанов писал: «составление понятных и благообразных переводов – дело трудное и без общезнания (имеется в виду центральное учебное заведение – *Р.И.*), в котором написанный кем-либо перевод мог бы проверяться чтением групп инородцев, почти невозможное – особенно в виду того, что инородческие языки, как языки не письменные, не имеют точно установленного значения слов и перевод, составленный в одной местности и не прочитанные с инородцами из других, оказывается для многих местностей непонятным»¹⁵⁶.

Существенным недостатком переводов 1870-х гг. было использование в качестве языковой основы говоров (кукморский и шошминский) удмуртов Казанского уезда Казанской губернии – довольно малочисленной этнотерриториальной группы удмуртского народа, имевшей заметные диалектные особенности. В связи с тем, что они проживали в контактной зоне совместно с татарами (татарами-мусульманами и крещеными татарами), в их

¹⁵⁵ Там же. С.148–149.

¹⁵⁶ Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве святителя Гурия. Казань, 1893. С.20.

языке присутствовали заимствования из тюркских, арабского и персидского языков, воспринятых в ходе многовекового культурного взаимодействия с соседями. Эти слова, широко использовавшиеся в переводах, не были известны представителями других языковых групп удмуртов и были им непонятны¹⁵⁷. Поэтому данные переводы в целом, могли применяться в школах и христианско-просветительской деятельности лишь среди удмуртского населения Казанской губернии.

Для начала планомерной работы требовалось провести большую работу в области выработки общих подходов в передаче удмуртских текстов, в изучении лексики отдельных диалектов удмуртского языка, накопить эмпирическую базу. Как признавались сами переводчики, главной трудностью в переводах было отсутствие в удмуртском языке синонимов многих слов из русских и церковнославянских текстов. «Иногда объяснение слов представляло такие трудности, – отмечалось, в одном из отчетов Переводческой комиссии, что от перевода некоторых слов и текстов приходилось отказываться... пока нам посильны на этом языке лишь свободные повествования, в которых мы можем видоизменять выражения, что недопустимо в отношении текста св. писания»¹⁵⁸.

Другим существенным препятствием в переводческой деятельности в 1860–1870-х гг. было слабое развитие религиозно-просветительских институтов среди удмуртов и малочисленность прослойки духовной интеллигенции. Отмечая недостаток христианского просвещения удмуртов, сдерживавшего переводческую деятельность, казанские миссионеры писали: «Переводы... роятся, как бы сами собой из религиозной жизни общества: нужно читать Апостол – его переводят, сначала устно для толкования и объяснения, затем записывают. Настает первая неделя Великого поста, общество начинает вчитываться в канон св. Андрея Критского, вникать в ее смысл, толковать, приближается св.

¹⁵⁷ Машанов М.А. Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования. 1867–1892. Казань, 1892. С. 147.

¹⁵⁸ Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве святителя Гурия. Казань, 1893. С.19.

Пасха, начинают переводить, разучивать и петь пасхальные ирмосы и проч.»¹⁵⁹.

Лишь в 1880-х – начале 1890-х гг. отмечается существенный сдвиг в этом направлении. В это время казанским переводчикам удалось наладить координацию с вятскими миссионерами и выработать методику совместной работы. Переводы, подготовленные в Вятской епархии местным православным духовенством, присылались в Казань, где рассматривались членами Переводческой комиссии и педагогическим составом КУС (при ней существовала образцовая удмуртская школа). В частности, в 1885 г. по указу Вятской духовной консистории коллективом переводчиков (П. Мышкиным, И. Утробиним, В. Фроловым, Н. Кротовым) на удмуртский язык были переведены «Краткий молитвослов» (молитвы, псалмы и важнейшие песнопения) и «Краткий священный сборник» (Святоотеческая хрестоматия)¹⁶⁰. В результате совместной деятельности вятских и казанских переводчиков, в 1880-х гг. в Казани на удмуртском языке были изданы: «Требник»¹⁶¹, «Букварь для вотяцких детей Сарапульского уезда Вятской губернии»¹⁶², «Песнопения всенощного бдения и божественной литургии»¹⁶³, «Сокращенный молитвослов»¹⁶⁴.

В конце 1880-х гг. наряду с Казанью и Вяткой, переводы начинают составляться в с. Старый Карлыган Уржумского уезда

¹⁵⁹ Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве святителя Гурия за 1894. Казань, 1895. С.4.

¹⁶⁰ Вятские епархиальные ведомости. 1885. №12.

¹⁶¹ Требник на вотяцком языке / Издание Православного Миссионерского Общества. Казань, 1882. 98 с.

¹⁶² Букварь для вотяцких детей Сарапульского уезда Вятской губернии. Казань, 1882. 38 с.

¹⁶³ Песнопения всенощного бдения и божественной литургии. Казань, 1886. 132 с.

¹⁶⁴ Сокращенный молитвослов на вотском языке / Издание Православного Миссионерского Общества. Казань, 1887. 79 с. (Хронологический каталог изданий Православного миссионерского общества на русском языке и на языках инородцев Поволжских, Сибирских и Кавказских. С 1862 г. по май месяц 1910 г. Казань, 1911. С.7, *Каракулов Б.И.* Удмурт литературной кыллэн сюресэз XVIII – XXI даурьёс. История удмуртского литературного языка XVIII – XXI века. Ижевск, 2006. С.136–142).

Вятской губернии, где была создана центральная вотская учительская школа. В лице ее учителя, местного уроженца Кузьмы Андреева, комиссия получает активного деятеля народного просвещения и переводчика. После знакомства с Н.И. Ильминским и открытия Карлыганской школы в 1881 г. он начинает принимать участие в корректуре удмуртских переводов, выступает в качестве эксперта, а с конца 1880-х гг. ведет самостоятельную работу по переводу православных молитв и адаптацию церковно-славянских текстов. Являясь педагогом-практиком и глубоко религиозным человеком, К. Андреев стремился расширить базу учебной и религиозно-нравственной литературы на удмуртском языке, необходимой для развития школьного и христианского просвещения соплеменников. Вступив в переписку с Н.И. Ильминским, К. Андреев высказывает свои мысли по поводу удмуртских изданий. Главным замечанием просветителя было «непонятность» и «неточность» некоторых слов и выражений в опубликованных удмуртских книгах¹⁶⁵. Свою роль здесь сыграли диалектные особенности текстов. В связи с объективными особенностями социокультурного развития удмуртского народа, замкнутостью и консервативностью удмуртского патриархального общества, в языке отдельных этнотерриториальных групп имелся заметный лексический пласт, не использовавшийся у других удмуртов, или применявшийся (имеются в виду отдельные слова и выражения) в ином смысле. Это создавало значительные сложности при составлении унифицированного текста. Необходимо отметить, что с такими сложностями сталкивались и другие переводчики. В частности, священник М. Елабужский писал, «что многие слова вотские в различных местностях имеют не одно значение, отчего некоторые выражения переводов вызывают в читателе неуместные игривые мысли. В особенности этим грешком страдают неопытные переводчики, мало знакомые с разноречием вотского языка. Недавно я имел возможность просмотреть Чин исповеди, предполагавшийся даже к печати. Между прочим предполагается кающемуся такой вопрос: съилас код-а эзкъ ёсты, тэръ-ёсты? Переведено: почитаешь ли старших ли старших начальников? По нашему же наречию (удмуртов Малмыжского уезда Вятской гу-

¹⁶⁵ ГА РТ. Ф.968. Оп.1. Д.82. Л.54–55.

бернии – *И.Р.*) данную фразу нужно так перевести: считаешь ли толстых и тысяцких (на свадьбе)? В этом же чине выражение «петь в церкви» переведено глаголом кыргызаны. У нас же этот глагол употребляется для обозначения пения исключительно мирских песен»¹⁶⁶. Для того, чтобы избежать таких ошибок и познакомиться с удмуртскими диалектами, К. Андреев (сам К. Андреев был носителем шошминского говора удмуртского языка) совершает несколько продолжительных поездок по удмуртским селениям, приезжает в Казань для занятий с учениками вотской образцовой школы КУС.

1890-е гг. стали наиболее плодотворным временем в переводческой карьере К. Андреева. В это время он занимается переводом на удмуртский язык православных молитв и церковнославянской азбуки, работает над корректурой готовых текстов. Важной заслугой просветителя стала разработка понятийного аппарата для обозначения православной терминологии. В связи с отсутствием в самих удмуртских книгах данных о составителях, а также вследствие того, что большинство из них были коллективными трудами, не представляется возможным однозначно определить, какие из них принадлежат перу К. Андреева. С большой долей вероятности можно утверждать его авторство (или по крайней мере, его важную роль в их составлении) по отношению к следующим книгам: «Начальное наставление в православной христианской вере»¹⁶⁷, «Краткий славяно-вотский словарь для казанских вотяков» (изд. 1892 г.)¹⁶⁸. Среди других работ, изданных на удмуртском языке в последнем десятилетии XIX в., надо отметить: «Первоначальный учебник русского языка» (перевод учебно-методического пособия Н.И. Ильминского)¹⁶⁹, «Хоровые

¹⁶⁶ Вятские епархиальные ведомости. 1902. Часть неофициальная. №11. С.589.

¹⁶⁷ Ицмар косемесэз дашэскины кучкон книга. Начальное наставление в православной христианской вере на вотском языке (Ветхий Завет). Казань, 1893. 167 с.

¹⁶⁸ Краткий славяно-вотский словарь. Пособие къ чтению Церковнославянскаго текста Новаго Завнта. Издание Православнаго Миссионерскаго Общества. Казань, 1892. 70 с. (ГА РТ. Ф.968. Оп.1. Д.82).

¹⁶⁹ Первоначальный учебник русского языка для вотяков. Казань, 1892. 121 с.

церковные песнопения» (перевод труда церковного композитора, учителя музыки КУС С.В. Смоленского)¹⁷⁰, «Поучение о воспитании и обучении детей»¹⁷¹, «Начальное наставление в христианской вере»¹⁷².

Конец 1890-х гг. можно рассматривать как определенную веху в истории удмуртской переводной книги, период, когда окончательно сложилась методика передачи христианских текстов на удмуртский язык. Наряду с работами, составившимися на отдельных диалектах удмуртского языка, появились первые книги с унифицированным текстом на письменном языке, которые должны были быть понятны для всех групп удмуртов. Для этого переводчики стремились максимально использовать общеупотребительные слова, встречающиеся во всех удмуртских говорах. В случае невозможности применения таких терминов, параллельно в скобках или подстрочных ссылках давались междиалектные соответствия – *бӧльмыяз (комнатаяз)* (в комнате), *ӹеч кылзэ вераса (бакельяса)* (добрые слова говорят) и др.

К этому времени произошла окончательная унификация удмуртского алфавита. В нем наряду с буквами русского алфавита использовались добавочные глифы с диакритиками (Ж ж, ӹ ӹ, I i, J j, Й й, Ӧ ӧ, Ӱ ӱ, Ӳ ӳ)¹⁷³. По сути это был модернизированный и несколько видоизмененный алфавит, разработанный Н.И. Ильминским. Именно эта графическая система без изменений применялась вплоть до 1917 г. во всех удмуртских книгах и стала основой современной удмуртской письменности.

Серьезным вызовом для переводчиков стала выработка и унификация терминологического аппарата для обозначения понятий из православного вероучения. В данном случае переводчики пошли по пути привлечения слов из традиционных народных

¹⁷⁰ Хоровые церковные песнопения на вотском языке. Выпуск первый. Казань, 1894. 16 с.

¹⁷¹ Поучение о воспитании и обучении детей. На вотском языке. Казань, 1898. 36 с.

¹⁷² Начальное наставление в православной христианской вере. На вотском языке (Ветхий Завет) / Издание Православного миссионерского общества. Казань, 1898. 167 с.

¹⁷³ Тараканов И. В. Удмуртский язык: становление и развитие. Ижевск, 2007. С. 76–84.

верований, знакомых и понятных удмуртам. Например, для обозначения слова Бог применялся удм. *Инмар* (верховное божество в удмуртской мифологии), *Инмар Анай* – Божья Матерь, ангел – *Кылчин* (добрый дух, покровитель скота), молитва «Господи, благослови» – *Осто, козма* (формула, применявшаяся при молениях Инмару), Великий пост – *Бадзым көс* и др. Знакомые для удмуртов термины и образы, связанные с народными культами (*керемет, куала, луд* и др.), применялись также при иллюстрации сюжетов из Священной истории и агиографических произведений, связанных с языческими практиками, противопоставляя их христианским обрядам и таинствам.

В переводах для обозначения религиозной лексики широко использовалась и русская терминология. Таким образом, посредством переводных текстов в удмуртский язык внедрялся большой пласт русских заимствований, обогащавших собой народную лексику. Все эти переводческие стратегии позволяли адаптировать тексты к нормам разговорного удмуртского языка, делали их понятными для народа.

При подготовке удмуртских текстов, их авторы использовали вышедшие к этому времени крещено-татарские издания Переводческой комиссии. Благодаря тому, что наиболее известные удмуртские переводчики этого времени хорошо знали татарский язык (Б. Гаврилов был из крещеных татар Мамадышского уезда Казанской губернии (родом из дер. Никифорово (Чия баши), К. Андреев получил первоначальное обучение в Старо-Ципьинской и Сардебашской крещено-татарских миссионерских школах, И. Михеев происходил из смешанной удмуртско-татарской семьи (родом из с. Ошторма-Юмья Мамадышского уезда) они имели возможность использовать татарские тексты, составлявшиеся под руководством Н.И. Ильминского на основе оригинальных церковно-славянских и греческих текстов. Это значительно облегчало работу переводчиков, позволяло им использовать буквальный метод передачи текста.

Большинство удмуртских переводов конца XIX – начала XX в. были результатом труда коллектива авторов. Знакомство с архивными материалами позволяет выявить общую методику их подготовки. На первоначальном этапе тексты составлялись «на местах»

представителями православного духовенства и педагогическим составом удмуртских начальных школ. При этом отдельные части работы могли готовиться разными авторами. В частности, в Карлыганской центральной вотской школе наряду с К. Андреевым составлением переводов занимались П. Васильев, И. Михеев. Готовые работы отправлялись в Казань, где в стенах КУС они просматривались и дорабатывались учителями и учениками из числа удмуртов. Такая методика позволяла исключить ошибки и неточности в текстах, проверить, понятны ли они носителям разных диалектов удмуртского языка. Данное обстоятельство создает существенные трудности исследователям при верификации текстов на предмет их авторства и территориальной локализации. Не всегда могут помочь в этом и сохранившиеся архивные документы, дающие лишь отрывочную картину взаимодействия членов комиссии с переводчиками¹⁷⁴. Поэтому выводы об авторстве тех или иных переводов, опирающиеся на косвенную информацию, имеют умозрительный характер. В данном случае можно отчасти согласиться с мнением удмуртского языковеда и переводчика св. текстов на современный удмуртский язык М.Г. Атаманова, отмечающего, что авторство удмуртских переводов в большинстве случаев установить практически невозможно¹⁷⁵.

Несмотря на выработку общей методики транслитерации и передачи текстов, налаживание переводческой и издательской деятельности, отсутствие сложившейся научной школы удмуртской лингвистики (среди переводчиков не было профессиональных филологов, специалистов в области финно-угорских языков), приводило к тому, что работы страдали целым рядом недостатков. Так, в своей пространной статье, вышедшей в 1895 г. в Вятке, известный удмуртский просветитель, священник Г.Е. Верещагин

¹⁷⁴ В связи с тем, что до наших дней не сохранился архив Переводческой комиссии ПМО, основными источниками по деятельности удмуртских переводчиков, являются источники личного происхождения, хранящиеся в фонде Н.И. Ильминского (968) и КУС (93) ГА РТ, а также дело-производственные документы Казанской (ГА РТ. Ф.4) и Вятской духовной консистории (ГАКО. Ф.237).

¹⁷⁵ *Зайцев Я.А.* Миссионер и просветитель удмуртов Кузьма Андреев: дипл. богосл. КазДС. Казань, 2006. С.42.

подверг жесткой критике ряд удмуртских изданий Переводческой комиссии¹⁷⁶. По его мнению, в этих книгах имело место «невыдержанность орфографии», «несоблюдение вотского строя речи», «неправильное употребление слов». Резюмируя свои наблюдения, Г. Верещагин подвел неутешительный итог: «чтобы заниматься составлением или переводом книг, составитель или переводчик должен знать крепко грамматику, как того языка, с которого желает перевести, так и того, на который намерен переводить»¹⁷⁷.

Благодаря развитию сети начальных и средне-специальных учебных заведений, работавших на основе двуязычной системы преподавания, появлению удмуртской духовной и светской интеллигенции, роста грамотности сельского населения, в начале XX в. отмечается быстрый рост издаваемой в Казани литературы на удмуртском языке. В это время появляется целая плеяда талантливых переводчиков, владевших как родным, так и русским языком, получивших хорошую практическую подготовку во время обучения в КУС (И. Михеев, И. Васильев, М. Ильин, И. Яковлев, В. Кузьмин, Г. Прокопьев, В. Крылов и др.). Среди них необходимо особо выделить Ивана Степановича Михеева – удмуртского просветителя, педагога-методиста, писателя и переводчика. Окончив КУС, в 1895 г. он поступает на должность учителя Карлыганской центральной вотской школы, где под руководством К. Андреева ведет работу над составлением переводов православных религиозных текстов. С 1896 г., став учителем образцовой вотской школы КУС, И. Михеев начинает планомерную работу. Из числа учеников-удмуртов КУС ему удалось создать группу, готовившую новые переводы. В составе этой группы были носители разных диалектов, что позволяло учесть в переводах языковые особенности и сделать их понятными для всех удмуртов.

Итогом многолетней деятельности И. Михеева и его сотрудников стала подготовка и издание в 1904 г. книги «Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Ио-

¹⁷⁶ Для справедливости, необходимо отметить, что критические суждения высказывались ученым по отношению к изданиям, подготовленным на основе говоров удмуртов Казанской губернии. Сам Г.Е. Верещагин был носителем северного наречия удмуртского языка.

¹⁷⁷ *Верещагин Г.* О книгах на вотском языке. Вятка, 1895. С.6.

анна на вотском языке». Выход в свет этого труда стал заметным событием в истории православной миссии. Удмурты получили возможность на родном языке познакомиться с основополагающим трудом христианства. Несмотря на то, что основой для перевода стал родной для И. Михеева кукморский говор удмуртского языка, использование широкого научно-справочного аппарата (сносок с пояснениями и синонимами к словам, которые не употреблялись в других удмуртских диалектах) сделал его понятным для представителей других этнографических групп удмуртского народа. По оценке специалистов, данная книга стала наиболее удачным изданием Евангелия на удмуртском языке дореволюционного периода. О высоком научном уровне этого перевода может свидетельствовать тот факт, что после выхода в свет он выдержал еще два переиздания (Казань, 1912; Стокгольм, 1973 гг.)¹⁷⁸. Издание этой книги стало возможным благодаря многолетней работе нескольких поколений переводчиков, создавших терминологическую базу, разработавших методику транслитерации и перевода Св. Писания, проделавших большую предварительную работу по адаптации церковнославянских и русских текстов к удмуртскому языку.

Значительна роль И. Михеева в подготовке и научном редактировании других переводов, вышедших в Казани в начале XX в. Основное место в репертуаре переводной литературы на удмуртском языке в этот период занимали популярные в дореволюционной России агиографические произведения, рассчитанные на массового читателя (Житие Святого Симеона Верхотурского на вотском языке. Казань, 1900. 8 с. (2-е изд. 1904); Житие Святителей Христовых Гурия, Варсонофия и Германа – Казанских Чудотворцев. Казань, 1900. 24 с. (2-е изд. 1904); Житие Преподобного Трифона Вятского Чудотворца. На вотском языке. Казань, 1900. 31 с. (2-е изд. 1904); Святой Пантелеимонлэн улэmez. Житие святого великомученика Пантелеимона. Казань, 1905. 32 с.; Святой Серафимлэн улэmez. Житие преподобного старца Серафима Саровского чудотворца. На вотском языке. Казань, 1905. 14 с. и др.),

¹⁷⁸ Вахрушев А.А. Начало книгоиздательской деятельности на удмуртском языке // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т.11. №4 (5). 2009. С.1260.

а также богослужебные книги (Последование Пасхи на вотском языке. Бадзым-нал вӧсьёс. Казань, 1904. 83 с.; Всенощное бдение и божественная литургия. На вотском языке. Казань, 1905. 147 с. и др.), готовившиеся в стенах КУС, сельскими учителями и священнослужителями удмуртских приходов¹⁷⁹.

Наряду с работами, предназначенными для всех удмуртов, в начале XX в. публиковались также и труды на отдельных удмуртских диалектах. На наречии удмуртов Елабужского уезда Вятской губернии в 1904 г. увидела свет брошюра «История нашего спасения во Иисусе Христе», в 1913 г. «*Восяськон книга*. Сокращенный молитвенник», в 1914 г. «Последование малого освящения воды». Для удмуртов Глазовского уезда изданы: в 1908 г. «Чин исповедания и како причащати больного», «Поучение против посяделок», в 1911 г. «*Восяськон книга*. Молитвенник», в 1913 и 1914 гг. «Поучение против посяделок», в 1914 г. «Поучение в праздник Вознесения Господня», «Поучение пред плащаницею в великий пяток» и др.¹⁸⁰.

Большую активность в подготовке и издании переводов проявляло православное духовенство Елабужского и Глазовского уездов Вятской епархии. В 1912 г. в Глазовском и Сарапульском

¹⁷⁹ Хронологический каталог изданий Православного миссионерского общества на русском языке и на языках инородцев Поволжских, Сибирских и Кавказских. С 1862 г. по май месяц 1910 г. Казань, 1911. С.7–8. *Каракулов Б.И.* Удмурт литературной кыллэн сюресэз XVIII – XXI дауръёс. История удмуртского литературного языка XVIII – XXI века. Ижевск, 2006. С.157–165.

¹⁸⁰ Хронологический каталог изданий Православного миссионерского общества на русском языке и на языках инородцев Поволжских, Сибирских и Кавказских. С 1862 г. по май месяц 1910 г. Казань, 1911. С.9–11, Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г., за 1910–1911 г. Казань, 1911. С.8, Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г. за 1911–1912 г. Казань, 1913. С.13; Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г. за 1913 г. Казань, 1914. С.17–18; Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г. за 1914 г. Казань, 1915. С.15–16.

уездах Вятской губернии были созданы специальные комиссии. В 1912 г. Сарапульской переводческой комиссией были подготовлены к печати: «Молитвы в начале св. Четырдесятницы», «Водосвятительный молебен», «Священная история Ветхого и Нового Завета», «Проповедь против блудного сожительства» «История нашего спасения в Иисусе Христе», «Круг поучений на воскресные и праздничные дни года», в 1916 г. «Кумышку не пейте и не варите», молитва о даровании победы, объяснение литургии, проповеди против блудного сожительства, о кровавых жертвоприношениях, о воспитании детей¹⁸¹.

Благодаря развитию переводческой деятельности, появлению религиозно-нравственной и богослужебной литературы, в начале XX в. отмечается внедрение богослужения на родном языке в удмуртских приходах Казанской и Вятской губерний. Выпускавшаяся в Казани Переводческой комиссией книжная продукция стала основным учебным пособием в удмуртских начальных школах. Важна роль переводческой деятельности, налаженной православными переводчиками, в становлении удмуртского письменного языка, расширении знаний в области финно-угорских языков. Для многих представителей удмуртской творческой и научной интеллигенции переводы религиозной литературы стали практической школой, важным этапом в их становлении как писателей, педагогов и лингвистов. В частности, благодаря своему большому переводческому опыту И. Михеев смог разработать концепцию преподавания русского языка в «инородческих» школах, ставшую новым словом в российской педагогике, подготовил многочисленные учебные пособия для двуязычных школ.

Подводя итог, отметим, что в результате длительного процесса разработки и внедрения методики передачи текстов, выработки терминологической базы и накопления эмпирических данных, к началу XX в. казанскими православными просветителями была налажена система переводов религиозной и учебной литературы на удмуртском языке. Эта деятельность сыграла важную роль в формировании удмуртской «высокой» культуры.

¹⁸¹ Берестова Е.М. Православная церковь в Удмуртии (вторая половина XIX – начало XX века): Социально-культурная деятельность. Ижевск, 2005. С.173.

1.5. Издания на марийском языке

Развитие переводческой деятельности на марийском языке и формирование марийской письменной традиции в XIX – начале XX в. необходимо рассматривать в тесной связи с мероприятиями православной церкви, государства и общественных организаций по христианскому просвещению нерусских народов Волго-Уралья. Первоначально марийские издания и сама письменность мари, как впрочем, и письменность других православных народов региона, создавались с целью приобщения номинальных христиан к истинам православного вероучения. С этим связан тот факт, что подавляющее большинство книг, появившихся в изучаемый период на марийском языке, имели религиозно-нравственное содержание.

Первые попытки презентации лексики марийского языка и подготовки переводов были сделаны православными миссионерами во второй половине XVIII в. – в 1775 г. в Санкт-Петербурге увидела свет грамматика на «луговом наречии», подготовленная под общей редакцией казанского архиепископа Вениамина (Пущака-Григоровича) «Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка». Но лишь в XIX в. переводческая деятельность на марийский язык приобрела системный характер и принесла заметные результаты, как в плане изучения марийской фонетики, так и формирования марийской письменной традиции.

28 сентября 1803 г. вятский епископ Амвросий (Яковлев-Орлин) донес в Св. Синод, что по его поручению духовенством Яранского и Глазовского уездов были подготовлены марийские переводы краткого катехизиса, Символа веры и общеупотребительных молитв. Переводчиками были: священник Покровского собора г. Царевосанчурска (совр. Санчурск) Матфей Кувшинский, священник с. Великопольского Яранской округи – Филипп Михайлов, диаконы сел: Люперсольского – Василий Семенов, Упшинского – Егор Петров, Кувшинского – Герасим Иванов. Присланные в Вятку переводы были просмотрены на предмет соответствия церковно-славянскому тексту и направлены для печати в Санкт-Петербург.

В это же время в КазДА «знающими людьми» был подготовлен свой вариант марийского перевода православного катехизиса и молитв. По заключению казанского архиепископа Серапиона (Александровского) этот перевод «может быть и для тех понятий (марийцев – *Р.И.*), которые, имея жилища по нагорной и луговой стороне реки Волге, различаются наречиями в выговоре»¹⁸². По словам казанского архипастыря, это было достигнуто благодаря тому, что переводчики избегали «тех слов, кои были для них непонятны; а объясняли их выражениями везде употребительными»¹⁸³. Таким образом, составители предприняли первую попытку унификации марийских текстов, путем использования лексики применявшейся как горными, так и луговыми мари.

Присланные в Санкт-Петербург переводы были просмотрены, и для печати был выбран казанский вариант. К началу 1805 г. полный тираж книги под названием «Сокращенный катехизис в пользу черемис, на их природный язык для удобнейшего им разумения православного христианского закона с присовокуплением некоторых молитв, символа веры и десятилетия, переведенный в Казанской академии 1803 года и апреля месяца» был отпечатан «церковными литерерами» в Московской Синодальной типографии и разослан в духовные консистории епархий, в которых проживали марийцы.

До сих пор не был обнаружен ни один сохранившийся вариант этого печатного труда. Но благодаря востоковеду и переводчику Н.И. Ильминскому, опубликовавшему в 1883 г. в специальном сборнике выявленные им в архиве Св. Синода марийские тексты¹⁸⁴, мы имеем возможность ознакомиться с содержанием как казанского, так и вятского варианта перевода.

Отличительной особенностью вятского перевода была подстрочная передача марийского и русского текста. Для того чтобы достичь максимального соответствия с церковнославянским тек-

¹⁸² Попыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия: материал для истории православного русского миссионерства / сост. и авт. предисл. Н. Ильминский. Казань: Тип. ун-та, 1883 (обл. 1885). С.105.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Попыты переложения христианских... С.249–259, 265–281.

стом, переводчики использовали буквальный способ переложения, порой идя на нарушение фонетики и синтаксиса марийского языка, деля отдельные слова на несколько, в соответствии с русским оригиналом. По мнению Н.И. Ильминского, это было не столько виной самих переводчиков, сколько корректоров, просматривавших присланные работы в Вятской духовной консистории: «нужно полагать, что эти сверщики, сами ни сколько не зная языка (марийского – *Р.И.*), а быть может, желая, хотя внешним видом удовлетворить преосвященного, старались поставить над каждым русским словом черемисское, соответствует ли он русскому слову или нет»¹⁸⁵. Буквальный метод перевода проявился и в использовании ряда марийских предлогов (*ик, пудо*) для обозначения соответствующих русских предлогов (*в, от*), несмотря на то, что в марийском языке они не применялись в данном контексте.

Сам текст состоял из нескольких блоков, довольно сильно отличавшихся друг от друга, в том числе и использованием в качестве языковой основы разных марийских говоров. Это было связано с тем, что в одном переводе были представлены работы пяти переводчиков, самостоятельно занимавшихся составлением отдельных частей текста.

У казанского варианта также имелись существенные недостатки. Переводчик, хотя «быть может долго жил среди луговых черемис и узнал много слов отдельных и выражений черемисских, но в своеобразный склад и смысл черемисского языка не проник»¹⁸⁶. Можно согласиться с мнением И.Г. Иванова отмечающего, что «язык данного перевода весьма несовершенный, предложения большей частью имеют русский порядок слов. Во всей книге почти не имеется характерных марийских оборотов»¹⁸⁷.

Отдельно следует сказать о третьем переводе катехизиса и Символа веры («Краткий катехизис, переведенный на черемисский язык с наблюдением российского и черемисского просторечия, для удобнейшего познания оного, восприявшими святое крещение»), подготовленном для марийцев Нижегородской

¹⁸⁵ Там же. С.283–283.

¹⁸⁶ Там же. С.263.

¹⁸⁷ *Иванов И.Г.* Вехи марийской письменности. Йошкар-Ола, 2007. С.21.

епархии¹⁸⁸. Он был сделан на северо-западном диалекте горномарийского языка. Текст изобилует большим количеством заимствований из русского языка, свидетельствующим о сильном культурно-языковом влиянии русского населения на местных марийцев. В других отношениях «нижегородский вариант» был сходен с казанским и вятским – его автор также использовал буквальный метод перевода, были проигнорированы внутренние законы марийского языка. Этот труд, впервые отпечатанный в 1808 г. в Московской синодальной типографии, выдержал три издания (третье издание датируется 1853 годом)¹⁸⁹. В настоящее время выявлен единственный оригинал этой книги, хранящийся в Ньюберрийской библиотеке в г. Чикаго (США)¹⁹⁰.

Новая, более масштабная и последовательная попытка создания текстов Св. Писания на марийском языке была связана с деятельностью Казанского отделения РБО. Само создание этой организации, членами которой были многие представители высшей бюрократии и иерархи церкви, было связано с популярными в это время в высших слоях русского общества идеями «евангелизма», желанием донести догматы христианского вероучения до всех народов, населяющих просторы Российской империи, на понятном для них языке. Подготовку марийских переводов взяло на себя Козьмодемьянское сотоварищество Казанского отделения РБО. Непосредственный перевод был осуществлен священниками сел: Малый Сундырь – Дмитрием Пернягашевским и Иваном Померанцевым, Шапкиней Пертнуры тож – Андреем и Игнатием Альбинскими, Арды – Иваном Ардатским. На горномарийский язык был переведен полный текст Нового Завета за исключением Апокалипсиса. Эта книга была издана в Санкт-Петербурге в 1821 г. и разослана по марийским приходам Казанской епархии¹⁹¹.

Данный труд в графическом отношении опирался на грамматику 1775 г. и имел те же недостатки, что и предшествующие работы казанских миссионеров – предложения в тексте строились

¹⁸⁸ Опыты переложения христианских... С.320–327.

¹⁸⁹ Опыты переложения христианских... С.328–329.

¹⁹⁰ Иванов И.Г. Вехи марийской письменности. Йошкар-Ола, 2007. С.15.

¹⁹¹ Можаровский А. Ф. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 год. М., 1880. С. 110–111.

не на основе закономерностей марийского синтаксиса, а переводились буквально по русскому оригиналу. Были существенные недостатки и в графической передаче отдельных звуков и слов, делавших перевод крайне сложным для понимания. Несмотря на существенные недостатки, эта книга на горномарийском языке сыграла важную роль, как в приобщении марийцев к православии, так и в выработке методики переводческой деятельности на марийском языке. Переводчики, получив практический опыт, учтя ошибки прошлого, получили возможность расширить свою практическую деятельность. В этом отношении весьма показательна многолетняя работа священника А.Д. Альбинского¹⁹².

А. Альбинский был основным членом группы, переведшей Евангелие на горномарийский язык. В марте 1820 г. он был командирован в Санкт-Петербург для просмотра и корректуры марийского текста, готовившегося к изданию. Параллельно с составлением Нового Завета, о. Андрей занимался переводом на горномарийский язык чинопоследования Божественной литургии Иоанна Златоуста. Подготовленный перевод был использован во время богослужения, благодаря которому марийцы впервые услышали православную литургию на родном языке. В своем отчете Св. Синоду казанский архиепископ Амвросий (Протасов) писал по этому поводу: «Когда по распоряжению моему в некоторых селах она (литургия – *И.Р.*) была прочитываема черемисам, тогда они с удивлением признавались, что они только в сие время понимают силу и содержание оной, а прежде сего думали, что их принуждают в церковь ходить только для того, чтобы молится за русских»¹⁹³. Несмотря на официальное обращение архиепископа Амвросия о рассмотрении и издании рукописи литургии, Св. Синод, по не совсем понятным причинам, не нашел возможным удовлетворить просьбу казанского архипастыря¹⁹⁴.

В последующие годы А. Альбинский продолжал заниматься миссионерской и переводческой деятельностью. В 1828 г. им бы-

¹⁹² Андрей Данилович Альбинский (1790–?) родился в семье священника с. Пертнуры Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Долгие годы служил в родном селе, открыл здесь церковно-приходскую школу.

¹⁹³ Цит. по: *Можаровский А. Ф.* Изложение хода... С. 115.

¹⁹⁴ *Можаровский А. Ф.* Изложение хода... С. 115.

ло подготовлено сочинение «Краткое изложение веры христианской» на марийском языке, с параллельным переводом на русский язык. В 1830 г. Св. Синодом была рассмотрена рукопись «Почтения, сочиненные и говоренные протоиереем Андреем Альбинским для новокрещенных черемис», которая была рекомендована к печати¹⁹⁵.

При подготовке переводов А. Альбинский столкнулся с целым рядом проблем, связанных с низким уровнем развития знаний в области финно-угорских языков в России в первой трети XIX в. Серьезным вызовом для энтузиаста-переводчика стало отсутствие разработанной лексической базы горномарийского языка, а также графического аппарата для передачи его звуков. С конца 1810-х гг. А. Альбинский ведет работу для восполнения этих лагун. В результате, в 1831 г. им была подготовлена «Черемисская грамматика», изданная в типографии Казанского университета в 1837 г. тиражом 1200 экз.

Кириллический алфавит, представленный в этой книге, довольно корректно воспроизводит марийскую фонетику, что позволяет говорить об Альбинском, как о серьезном знатоке горномарийского языка и педагоге-методисте. Сама грамматика была составлена как пособие для изучения языка и учебник грамоты для начальных конфессиональных (церковно-приходских) школ, которые начали открываться в горномарийских приходах в 1820-х гг. Сам А. Альбинский уделял важное значение развитию начального образования среди своих прихожан. Благодаря ему в с. Пергнурах и соседних марийских селениях были открыты учебные заведения с двуязычной системой преподавания.

Труды А. Альбинского внесли заметный вклад в изучение марийского языка, способствовали разработке методики переводов. Большое значение они сыграли и в росте интереса иностранных ученых, изучавших финно-угорские языки, к марийскому языку. М.А. Кастрен в «Элементах черемисской грамматики» (1845), Ф.И. Видеман в «Опыте грамматики черемисского языка»

¹⁹⁵ *Ерошкин Ю.В., Федосеева Н.А.* Альбинский Андрей Данилович // История марийского края в лицах. XIV – начало XX в. Йошкар-Ола, 2012. С. 144.

(1847 г.) использовали лексические материалы Альбинского, введенные им в научный оборот¹⁹⁶.

Активизация переводческой деятельности совпала с важными изменениями, происходившими в марийском аграрном обществе. В это время среди горных и луговых марийцев отмечаются разнонаправленные этноконфессиональные процессы, повлиявшие на развитие их просветительского движения. С 1830-х гг. среди горных марийцев зарождается и начинает активно развиваться «низовое» движение по распространению христианских идей, усиливается влияние православия. В это время многие горные марийцы, по наблюдениям И.А. Износкова, начинают усердно посещать храмы, «находилось не мало заботившихся о[б] их благолепии, в посты многие говели и приобщались св. Таин, заказывали служить молебны о здравии, поминали умерших»¹⁹⁷. Этому способствовала деятельность местного православного духовенства и миссионеров (А. Альбинский, А. Нурминский, Т. Урдюминский, А. Смирнов, А. Канцеровский, П. Урусов и др.). Значение имели и географические условия проживания этой этнографической группы. Благодаря тесным культурно-религиозным контактам с преобладающим русским населением, горные марийцы значительно раньше, чем их соплеменники с Луговой стороны начали испытывать на себе влияние «бытового миссионерства»¹⁹⁸.

Совершенно другая ситуация наблюдалась среди луговых марийцев, проживавших изолированно в лесной зоне, не имевших заметной динамики в межкультурном взаимодействии с русским населением, слабо подверженных влиянию православной церкви. В 1820-х гг. среди них набирает силу движение за возвращение к исконным верованиям, выразившееся в проведении массовых «языческих» молений и жертвоприношений. 20 ноября 1827 г. около дер. Варангуши Царевококшайского уезда Казанской губернии происходит грандиозное по своим масштабам ре-

¹⁹⁶ *Ерошкин Ю.В.* Указ. соч. С.143.

¹⁹⁷ *Износков И.А.* Материалы для истории христианского просвещения инородцев казанского края. Вып.1. М.: Тип. А.И. Снегиревой, 1893. С.4.

¹⁹⁸ *Wert P.W.* At the margins of orthodoxy mission, Governance and confessional politics in Russia's Volga-Kama region, 1827–1905. Ithaca and London: Cornell university press, 2001. P.201.

лигиозное действо, вошедшее в историю под именем «Всемарийских молений», на котором присутствовало до 5 тысяч крещеных и некрещеных марийцев Вятской, Казанской и Уфимской губерний¹⁹⁹. Похожие массовые культы и жертвоприношения отмечаются недалеко от с. Макаровка Уржумского уезда Вятской губернии, рядом с которым находилась особо почитаемая приверженцами традиционных верований священная роща²⁰⁰.

Эти процессы, обнадеживавшие и вызывавшие опасения в церковном руководстве, привели к принятию программы, направленной на усиление христианско-просветительской деятельности среди марийцев. В рамках этих мероприятий, с 1830-х гг. начался прием на обучение в духовные училища марийских юношей, были открыты классы (кафедры) «черемисского языка» в Казанской и Вятской духовных семинариях, в 1854 г. на базе кафедры восточных языков КазДА было создано «чувашско-черемисское миссионерские отделение»²⁰¹. Все это способствовало оживлению изучения марийского языка, появлению первых православных пастырей из числа марийцев, а также созданию новых переводов.

В 1841 г. свет увидел марийский текст Священной истории («Начатки христианского учения или краткая священная история и краткий катехизис»), подготовленный священником одного из приходов Луговой стороны Марийского края. Автор, опираясь на опыт катехизиса 1803 г., попытался создать текст на унифицированном языке, понятном всем этнотерриториальным группам мари. Для этого, в случае диалектных расхождений в отдельных словах и выражениях, переводчик дополнительно приводил в скобках соответствующие синонимы из других наречий. Другим сходством с более ранними марийскими переводами было использование буквального метода передачи текста. Составитель

¹⁹⁹ *Иванов А.Г.* Всемарийское языческое моление 1827 года и действия властей // Марийский археографический вестник. 1998. №8. С.50.

²⁰⁰ *Андреевский А.* Дела о совершении языческих обрядов и жертвоприношений крещеными инородцами Вятской губернии // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Вятка: Тип. Губернского правления, 1881. С.536–537.

²⁰¹ ГА РТ. Ф.10. Оп.1. Д.1324. Л.1.

старался дословно перевести русский текст без учета особенностей марийского языка, что делало его малопонятным. Безусловной заслугой автора «Священной истории» 1841 г. стало усовершенствование графической системы, позволявшей более точно передать на бумаге марийскую орфографию. По оценке И.Г. Иванова, данная работа «составляет один из этапов развития марийской письменности, по качеству перевода она значительно превосходит книги начала века и ценна нам, как один из наиболее крупных письменных памятников на марийском языке»²⁰².

В первой половине XIX в. православным духовенством предпринимались и другие попытки перевода отдельных молитв и религиозных сочинений на марийский язык. Среди них следует выделить неопубликованный перевод «Четвероевангелия», законченный архимандритом Раифской пустыни Казанской епархии Амвросием (Боголюбовым) в 1839 г. Перевод был сделан построчно, в соответствии с церковно-славянским текстом, состоит из 341 страницы. Для проверки работы Амвросий ездил по марийским селениям Луговой стороны, где читал ее прихожанам. Несмотря на неоднократные обращения настоятеля с просьбой опубликовать этот перевод в Казани, этот труд остался в виде рукописи и в данное время хранится в Государственном архиве Республики Татарстан²⁰³. В целом, данная рукописная работа страдала теми же недостатками, что и опубликованные труды, связанными с отсутствием разработанной методики передачи текстов на нерусские языки народов Среднего Поволжья.

В 1860-е гг. в результате изменений в социальной жизни народов России и стремления «инородцев» к культурному развитию появилась реальная возможность кардинально изменить культурно-религиозную ситуацию внутри их сообществ. К этому времени среди горных марийцев получило распространение религиозное движение в пользу христианства, появились первые активные миссионеры, по своей инициативе занимавшиеся христианским просвещением своих соплеменников. Именно эти лица

²⁰² Иванов И.Г. История марийского литературного языка. Йошкар-Ола, 1975. С.24.

²⁰³ Федосеева Н.А. Истоки формирования художественной словесности народа Мари. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2017. С. 73.

стали опорой церкви в марийской среде, взяли на себя основную роль в распространении конфессионального образования и составлении новых переводов. Оживление переводческой и книгоиздательской деятельности на марийском языке было связано с организацией в Казани в 1867 г. миссионерского Братства св. Гурия и особой Переводческой комиссии (с 1875 г. была подчинена Православному миссионерскому обществу). Первой марийской книгой, изданной Братством св. Гурия, стал учебник учителя Черемышского приходского училища, диакона И.М. Кедрова «Упрощенный способ обучения чтению черемисских детей горного населения» (1867 г.). В этом труде были использованы методологические подходы, разработанные Н.И. Ильминским – опора на народный (разговорный) язык, привлечение к переводам природных носителей языка (в группу редакторов данной книги входили марийские учителя: Г. Яковлев, В. Захаров и Т. Алехин). Первое издание букваря имело ряд недостатков, связанных с отсутствием графических символов для обозначения звуков горного наречия (*ä, ё*), неправильной интерпретацией природы палатальной гармонии гласных. В последующем издании 1871 г. эти недочеты были устранены, практически полностью были исправлены нарушения в синтаксических оборотах²⁰⁴. В 1870 г. Н.И. Ильминским при помощи марийских учителей был составлен и издан букварь для луговых мари. Фактически, это был дополненный и скорректированный в соответствии с особенностями фонетики и синтаксиса лугового наречия букварь И.М. Кедрова. Здесь впервые был представлен современный марийский кириллический алфавит.

Конец 1860 – начало 1870-х гг. стал переходным периодом в истории марийской переводной книги. В это время наметились важные изменения в подходах и самой идеологии переводческой деятельности. Исходя из опыта создания кириллических алфавитов «бесписьменных» народов Среднего Поволжья (татар-кряшен, чувашей, удмуртов) и работы православных миссионеров предшествующего времени, для марийцев была создана письменность на основе русской графики, разработана правильная орфография, осознана необходимость издания отдельных работ на горномарийском, луговом и восточном наречии. Новые

²⁰⁴ *Иванов И.Г.* Указ. соч. С.28.

переводы должны были стать основными пособиями в марийских школах нового типа с двуязычной системой преподавания, а также для совершения православного богослужения в национальных приходах. В то же время, отсутствие достаточно подготовленных марийских переводчиков не позволило быстро наладить подготовку и издание новых книг.

Для того чтобы начать эту работу, Н.И. Ильминский привлекает в состав Переводческой комиссии священника с. Лажское Уржумского уезда Вятской губернии Т.З. Удюрминского²⁰⁵. Приехав летом 1869 г. в Казань, Т. Удюрминский познакомился с казанскими миссионерами, предложившими ему подготовить перевод Евангелия на луговом наречии. Вскоре сотрудничество казанских и вятских просветителей дало реальные результаты. 26 августа 1870 г. Урдюминским были присланы в Казань исповедь и семь глав от Матфея, в декабре этого же года – остальные части Св. Писания. Учителя Василий Захаров и Тимофей Алехин, ознакомившись с этими переводами, нашли их понятными для луговых марийцев Казанской губернии. Кроме того, о. Трофимом были переведены «История Ветхого Завета», «Литургия святого Иоанна Златоуста», поучения протоиерея Путятиня. В 1870 г. по решению обер-прокурора Св. Синода Д.А. Толстого Т. Удюрминский был прикомандирован к Переводческой комиссии. От Министерства народного просвещения ему было назначено жалование и денежное пособие для аренды жилья²⁰⁶. Но Т. Удюрминский не смог в полной мере проявить себя в новом деле – вскоре после повторного приезда в Казань, 18 мая 1871 г. он скончался.

Дальнейшее развитие переводческой деятельности на марийском языке было связано с молодым поколением православных просветителей, выходцев из среды сельского марийского населения, в основном, с Горной стороны. Как отмечалось выше, благодаря широкой христианско-просветительской деятельности приходского духовенства и открытию конфессиональных школ среди

²⁰⁵ Трофим Захарович Удюрминский (1820–1871) родился в с. Удюрма Яранского уезда Вятской губернии. После посвящения в сан (1842 г.) служил в марийских приходах Уржумского уезда Вятской губернии.

²⁰⁶ Машанов М.А. Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования. 1867–1892. Казань, 1892. С. 142.

горных марийцев, появляются лица, глубоко укоренные в православии, стремившиеся распространить христианские идеи в народе. В 1860-х гг. среди них зарождается монастырское движение. По инициативе Михаила Герасимова, Ивана Захарова, Андрея Кириллова организуется первый черемисский скит, преобразованный впоследствии в Михаило-Архангельский черемисский мужской монастырь. В это же время некоторые воцерковленные марийцы начинают переселяться на Луговую сторону с целью проповеди слова Божия своим соплеменникам. По инициативе Н.И. Золотницкого и Н.И. Ильминского эти миссионеры-«простецы» организуют начальные конфессиональные школы с преподаванием на марийском языке: Тимофей Федоров Алехин – в дер. Коркотава, Василий Захаров – в дер. Большая Кушна, Гавриил Яковлев – в дер. Унжа Царевококшайского уезда Казанской губернии.

Открыв миссионерские школы и начав обучение грамоты и основ христианского вероучения на родном для детей языке, учителя столкнулись с отсутствием учебных пособий и религиозно-нравственных книг на луговом наречии. Весьма остро стояла и проблема выработки общих подходов в подготовке новых переводов для луговых марийцев. В связи с изолированной жизнью внутри своих общин, в языке представителей этой группы марийского народа существовало множество отдельных говоров, сильно отличавшихся друг от друга. Отмечая эти сложности Г. Яковлев писал И.А. Износкову 25 апреля 1871 г.: «по-черемисски только немного поем, потому, что на луговом черемисском языке нет еще молитв и церковных песней, утвержденных цензором. Если я буду петь по своему, в Сонтурах у отца благочинного по своему, в Шиншах по своему, в Морках еще по своему, и т.д., чрез такое разногласие может произойти большое расстройство»²⁰⁷.

Чтобы решить эту проблему Г. Яковлев²⁰⁸ начинает составлять свои первые переводы для марийцев Луговой стороны. К

²⁰⁷ *Износков И.А.* Материалы для истории христианского просвещения инородцев казанского края. Вып.1. М.: Тип. А.И. Снегиревой, 1893. С.21.

²⁰⁸ Гавриил Яковлевич Яковлев (1843–1912) родился в крестьянской семье в дер. Большая Юл Шудерма (совр. дер. Куликалы) Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. С 1867 по 1871 г.г. работал учителем

началу 1870-х гг. Г. Яковлев уже имел серьезный опыт переводческой деятельности. Во второй половине 1860-х гг., работая учителем школы Братства св. Гурия в селе Пертнуры, Г. Яковлев совместно с Н.И. Золотницким участвовал в редактировании букваря горномарийского языка И. Кедрова, сотрудничал с Т. Удюрминским. В 1871 г. в Казани увидели свет составленные им в конце 1860-х гг. «Краткая священная история» и «Краткий катехизис²⁰⁹» на горномарийском языке. Первым переводом, сделанным Яковлевым на луговом наречии, стала «Божественная литургия Иоанна Златоустого» (была доработана и издана в Казани в 1885 г.). К концу 1871 г. им также были составлены «Священная история Нового Завета» «Священная история Ветхого Завета», изданные Переводческой комиссией в 1873 г. В этом же году им был опубликован букварь для луговых марийцев («Упрощенный способ обучения чтению черемисских, детей лугового населения») ²¹⁰. Эта книга являлась доработанным и исправленным изданием букваря 1870 г. ²¹¹. Составителем была значительно расширена и творчески переработана основная часть книги (рассказы из священной истории, предназначенные для чтения учениками начальных школ). Благодаря этому учебник стал более понятным для школьников, постигающих грамоту и в художественном отношении более совершенным. В последующие годы Г. Яковлевым на луговом наречии были подготовлены: «Священная история Нового Завета» (издана в Казани в 1875 г.), «Крещение Руси» (Казань, 1884 г.), «Требник» (Казань, 1886 г.), «Болезни за грехи на луговом наречии» (Казань, 1891 г.), «О силе молитвы на луговом наречии» (Казань, 1892 г.), «Нравоучительные наставления» (Казань, 1910 г.).

лем миссионерской школы в сел. Пертнуры Козьмодемьянского уезда. С 1871 г. служил учителем и священником (с 1875 г.) в марийских селениях Царевококшайского уезда Казанской губернии.

²⁰⁹ Краткий катехизис на горно-черемисском наречии. Казань, 1871. 88 с.

²¹⁰ Хронологический каталог изданий Православного миссионерского общества на русском языке и на языках инородцев Поволжских, Сибирских и Кавказских. С 1862 г. по май месяц 1910 г. Казань, 1911. С.25–26.

²¹¹ ГА РТ. Ф.968. Оп.1. Д.168. Л.31.

Далеко не все переводы просветителя были опубликованы. По данным И.А. Износкова, в 1870-х гг. Г. Яковлевым на основе учебного пособия Н.И. Ильминского «Самоучитель русской грамоты для киргизов», были составлены рукописи: «Самоучитель русского языка для луговых черемис», «Для первоначального обучения русскому языку луговых черемисских детей»²¹². Несмотря на то, что эти труды не были напечатаны, они послужили материалом к составлению других марийских переводов.

Знакомство с перепиской Г. Яковлева дает представление о его творческой лаборатории и переводческих стратегиях. Исходя из общих принципов, разработанных Н.И. Ильминским, марийский просветитель стремился составлять переводы максимально понятными для сельских жителей. Во многих его книгах параллельно с марийским, давался русский текст, что должно было облегчить их понимание для представителей отдельных диалектных групп. Г. Яковлев, активно привлекал к переводческой работе учеников старших классов своей школы, используя в качестве образцов книги на татарском языке, изданные для крещеных татар²¹³. Как и в других центральных миссионерских школах, в Унжинской школе переводческое дело занимало важное место в образовательном процессе. Ученики посредством переводов вырабатывали навыки письменной работы, развивали образное мышление и знакомились с богатством философско-богословской мысли. Благодаря этому многие из учеников и после окончания Унжинской центральной черемисской школы продолжали заниматься переводческой и литературной деятельностью, расширяя применение марийского письменного языка. Среди учителей и выпускников этого учебного заведения было много видных представителей марийской творческой интеллигенции, в том числе один из основоположников марийской литературы, писатель и поэт С.Г. Чавайн.

Подготовленные Г. Яковлевым переводы просматривались и редактировались в КУС, где обучались марийские юноши из разных уездов Казанской, Вятской, Пермской и Уфимской губернии, для них существовала образцовая черемисская школа.

²¹² Износков И.А. Указ. соч. С. 25.

²¹³ Износков И.А. Указ. соч. С. 25.

Созданные Г. Яковлевым переводные книги не могли в полной мере удовлетворить возрастающие нужды в учебной и богослужебной литературе луговых марийцев, в селениях которых благодаря внедрению системы Н.И. Ильминского появилась сеть учебных заведений с преподаванием на родном языке, началось внедрение марийского богослужения. Особо остро стояла проблема подготовки книг для луговых марийцев Вятской губернии, которые в силу социокультурных и географических условий имели в своем языке заметные диалектные особенности. Так, учитель земской школы с. Старый Торъял Уржумского уезда Вятской губернии Сергей Громов писал 9 февраля 1883 г. Н.И. Ильминскому: «Перевод о. Гавриила я просмотрел и нашел в нем, что некоторые слова в переводе совсем непонятны для черемис нашего края, напр.: *танысын* (мира, тишины, покоя – Р.И.), *удулуна* (возможно – Р.И.), *тўрысин* (полностью, до конца, целиком – Р.И.), *язык* (грех – Р.И.) и т.д., другие же слова произносятся у нас несколько иначе, например: в переводе *церка*, а у нас *черкы* (церковь – Р.И.), *тазальк* – *тажальк* (здоровье – Р.И.), *порам* – *пуром* (добро – Р.И.), *тянэ* – *дэнэ* (соответствует предлогам из, из-за, на, в, по, от – Р.И.), *оралэ* – *аралэ* (защити, спаси – Р.И.) и т.д. Вообще же перевод о. Гавриила подходит и для нашей местности, только, я говорю, разница в некоторых словах – это ничего не значит; все это я сумею поправить»²¹⁴.

Первой книгой, специально подготовленной для марийцев Вятской губернии, стал «Букварь для начального обучения черемисских детей русской грамоте», составленный инспектором народных училищ Вятской губернии С. Нурминским²¹⁵ и изданный в г. Вятке в 1873 г.²¹⁶ Букварь был подготовлен на основе уржумского говора лугового наречия. Среди материалов, предназна-

²¹⁴ ГА РТ. Ф.968. Оп.1. Д.101. Л.30.

²¹⁵ В подготовке этого учебника принимал участие учитель И.К. Иванов.

²¹⁶ Сергей Андреевич Нурминский (1839–1914) родился в селе Владимирское Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. После окончания Казанской духовной академии при содействии Н.И. Ильминского в 1870 г. был назначен инспектором народных училищ Вятской губернии. С 1883 по 1903 гг. занимал должность директора Вятской гимназии.

ченных для чтения учениками марийских школ, наряду с религиозно-нравственными рассказами из Священной истории были представлены образцы народного фольклора, пословицы и поговорки²¹⁷.

При определенных условиях Вятка, наряду с Казанью могла превратиться в крупный центр по подготовке и изданию марийских переводов – здесь проживала многочисленная группа мари, в духовных учебных заведениях имелась сложившаяся система изучения марийского языка. Но, попытки С. Нурминского наладить здесь переводческо-издательскую деятельность на марийском языке не привели к существенным результатам. Свою роль сыграла позиция местного епархиального руководства и губернской бюрократии, находившейся в оппозиции к идеям Н.И. Ильминского. Весьма характерной иллюстрацией этого положения может служить ситуация с совершением богослужения на марийском языке в национальных приходах Вятской епархии. Несмотря на официальное разрешение Св. Синода, Вятская духовная консистория неоднократно предписывала использовать богослужебные книги на марийском языке, изданные Переводческой комиссией в Казани, лишь в качестве пособий к церковно-славянским текстам²¹⁸.

Не имея возможности издавать книги на отдельных говорах лугового наречия, Переводческая комиссия пошла путем унификации переводимых текстов. С начала 1880-х гг. появляются работы, в которых при использовании слов, непонятных для носителей разных говоров, в скобках давались пояснения и их синонимы²¹⁹. Важным событием в истории марийской переводной книги стал выход в свет в Казани в 1882 г. Евангелия от Матфея на луговом наречии (2-е изд. 1888 г.). Эта работа подвела определенный итог многолетних усилий марийских переводчиков. Вышедшая под общей редакцией Н.И. Ильминского, книга стала плодом работы коллектива авторов – учеников и педагогического состава КУС, учителей марийских школ Казанского края. По всей видимости, состави-

²¹⁷ Иванов И.Г. Указ. соч. С.30.

²¹⁸ ГАКО. Ф.237. Оп.74. Д.2287. Л.106.

²¹⁹ Машанов М.А. Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования. 1867–1892. Казань, 1892. С. 147.

тели в своей работе пользовались неопубликованными материалами Т. Удюрминского и Г. Яковлева. Издание Нового Завета может свидетельствовать о высоком уровне развития переводческого дела на луговом наречии марийского языка. Именно язык луговых мари Казанской губернии (моркинско-сернурский говор) становится основой для большинства марийских переводов. Весьма характерно, что с 1880-х гг. именно книги на луговом наречии используются в качестве «оригинала» при составлении переводов для горных и восточных марийцев²²⁰.

Среди других переводных книг, изданных казанскими православными просветителями на луговом наречии во второй половине XIX в., можно выделить произведения религиозно-нравственного характера: «Проследование о исповедании» (Казань, 1886 г.), «Училище благочестия» (Казань, 1898); учебные пособия: «Пособие к изучению черемисского языка на луговом наречии» (сост. протоиерей О. Васильев) (Казань, 1887 г.), «Хоровые церковные песнопения» (сост. Т. Ефремов) (Казань, 1891 г.), «Первоначальный учебник русского языка» (Казань, 1892 г.), «Уроки русского языка для луговых черемис (пособие для учителей)» (Казань, 1899 г.); брошюры по профилактике болезней: «Бережёного Бог бережет. Наставления, как уберечься от заболевания холерою» (Казань, 1892 г.), «Трахрома» (Казань, 1898 г.) и др. В это время о себе, как о талантливых языковедах и переводчиках, заявили преподаватели КУС Т.С. Семенов²²¹ и Т.Е. Ефремов²²². Именно они, наряду с Г. Яковлевым, стали главными со-

²²⁰ Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани. 1893 г. Казань, 1893. С.17.

²²¹ Тимофей Семенович Семенов (1865–1907) родился в марийской семье в выселке Нурбель Уржумского уезда Вятской губернии. В 1884 г. после окончания КУС был назначен наставником образцового начального черемисского училища при КУС. С 1896 г. служил священником Спасской церкви в с. Сернур Уржумского уезда Вятской губернии.

²²² Тихон Ефремович Ефремов (1868–1938) родился в селе Шорунжа Царевококшайского уезда Казанской губернии. В 1890–1896 гг. работал учителем марийского языка КУС. С 1900 г. был священником в с. Шорунжа Царевококшайского уезда Казанской губернии, заведующим Унжинской центральной черемисской школы.

трудниками Переводческой комиссии по подготовке книг на луговом наречии.

Относительно немногочисленны были издания на горномарийском языке. Всего в 1880–1890-х гг. на нем вышло 5 названий книг: переиздание букваря Кедрова (Казань 1892, 1898 гг.), «Первоначальный учебник русского языка», «Поучение против пьянства» (Казань, 1892 г.) «Бережёного Бог бережет. Наставления, как уберечься от заболевания холерою» (Казань, 1892 г.).

Сравнительно поздно в орбите внимания казанских миссионеров оказались восточные мари, преимущественно проживавшие в Пермской и Уфимской губернии. Это было связано с отсутствием в распоряжении Переводческой комиссии достаточно подготовленных специалистов, носителей восточного наречия. Лишь в последней трети 1870-х гг. наметились некоторые позитивные изменения в решении этой проблемы. К этому времени благодаря открытию марийских приходов и развитию конфессионального образования в Приуралье, в числе учеников КУС появились представители этой этнографической группы, свою просветительскую деятельность в этом регионе начали вести первые марийские учителя. Первыми изданиями на восточномарийском наречии стали: «Священная история Ветхого Завета» (Казань, 1879) «Краткий катехизис» (Казань, 1879, 1887), «Священная история Нового Завета» (Казань, 1881)²²³. В 1887 г. вышел первый букварь на восточном наречии. По мнению ряда ученых, его автором является И. Удюрминский, долгие годы работавший учителем среди восточных марийцев²²⁴. Букварь оказался весьма удачным учебным пособием с хорошим графическим аппаратом, точно передававший фонетические особенности марийского языка. Букварь насыщен словами и лексическими обо-

²²³ Хронологический каталог изданий Православного миссионерского общества на русском языке и на языках инородцев Поволжских, Сибирских и Кавказских. С 1862 г. по май месяц 1910 г. Казань, 1911. С.23–25.

²²⁴ *Иванов И.Г.* История марийского литературного языка. Йошкар-Ола, 1975. С.30; Михайлов В.Т. Марийская национальная учебная книга: история эволюции // Проблемы современного образования. 2013. № 5. С.121.

ротами, отражающими диалектные особенности восточных марийцев. В нем представлено большое количество русских заимствований, снабженных марийскими аффиксами (*судитьлаш* – судить, *крестатлаш* – креститься и проч.)²²⁵.

Высокую активность по подготовке переводной литературы для восточных марийцев проявляли чиновники Оренбургского учебного округа (ОУО). В 1890 г. в Уфе небольшим тиражом вышел «Букварь для восточных черемис»²²⁶. Его автором был надзиратель Бирской инородческой учительской школы П.П. Ерусланов, происходивший из марийцев Уфимской губернии²²⁷. В 1891 г. попечитель ОУО И.Я. Ростовцев прислал в Казань для печати перевод «Евангелия на восточно-черемисском наречии». После рассмотрения рукописи, члены Переводческой комиссии признали, что перевод «оказался не вполне удовлетворительным». Для того чтобы проверить и доработать этот перевод, планировалось командировать летом 1891 г. сотрудников комиссии в марийские селения Уфимской губернии²²⁸.

В 1892 г. в Казань для подготовки новых изданий на восточном наречии был направлен П. Ерусланов. В относительно короткий срок им на основе изданных к этому времени книг на луговом наречии были подготовлены: «Священная история Ветхого Завета» (издана в Казани в 1892 г.), «Первоначальный учебник русского языка» (Казань, 1892 г.), «О силе молитвы» (Казань, 1892 г.), «Бережёного Бог бережет. Наставления, как уберечься от заболевания холерою» (Казань, 1892 г.). Кроме того, Переводческая комиссия посчитала возможным издать его букварь (Казань, 1892 г.) и рукописные переводы агиографических сочинений: «Житие св. Стефана Пермского» (Казань, 1892 г.), «Житие свящи-

²²⁵ Иванов И.Г. Указ. соч. С. 31.

²²⁶ ГА РТ. Ф.968. Оп.1. Д.105. Л.62–63.

²²⁷ Петр Петрович Ерусланов был одним из первых воспитанников КУС из восточных марийцев. В 1880-х гг. работал учителем начальной марийской школы в дер. Ныргында Сарапульского уезда Вятской губернии. В 1890-е гг. работал в Бирской инородческой учительской школе.

²²⁸ Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани. 1891 г. Казань, 1892. С.23.

теля Николая» (Казань, 1892 г.)²²⁹. В 1894 г. для проверки сделанных переводов, а также изучения диалектных особенностей языка восточных мари́йцев, в Уфимскую и Пермскую губернию был командирован член Переводческой комиссии, учитель КУС, священник Т. Семенов. На основе собранных материалов Т. Семенов должен был составить словарь языка восточных мари́йцев²³⁰. В 1899 г. в Казани на восточном наречии были изданы: «Житие Св. Великомученика и целителя Пантелеимона», «Похвалы Св. Великомученику Пантелеимону», «Уроки русского языка для восточных черемис»²³¹.

Рост книжной продукции на восточном наречии был связан с возросшими потребностями в учебной и богослужебной литературе. Издание переводной литературы преследовало и практические миссионерские цели. В отличие от горных и луговых мари́йцев, большинство восточных мари были официальными последователями исконных народных культов («язычниками»). Посредством этих книг казанские миссионеры рассчитывали оказать религиозное воздействие на молодое поколение в пользу православия, а также ослабить татаро-мусульманское культурное влияние, сильно ощущавшееся в мари́йских селениях в контактных зонах региона²³².

Конец XIX в. стал важным этапом в истории мари́йской переводной книги. К этому времени можно говорить о нормализации мари́йского письменного языка, оформлении правил орфографии, выработке четкой методики передачи и презентации ма-

²²⁹ Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани. 1892 г. Казань, 1893. С.16.

²³⁰ Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани. 1894 г. Казань, 1894. С.13.

²³¹ Хронологический каталог изданий Православного миссионерского общества на русском языке и на языках инородцев Поволжских, Сибирских и Кавказских. С 1862 г. по май месяц 1910 г. Казань, 1911. С.23–25.

²³² Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани. 1894 г. Казань, 1894. С.13.

рийской лексики, становлении марийского языковедения как научной дисциплины. В 1890-х гг., наряду с введенными в 1870-х гг. в письменный язык буквами (Ă ä, Н н, Ö ö, Ў ў), для обозначения специфических звуков марийского языка (впервые использованы в букваре 1870 г.), под влиянием работ профессора Казанского университета, известного финно-угроведа М. Веске начали применяться буква Ъ ъ (употреблялись до конца 1920-х гг.). Также была окончательно определена диалектная основа письменного языка – им стало луговое наречие.

Констатируя быстрый рост переводной книжной продукции на марийском языке во второй половине XIX в., необходимо отметить, что как по количеству, так и по репертуару она несколько уступала чувашским и татарским изданиям Переводческой комиссии. Сами православные миссионеры называли причинами этого явления слабое развитие школьного просвещения и наличие большого количества диалектных различий в марийских говорах. «Черемисские издания, писал М.А. Машанов – ведутся очень медленно вследствие того, что школы среди них (марийцев – Р.И.) поставлены довольно слабо. Другою причиною является разбросанность черемис и обилие диалектов и говоров в их языке. Существенно важно для успеха переводческого дела для черемис было бы улучшить организацию Унжинской центральной черемисской школы и создать таковые же школы: одну для бирских черемис, другую для черемис вятских»²³³.

В начале XX в. переводческо-издательская деятельность на марийском языке сохраняла высокую динамику. Основную роль в составлении новых переводов начинает играть молодое поколение марийских интеллигентов – П.П. Глезденев, В.М. Васильев, М.С. Сидоров, Ф.А. Афанасьев, Т.Е. Ефремов, Я.Н. Николаев, С.Г. Григорьев, В.А. Ипатов, Г.Г. Кармазин, И.Н. Коведяев, А.И. Емельянов, В.Т. Соколов, П.В. Вавилов. Большинство из них, получив опыт работы в Переводческой комиссии, стали впоследствии видными деятелями зарождающейся марийской литературы.

²³³ Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани с 1 января 1904 по 1 мая 1905 г. Казань, 1905. С.27.

Среди вышеозначенных лиц, необходимо особо выделить П.П. Глезденёва²³⁴, с 1904 г. ставшего основным научным редактором изданий Переводческой комиссии на марийском языке. В 1902 г., после окончания Бирской учительской семинарии, П. Глезденёв приезжает в Казань, где поступает на миссионерское отделение КазДА. С этого времени П. Глезденёв начинает работать над переводами. Большую роль в его становлении как переводчика и литератора сыграла встреча с видным марийским просветителем, уроженцем Уфимской губернии В.М. Васильевым²³⁵, в этот период обучавшимся в Казанской духовной семинарии. Сблизившись и организовав негласный творческий тандем, П. Глезденёв и В. Васильев начинают работу над подготовкой новых марийских изданий, разрабатывают новые подходы в передаче марийских текстов²³⁶. Первым серьезным успехом П. Глезденёва стали переводы Евангелия от Луки и Иоанна и Литургии Иоанна Златоустого, презентованные им в августе 1906 г. на выездном заседании Переводческой комиссии в селе Куженер Уржумского уезда Вятской губернии.

Наиболее продуктивным периодом в переводческой карьере священника П. Глезденёва стали 1907–1917 гг., когда он замещал должность вятского епархиального миссионера. В это время, наряду с составлением переводов, он издает свои оригинальные религиозные сочинения на родном языке. В частности, в 1913 г. в Казани увидела свет его брошюра «Оставьте почитание кереме-

²³⁴ Павел Петрович Глезденев (до крещения Ислам-Гарей Мендияров) (1867–1927) родился в деревне Тумбагуш Белебеевского уезда Уфимской губернии. После окончания Бирской инородческой учительской школы работал учителем в родном уезде. С 1902 по 1907 г. учился и работал в Казани. С 1907 г. епархиальный миссионер Вятской епархии.

²³⁵ Валериан Михайлович Васильев (псевдоним Ўпымарий) (до крещения Вастаев Темьян Гайсинович) (1883–1961) родился в дер. Сусады-Эбалак Бирского уезда Уфимской губернии. Окончил Бирскую учительскую семинарию (1902), Казанскую духовную семинарию (1906), Казанский университет (1918). Марийский учёный-языковед, общественный деятель. Основоположник марийской лингвистики, музыковедения, один из первых марийских писателей.

²³⁶ Сануков К.Н. Просветитель Павел Петрович Глезденёв. Очерк жизни и деятельности. Йошкар-Ола, 2005. С.8.

тей». Являясь носителем восточного наречия марийского языка, П. Глезденёв тем не менее стремился отказаться от перевода и издания специальных работ на данном диалекте, используя унифицированный письменный марийский язык. Этим можно объяснить практически полное исчезновение из репертуара книжной продукции ПК ПМО после Первой русской революции изданий на языке восточных марийцев.

Среди наиболее значимых изданий Переводческой комиссии ПМО, вышедших под общей редакцией П. Глезденёва, можно назвать книги: «Божественная литургия Св. Иоанна Златоустого», «Псалтирь» (Казань, 1914), «Часослов» (Казань 1914 г.). В числе других переводных работ, изданных в начале XX в. выделим: «Закон Божий. Рассказы из священной истории и молитвы. Для младших отделений начальных училищ» (сост. В.М. Васильева и П.Шатрова), «Молитвенник на горном наречии» (Казань, 1910 г.), «Молебны: Пресвятой Богородице, Святителю Чудотворцу Николаю и Святому великомученику Пантелеимону» (издание третьего благочиннического округа Уржумского уезда, Вятской епархии) (Казань, 1913 г.).

Наряду с Переводческой комиссией ПМО, П. Глезденёв сотрудничал с другими переводческими организациями, издававшими религиозно-нравственную литературу на языках народов России. В частности, в 1906 г. под его редакцией, на средства Британского библейского общества в Казани было издано Четвероевангелие на марийском языке²³⁷. Наряду с П. Глезденёвым в подготовке этой книги принимал участие воспитанник Казанской учительской семинарии Ф.А. Букетов²³⁸, переведший Евангелие от Иоанна. Как впоследствии вспоминал Ф. Букетов, «Рабо-

²³⁷ Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на черемисском языке. Казань, 1906. 350 с.

²³⁸ Филипп Афанасьевич Букетов (Афанасьев) (1871–1952), родился в дер. Малый Кулеял Царевококшайского уезда Казанской губернии. После окончания земского училища в родной деревне поступил в Казанскую учительскую семинарию. Работал учителем в марийских начальных школах Казанской и Вятской губернии. В 1910 г. посвящен в сан иерея и назначен настоятелем храма в с. Сернуры Уржумского уезда Вятской губернии. В советское время работал учителем в Восточной Сибири и МарАССР.

та была трудной. Тем не менее, она мне очень понравилась, и переводческая работа давала мне подлинное наслаждение. Переводил я Иоанну по ночам и в начале 1905 года завершил работу...»²³⁹.

Таким образом, в результате деятельности нескольких поколений православных просветителей, стремившихся донести истины православия посредством перевода и издания книг на родном языке, у марийцев сформировалась своя письменность, начала развиваться грамотность, произошли качественные изменения в восприятии христианства. Переводы христианских трудов стали фундаментом марийской литературы, а само развитие переводческой деятельности способствовало формированию знаний в области марийского языка и его отдельных диалектов. В стадийном отношении в переводческо-издательской деятельности на марийском языке в рассматриваемое время можно выделить три основных этапа: 1) 1800–1850-е гг. – появление первых переводных книг; 2) 1860–1905-е гг. – становление и развитие новых подходов в переводческой деятельности, разработанных Н.И. Ильминским; 3) 1905–1914-е гг. – переход на общемарийский письменный язык на основе лугового наречия.

²³⁹ Он перевел Евангелие // Заря. 1996. 6 сентября. С.6.

ГЛАВА 2

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ – ЦЕНТРЫ ПЕРЕВОДЧЕСКО-ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Одним из факторов быстрого роста переводной литературы и становления книгопечатания на языках православных тюркских и финно-угорских народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. стало открытие начальных и средне специальных учебных заведений с двуязычной системой преподавания (на родном и русском языках), работавших на основе системы Ильминского. Книги, издававшиеся православными просветителями стали первыми учебными пособиями в этих школах, а ученики и педагогический состав этих образовательных учреждений принимали активное участие в подготовке новых книг. Постепенно с развитием сети новых школ, росло количество сельских «грамотеев», прошедших через обучение на родном языке, что объективно увеличивало спрос на книжную продукцию, способствовало формированию творческой интеллигенции. «Молодёжь», воспитанная в таких учебных заведениях, активно продвигала новые нормы поведения и имела высокие культурные запросы. Важной составляющей подготовки и обучения в «инородческих» учебных заведениях педагогического профиля была переводческая деятельность. Благодаря этому, воспитанники центральных школ и Казанской учительской семинарии, становясь учителями и священнослужителями, имели возможность продолжить эту работу, применить на практике свои знания в этой области. Так формировалось первое поколение деятелей зарождающейся литературы нерусских народов Волго-Уралья.

2.1. Первые учебные заведения с двуязычной системой преподавания

Благодаря изменениям государственной и церковной политики в области народного образования, в пореформенный период возникает принципиально новая для России идеология религиозного и школьного просвещения, разработанная известным миссионером и просветителем Н.И. Ильминским. Понимая невозможность добиться качественных изменений в восприятии православия, повышения грамотности среди нерусских народов на непонятном для них русском языке, Ильминский предложил ввести первоначальное обучение в школах на родном для детей языке. Для этого в 1862 г. им совместно с первым кряшенским просветителем В.Т. Тимофеевым был составлен «Букварь», в котором впервые был применен алфавит на основе кириллицы для обозначения звуков татарского языка. Эта работа Ильминского в дальнейшем стала основным учебным пособием для кряшенских школ. С 1864 г. по 1910 г. она выдержала 16 изданий общим тиражом 38 тысяч экземпляров¹.

Разработка алфавита и составление на его основе первых учебных пособий позволили Ильминскому расширить свою деятельность и официально открыть в 1864 г. в Казани первое специальное учебное заведение, работавшее по новой системе. Большую роль в его становлении сыграл В.Т. Тимофеев. Тимофеев происходил из крестьян дер. Никифорово Мамадышского уезда Казанской губернии. После окончания Тавелевской приходской школы Министерства государственных имуществ, он уехал в Казань с целью поступить послушником в Иоановский монастырь. Здесь он знакомится с Н.И. Ильминским. В 1863 г. по его протекции Тимофеева приняли в КазДА на должность практиканта татарского языка. Получив средства к существованию и сносные жилищные условия, он приступил к реализации своих миссионерских и педагогических

¹ Хронологический каталог изданий Православного миссионерского общества на русском языке и на языках инородцев Поволжских, Сибирских и Кавказских с 1862 года по май месяц 1910 год. Казань, 1910. С.17–18.

идей – в первую же осень поселил в своей квартире трех мальчиков из родной деревни и стал обучать их грамоте и основам христианского вероучения². Для развития школы и придания ей официального статуса, в августе 1864 г. Н.И. Ильминский обратился к попечителю КУО с ходатайством о дозволении открыть частную школу для первоначального обучения детей крещеных татар в Казани во главе с В.Т. Тимофеевым³. Данное предложение было поддержано П.Д. Шестаковым, который в это время занимал эту должность. Уже в 1864–1865 г. школа стала действовать как официально зарегистрированное учебное заведение на следующих основаниях: «Мальчики должны жить на готовой квартире, которая для них будет нанята на частные средства, но одежда и пищевые материалы должны быть доставляемы родителями, по состоянию каждого. Платы за обучение не полагается. Мальчики должны обучаться русской грамоте. Главный предмет обучения: закон божий, молитвы, священная история и краткий катехизис, по книгам, изложенным на татарском языке, но русскими буквами».⁴ Главное наблюдение за школой было поручено Н.И. Ильминскому и бакалавру КазДА Е.А. Малову⁵.

Зарождавшаяся как маленький частный пансион, в котором в первый год обучалось всего три мальчика, живших вместе со своим учителем и его семьей в подвальной комнате на Арском поле, эта школа вскоре превращается в довольно крупное учебное заведение. Во втором учебном году здесь училось уже 20 чел., а в 1866 количество учеников достигло 40. Быстрое увеличение количества учащихся в школе поставило на повестку дня вопрос об улучшении ее материальной и учебной базы. Являясь частным учебным заведением, КЦКТШ должна была финансироваться за счет частных пожертвований. В связи с тем, что в ней учились крестьянские дети, в основном из малообеспеченных семей, Ильминскому приходилось предпринимать шаги по поиску средств для обеспечения школы. В первые годы существования школы

² ГА РТ. Ф.92. Оп.1. Д.2340.

³ *Витевский В.Н.* Н.И. Ильминский. Директор Казанской учительской семинарии. Казань, 1892. С.13.

⁴ Казанская центральная крещено-татарская школа. Казань, 1886. С.76.

⁵ *Витевский Н.И.* Указ. соч. С.13.

казанские купцы И.С. Курманаев, И.С. Кривонос, С.А. Арефьев начинают оказывать ей всестороннюю финансовую помощь. Школа получила поддержку в лице студентов и преподавателей КазДА. Кроме оказания материальной помощи, они помогали наладить быт учеников, принимали участие в их обучении. Первоначально школа помещалась в небольшом домике Агенорова в Академической слободке. Квартира эта состояла из 4 небольших комнат и кухни. С увеличением количества учеников она стала тесной: детям приходилось спать в учебных помещениях и даже на кухне.⁶ Чтобы исправить это положение, основателям школы, при поддержке попечителя КУО П.Д. Шестакова и казанского архиепископа Антония (Амфитеатрова) (1815–1879), в 1867 г. удалось построить отдельное здание на Арском поле, расширенное в 1870–1871 гг. на средства МНП. В 1867–1868 учебном году КЦКТШ была разделена на два самостоятельных отделения – мужское и женское.⁷

Первоначально у КЦКТШ не было четких учебных планов и штатов, что было связано с позицией ее основателей, считавших, что сам учебный процесс должен подсказать направление педагогической деятельности и необходимые для изучения здесь предметы. Подчеркивая эмпирический характер своей системы, Ильминский считал важным не ограничивать преподавательскую деятельность Тимофеева, загоняя ее в жесткие рамки особых утвержденных программ, стараясь максимально освободить образовательный процесс от лишней бюрократической регламентации. В связи с этим, несмотря на финансовую поддержку государственных структур, КЦКТШ на протяжении всей своей истории оставалась частным учебным заведением, не подчинявшимся напрямую ни МНП, ни училищному совету Св. Синода. Дирекция школы вполне самостоятельно принимала решения по учебным и воспитательным вопросам, что позволяло ей оперативно реагировать на религиозные и образовательные запросы татар. Существовала лишь некоторая неформальная подчинен-

⁶ *Витевский В.Н.* Н.И. Ильминский. Директор Казанской учительской семинарии. Казань, 1892. С.15.

⁷ *Горохов В.М.* Реакционная школьная политика царизма в отношении татар в Поволжье. Казань, 1941. С.106.

ность школы и ее руководства директору организованной в 1872 г. КУС. Но и эта связь строилась в первую очередь на особых доверительных отношениях между ее руководителями В. Тимофеевым и Н. Ильминским, а после их кончины – их преемников Т. Егорова и Н. Бобровникова.

Исходя из того, что ученики в дальнейшем должны будут заниматься преимущественно христианско-просветительской деятельностью среди своих соплеменников, на первый план в школе ставилось религиозное образование. Главными предметами здесь были Закон Божий, православные молитвы, священная история и краткий катехизис по книгам, изложенным на татарском языке русскими буквами. Для наглядного объяснения сюжетов из Нового и Ветхого Завета использовались библейские картины Шнорра. Обучение основам православия вводилось в школе с первых дней учебы. Изучив букварь, ученики переходили к чтению «Бытия», к книге «Премудрости Иисуса», «Евангелию от Матфея», переведенным на татарский язык⁸. С 1871 года, когда при КЦКТШ была построена домовая церковь, присутствие учеников на богослужении, на утренней и вечерней молитве стало обязательным.

Наряду с практическими целями, упор на религиозное образование в школе преследовал важные педагогические цели. По мнению Ильминского, любое образование без серьезного нравственного воспитания в строго религиозном духе вело к негативным последствиям для ребенка. Приобщаясь к секулярной европейской культуре, неподготовленные «инородцы» вбирали в себя худшие черты западной цивилизации, становились маргинальными лицами в среде своих соплеменников. Единственный путь избежать этого – привить ребенку глубокую религиозность, сохранить его патриархальный быт. Таким образом, основная цель образования, по Ильминскому, – религиозное перерождение ребенка при сохранении его глубокой связи с сельским обществом, необходимое еще и потому, что в будущем ученик должен был вернуться в крестьянскую среду и стать сельским учителем. В одном из своих сочинений Ильминский говорит, что «воспитание народной школы должно состоять в том, чтобы оно возбуждало,

⁸ *Витевский Н.И.* Указ. соч. С.14.

поддерживало и питало в учащих детей душевную жизнь, содействовало бы органическому, внутреннему развитию и росту душевных сил и способностей... в добром, нравственно-религиозном направлении»⁹. Ставя превыше всего простоту и духовность, Ильминский отдавал предпочтение ценностям обычного народа перед культурными идеалами интеллигенции, религиозным дисциплинам по сравнению со светскими науками¹⁰.

Из светских предметов в школе изучались: русский язык, основы арифметики (курс ограничивался целыми числами), черчение и география. Первоначальное преподавание велось на родном для учащихся языке. После знакомства с православной литературой, переведенной на татарский язык, обучившись читать и писать на родном языке, ученики приступали к изучению русского. В школе применялся «переводческий» метод, в соответствии с которым знакомство с грамматическими формами русского языка осуществлялось на основе «Самоучителя русской грамоты для киргизов» Н.И. Ильминского, затем читались священная история, составленная священником Н.А. Поповым, и Евангелие на русском языке. Чтение книг сопровождалось устным переводом на родной язык. На изучение русского языка назначался 41 час в неделю (в первом классе 15, во втором и в третьем по 13 часов). Для изучения грамматических основ русского языка использовались книги «Первоначальный учебник русского языка для татар», «Русские предлоги», пособия для учителей при ведении разговорных уроков по русскому языку в татарских школах, «Элементарный курс грамматики для городских и двухклассных училищ», составленный Тихомировым, учебник Говорова.

Важное место в образовательном процессе занимало изучение церковно-славянского языка. Главной целью его изучения было приучить учеников к осмысленному чтению Св. Писания и богослужебных книг на церковно-славянском языке. Чтение сопровождалось переводом и заучиванием встречающихся непонятных слов. На славянский язык было назначено 11 уроков (в

⁹ *Ильминский Н.И.* Записка об устройстве учебных заведений. Казань, 1904. С.8.

¹⁰ *Джераси Р.* Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013. С.97.

первом классе 4 урока, во втором и третьем по 3 урока). Обучение проходило по книге Н.И. Ильминского «Обучение церковно-славянской грамоте» и Евангелию от Матфея.

Особое внимание уделялось церковному пению, которое, как небезосновательно считал Н.И. Ильминский, могло оказывать большое эмоциональное воздействие на неукрепленных в православии номинальных христиан, способствовать привлечению их на богослужение в церковь. Уже в первый учебный год В.Т. Тимофеевым был организован певчий хор из числа учеников. По сути, в КЦКТШ был создан первый полноценный хор, исполнявший произведения церковного музыкального искусства на одном из языков нерусских народов Среднего Поволжья. Церковное пение учеников поражало гостей, которые специально приходили в КЦКТШ, чтобы послушать хор на татарском языке. По воспоминаниям чувашского просветителя И.Я. Яковлева, первое посещение богослужения на татарском языке в стенах школы произвело на него неизгладимое впечатление, повлияло на весь ход его дальнейшей деятельности. «Впоследствии, – пишет И.Я. Яковлев, – мне приходилось слушать пение Петербургской певчей капеллы синодального хора и других известных хоров с чудными голосами, при исполнении произведений лучших духовных композиторов. Но я не выносил из храма такого впечатления, какое получил в церкви крещенотатарской школы. Тут не было вокальных фокусов, ломаний, переходов, контрастов. Исполнение хора, наученного Макарием, было чрезвычайно просто по мотивам, но несло в себе такую глубину, убежденность религиозного чувства, что я первый раз слушая хор крещено-татарской школы, напоминал собою тех послов святого князя Владимира, которые будучи посланы им для сравнения вер у разных народов, услышав пение в Софийском храме, потом сознавались, что сами не знали, на земле ли они или на небесах... Все высокопоставленные лица, слышавшие пение хора крещенотатарской школы, в том числе Победоносцев, Саблер были от него в восторге. Сам Ильминский не скрывал своего восхищения хором. Теперь подобное пение почти исчезло»¹¹.

¹¹ Яковлев И.Я. Моя жизнь. Воспоминания. М.: Республика, 1997. С.162–163.

Среди учеников Тимофеева, членов школьного хора, появляются первые талантливые музыканты и певцы. Например, в числе первых воспитанников КЦКТШ своими музыкальными дарованиями выделялся Ефрем Макаров¹². Позже, во время своей религиозно-просветительской деятельности в качестве учителя и священника, эта неординарная личность сделала много по развитию церковного хорового пения среди удмуртского и кряшенского населения Вятской и Казанской губернии.

Преподавание церковного пения состояло из классных уроков (по 2 урока в каждом классе) и из спевков класса и церковного хора. В первом классе производились голосовые упражнения, детей приучали к правильному положению органов тела при пении, к верной интонации, к измерению долготы звука движениями руки. При обучении использовалась цифирная система нотации. Пение голосовых упражнений, канонов и церковных песнопений осуществлялось по «Курсу хорового пения» С. Смоленского.

Делая упор не столько на обучение, сколько на воспитание детей, учителя стремились создать в школе семейную атмосферу, отказаться от формальной выправки, телесных и других наказаний, что для пореформенной школы было большой редкостью. Ильминский, не имея собственных детей, относился к ученикам как к своим пасынкам, заботился об их положении, питании, вникал во все тонкости учебного процесса, знал характер каждого ученика. «Нужно было видеть, – писал П.В. Знаменский, – как просто и близко он с ними держался и как доверчиво держались в отношении к нему сами дети, радостно, с ясными улыбками встречая его каждый раз, как только он среди них появлялся»¹³. Благодаря этому, КЦКТШ по оценкам современников напоминала некое подобие большой семьи, где учителя выступали в роли родителей, а ученики – детей. Такая обстановка позволяла детям быстро адаптироваться к новой незнакомой обстановке, включаться в учебный процесс.

Душой и главным деятелем КЦКТШ с момента ее основания был В.Т. Тимофеев. «Вся сила, – отмечал в 1864 г. Н.И. Ильмин-

¹² РГИА. Ф.796. Оп.205. Д.621. Л.50–55об.

¹³ *Знаменский П.В.* На память о Н.И. Ильминском. К двадцатипятилетию Братства святителя Гурия. Казань, 1892. С.168.

ский, – в учителе школы: без него она не могла бы существовать: он ее главная опора и с утра до ночи трудится для нее бескорыстно»¹⁴. Пройдя трудный путь обучения в приходском училище, Тимофеев в своей педагогической деятельности стремился отказать от всех отрицательных сторон казенной школы дореформенного времени с ее формализмом и пренебрежительным отношением учителя к ученикам. Тимофеев активно пользовался передовыми педагогическими методиками и идеями, заложенными выдающимися идеологами педагогической мысли Я. Коменским и К. Ушинским, творчески осмыслив и переработав их в соответствии со своим опытом и практической деятельностью.

Для популяризации идей просвещения среди кряшен, В. Тимофеев со своими учениками в летнее вакационное время совершал поездки по селениям, где они читали новые переводы православных богослужебных книг на татарском языке, пели молитвы, показывали местному населению свои успехи в грамоте и письме, приглашая детей на обучение в Казань. Благодаря этому школа приобретает широкую известность и популярность. Сюда на обучение начинают приезжать ученики не только со всех уголков Казанской, но и из отдаленных районов Уфимской, Самарской и Вятской губерний. В частности, в 1898 г. из 115 выпускников мужского отделения КЦКТШ 38 чел. были уроженцами Мамадышского уезда, 31 чел. – Лаишевского, 4 чел. – Цивильского, 3 чел. – Чистопольского уездов Казанской губернии, 14 чел. – Мензелинского, 4 чел. – Белебеевского уездов Уфимской губернии, 8 чел. – Елабужского, 7 чел. – Малмыжского уездов Вятской губернии, 3 чел. – Бугульминского, 1 чел. Бугурусланского уездов Самарской губернии, по 1 чел. из Троицкого и Верхнеуральского уездов Оренбургской губернии¹⁵.

Наряду с татарами, сюда поступали удмурты, марийцы, чуваша и мордва, знавшие татарский язык. В частности, выпускни-

¹⁴ Цит. по: *Знаменский П.В.* О. Василий Тимофеевич Тимофеев. (Некролог). Казань, 1896. С.8.

¹⁵ *Исхаков Р.Р.* «Служит по мере возможности миссионерско-просветительным целям». Отчет о состоянии Казанской центральной крещено-татарской школы (1898 г.) // Кряшенское историческое обозрение. 2019. №1. С.111.

ками КЦКТШ были такие известные деятели духовного просвещения среди местных нерусских народов, как переводчик православных текстов на чувашский язык С. Тимрясов, автор мордовского (эрзя) букваря и переводов Евангелия священник А. Юртов и др. В 1872 – 1873 уч. гг. количество учащихся в школе возрастает до 165 чел.

Положительные результаты применения новой просветительской системы привлекли к школе внимание местной администрации и церковного руководства. В 1866 г. КЦКТШ посетили казанский вице-губернатор Е.А. Розов, казанский архиепископ Антоний, попечитель КУО П.Д. Шестаков¹⁶. Впоследствии своим вниманием школу удостоили: в 1868 г. – великий князь Алексей Александрович, в 1869 г. – принц П.Г. Ольденбургский и наследник престола Александр Александрович (Александр III) с супругой, в 1870 г. – великий князь Константин Николаевич, в 1871 г. – император Александр II. Особое внимание на новую школу обратил обер-прокурор Св. Синода и министр народного просвещения граф Д.А. Толстой. Побывав здесь в 1866 г., сановник высоко оценил разработанные Н.И. Ильминским методы религиозно-просветительской деятельности¹⁷.

В 1867 г. на нужды КЦКТШ Св. Синодом ежегодно выделяется по 1000 рублей. В 1869 г. эта сумма была увеличена до 4050 рублей. В этом же году МНП было ассигновано 10 000 рублей на строительство нового здания для школы и 500 рублей в награду В.Т. Тимофееву за его труды¹⁸. В дальнейшем устанавливается постоянная система финансирования школы. К началу XX в. общий ежегодный бюджет школы составлял 14 105 руб. 86 коп., он состоял из полученных денежных субсидий МНП (5 923 р. 88 коп.), Православного миссионерского общества (3 450 руб.) Св.

¹⁶ *Ильминский Н.И.* Школа для первоначального обучения детей крещеных татар в Казани // Казанская центральная крещено-татарская школа. Казань, 1886. С.219–220.

¹⁷ *Чичерина С.В.* У приволжских инородцев. Путевые заметки. СПб., 1906. С.53.

¹⁸ Письма Н.И. Ильминского к графу Дмитрию Андреевичу Толстому, Обер-прокурору Святейшего Синода, 31 марта 1866 года // Казанская центральная крещено-татарская школа. Казань, 1887. С.176–180.

Синода (700 р.), казанского земства (500 руб.), пожертвований попечителя школы купца Щетинкина (500 р.). Кроме того, профессорами КазДА, крупными купцами-меценатами Казани, а также царствующим домом для учеников школы были учреждены специальные именные стипендии¹⁹.

Согласно высочайше утвержденному 28 февраля 1878 г. мнению Государственного совета, КЦКТШ получило право частного учебного заведения, с объемом преподавания не ниже определенного для двухклассных училищ Министерства народного просвещения. Сама необходимость преобразования школы была связана с общей тенденцией по унификации учебной системы империи, проведением военной реформы. Для предоставления успешно закончившим курс в школе возможности замещать должности учителей в системе земских и министерских начальных училищ, ее учебные планы должны были соответствовать программам МНП, а выпускники проходить обязательную аттестацию и сдавать выпускные испытания. В соответствии с новой программой был расширен круг изучаемых здесь предметов, увеличен штат учителей, введена должность законоучителя, на которую был назначен В. Тимофеев. В высочайше утвержденном 29 мая 1879 г. «Временном списке учебным заведениям с разделением их на разряды по отношению к отбыванию воинской повинности» КЦКТШ была отнесена к 3 разряду, что предоставляло ее воспитанникам право на льготу по воинской повинности. КЦКТШ была разделена на два класса, в которые принимались лица уже получившие начальное образование в начальных сельских училищах. Время обучения в обоих классах было не менее трех лет, смотря по успеваемости учеников²⁰.

В 1883 г. в школе открывается третий, а в 1901 г. – четвертый класс с объемом преподавания не ниже второклассной церковно-приходской учительской школы. В соответствии с новой программой, в школе было введено изучение русской истории, естествознания, физики и рисования, расширено преподавание русского и церковнославянского языков²¹. Был увеличен и штат

¹⁹ РГИА. Ф.733. Оп.173. Д.101. Л.5.

²⁰ РГИА. Ф.733. Оп.170. Д.1046. Л.2.

²¹ Отчет Казанской центральной крещено-татарской школы за 1903–1904 учебный год. Казань, 1904. С.1–2.

учителей. В это время в школе Закон Божий и другие церковные дисциплины преподавали священник Т.Е. Егоров (директор школы), магистр богословия М.К. Источников, дьякон Н.К. Кириллов, математику – Г.Н. Николаев (Сердинский), русский язык, историю и географию – П.В. Парфенов и Л.А. Ишкинов, естествознание – Н.А. Максимов, пение – Н.В. Васильев. Занятия в женском отделении вели П.В. Егорова (в девичестве Тимофеева), В.Н. Бобровникова, А.О. Леонтьева, К.А. Илларионова, Е.И. Гурьянова²².

Окончательное структурирование организации этого учебного заведения происходит в 1908 г., когда при нем открывается образцовое начальное училище для педагогической практики воспитанников.

Во внеклассное время школьники занимались ручным трудом, работали на приусадебном участке, организованном возле школы, ученицы занимались рукоделием, шитьем и починкою белья и платья для себя и для учеников мужской школы, вышиванием бумагой и шерстью, вязанием скатертей, кружев, чулок и т.п. Школа располагала хорошей библиотекой, состоявшей из 1010 названий книг духовного и светского содержания, в количестве 4704 томов.

Ученики в школе содержались как за свой счет, так на средства благотворителей. Так, в 1898 уч. г. из 115 учащихся 53 считались «своекоштными», а 62 чел. получали содержание от школы и отдельных меценатов: 10 человек были стипендиатами императора Николая II, 3 – Н.И. Ильминского, 5 – протоиерея Рождественского, 2 – П.С. Шарапова, 1 – стипендиатом в память события 17 октября 1888 года, 1 – Е.А. Тихоновой, 1 – св. Гурия, 20 человек содержались на счет попечителя школы Казанского 1-ой гильдии купца П.В. Щетинкина, 2 – на средства профессора КазДА П.А. Юнгера, 7 чел. – Вятского комитета ПМО, 4 – Елабужского 1-ой гильдии купца П.К. Ушкова, 2 – Елабужского земства²³.

²² Отчет о состоянии Казанской центральной крещено-татарской школы за 1901–1902 учебный год. Казань, 1902. С.7–8.

²³ *Исхаков Р.Р.* «Служит по мере возможности миссионерско-просветительным целям». Отчет о состоянии Казанской центральной крещено-татарской школы (1898 г.) // Кряшенское историческое обозрение. 2019. №1. С.110.

С самого своего основания КЦКТШ задумывалась как учебное заведение для подготовки учителей начальных школ для крещеных татар. Уже в 1865–1866 уч. гг. ее первыми выпускниками открываются школы – женская в дер. Никофорово, смешанные в дер. Арняш (Мамадышский уезд) и с. Апазово (Казанский уезд). Эти первые школы напрямую подчинялись КЦКТШ, и были, по словам П. Знаменского, ее «маленькими колониями»²⁴. С организацией в 1867 г. в Казани миссионерского Братства св. Гурия, а с 1870 г. поволжских комитетов ПМО, поставивших своей основной целью развитие начального конфессионального образования среди нерусских народов Среднего Поволжья, КЦКТШ становится кузницей кадров для их школ. Руководство КЦКТШ, наряду с советами этих миссионерских организаций, участвовало в контроле за постановкой образовательной и христианско-просветительской деятельности в них. Всего со времени своего основания до 1914 г. в школе получило образование 4 449 учеников и 1 887 учениц, из которых 636 окончили ее со званием учителя и 260 учительниц сельских начальных школ²⁵.

С 1867 г. на базе КЦКТШ начинают проводиться ежегодные педагогические курсы учителей крещено-татарских школ, на которые съезжались ее бывшие воспитанники со всего Среднего Поволжья и Приуралья. Особое внимание здесь уделялось знакомству учителей с новыми методами обучения, изучению русского языка²⁶. С 1890-х гг. на эти курсы начинают приезжать учителя других национальностей. В частности, в 1895 г. из 78 чел., участвовавших на курсах, 58 были учителями школ из Казанской, 9 – Симбирской, 7 – Вятской, 1 – Пермской, 1 – Саратовской, 2 –

²⁴ *Знаменский П.В.* На память о Н.И. Ильминском. К двадцати пятилетию братства святителя Гурия. Казань: Тип. Ильяшенко, 1892. С.196.

²⁵ *Ильминский Н.И.* О системе просвещения инородцев и о казанской центральной крещено-татарской школе (к пятидесятилетию системы и школы, а также необходимые справки к указу №8608 о просвещении инородцев). Казань, 1913. С.93.

²⁶ Отчет о деятельности Братства святителя Гурия за семнадцатый учебный год. С 4 октября 1883 года по 4 октября 1884 года. Казань, 1884. С.11.

Уфимской губ. Среди них 26 были крещеными татарами, 25 чувашами, 12 марийцами, 8 удмуртами, 6 русскими и 1 мордвином²⁷.

Развиваясь и расширяя свою деятельность, КЦКТШ становится настоящим просветительским, религиозным и культурным центром кряшен. Во многом благодаря усилиям учителей и учеников школы, была проведена масштабная работа по переводу Евангелия и других христианских религиозных и богослужебных книг на татарский язык, в свою очередь, ставших основой для переводов на другие тюркские и финно-угорские языки Среднего Поволжья²⁸. Как отмечал сам Н.И. Ильминский, сотрудники и воспитанники школы, как природные носители языка, оказывали существенную помощь миссионерам-переводчикам, фактически являлись полноценными сотрудниками Переводческой комиссии ПМО при Братстве св. Гурия, осуществляли корректуру новых изданий, во время своих поездок по кряшенским населенным пунктам проводили их апробацию, распространяли переводы среди местных жителей и пр. Поэтому количество переведенных изданий на татарский язык (наряду с чувашскими переводами) было значительно больше, чем на языках других народов края, у которых вплоть до 1880-х гг. не было таких религиозно-образовательных центров как КЦКТШ и Симбирская чувашская учительская школа.

Благодаря своему центральному положению, особой роли в координации деятельности местных начальных школ, подготовке учителей и контролю над их деятельностью, КЦКТШ, при отсутствии других значимых общекряшенских культурно-религиозных институтов, выступала в роли коммуникатора связи между отдельными, ранее мало связанными между собой группами кряшен, способствовала их консолидации и формированию единого культурно-информационного пространства, а ее воспитанники, замещая должности учителей и православных священников, становились основными деятелями школьного просвещения и миссионерства среди своих соплеменников. Практически

²⁷ Горохов В.М. Указ. соч. С.110.

²⁸ Ильминский Н.И. О применении русского алфавита к инородческим языкам // Николай Иванович Ильминский. Сборник статей по поводу 25-летия со дня кончины его (27 дек. 1891 г.). Казань: Центральная тип., 1916. С.134.

вся крышенская интеллигенция, сформировавшаяся во второй половине XIX – начале XX вв., – это воспитанники КЦКТШ, сохранявшие и после окончания курса тесные контакты со школой и ее руководством.

КЦКТШ стала образцом для других учебных заведений, созданных на основе системы Ильминского для православных тюркских и финно-угорских народов Среднего Поволжья. Первоначально школы такого типа открывались миссионерскими организациями, в первую очередь, казанским Братством святителя Гурия. Братство св. Гурия являлось общественной организацией и формально не подчинялось ни светской, ни духовной администрации. Дистанцирование от органов власти было связано с желанием его совета принимать самостоятельные решения в области развития просветительского движения. Общественный статус братства снимал и определенные подозрения со стороны сельского нерусского населения, видевшего в любых действиях государственных структур попытку ограничить их культурные и экономические права, усилить религиозную и языковую унификацию. Тем не менее, это общественное объединение было тесно связано с органами государственной и церковной власти, основная часть ее бюджета формировалась за счет субсидий МНП, Св. Синода и Православного миссионерского общества.

Уже в первые годы существования братства выявились основные направления его деятельности. Под влиянием Н.И. Ильминского и его сторонников, главное внимание стало уделяться развитию конфессионального образования среди крещеных нерусских народов. В этом отношении весьма показательно, что первым председателем ее совета был избран попечитель Казанского учебного округа П.Д. Шестаков. До конца 1867 г. братством были открыты 22 школы²⁹. В дальнейшем количество братских учебных заведений неуклонно увеличивалось (см. табл. 5).

²⁹ Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1868 год. СПб., 1869. С.93.

Динамика численности братских школ с 1867 по 1914 гг.³⁰

Уч. гг.	Креще- но-та- тарские	Чуваш ские	Ма- рий- ские	Уд- мурт- ские	Мор- дов- ские	Рус- ские	Все- го
1867/ 68	7	2	12	-	-	1	22
1868/ 69	8	1	12	-	-	-	21
1869/ 70	22	3	11	2	-	1	39
1870/ 71	24	5	8	2	-	2	43
1871/ 72	38	10	11	1	-	1	61
1872/ 73	42	11	16	1	-	4	74
1873/ 74	51	16	20	5	-	4	96
1874/ 75	46	15	25	3	-	5	94
1875/ 76	34	5	10	3	-	с.н.	52
1876/ 77	39	9	15	4	-	с.н.	67
1877/ 78	36	7	9	3	-	2	57
1878/ 79	34	9	3	3	-	1	50
1879/ 80	41	8	3	3	-	1	56
1880/ 81	40	9	2	3	-	1	55

³⁰ *Понятов А.Н.* Миссионерская деятельность «Братства святителя Гурия» в Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. С.277–278.

Глава 2

1881/ 82	41	9	2	3	-	1	56
1882/ 83	48	13	3	4	-	1	69
1883/ 84	50	20	3	4	1	2	80
1884/ 85	59	25	3	4	1	5	97
1885/ 86	59	23	2	4	-	4	92
1886/ 87	58	25	2	4	1	5	95
1887/ 88	55	32	3	4	1	5	100
1888/ 89	57	36	4	6	1	6	109
1889/ 90	57	42	4	6	1	5	116
1890/ 91	60	49	4	7	1	6	127
1891/ 92	60	50	3	8	1	6	128
1892/ 93	63	50	5	8	1	7	133
1893/ 94	64	51	6	7	1	7	136
1894/ 95	64	54	7	8	1	7	141
1895/ 96	66	55	7	9	1	7	145
1896/ 97	64	55	7	10	1	7	144
1897/ 98	58	40	4	10	1	5	118
1898/ 99	60	51	17	17	1	5	152
1899/ 900	60	51	17	17	1	-	151

Глава 2

1900/ 01	61	51	17	17	1	-	152
1901/ 02	60	50	17	17	1	-	145
1902/ 03	64	51	20	17	1	-	153
1903/ 04	61	50	20	18	1	-	150
1904/ 05	64	48	22	18	1	-	153
1905/ 06	61	46	22	17	1	-	147
1906/ 07	64	47	21	18	1	-	151
1907/ 08	60	38	17	16	-	-	131
1908/ 09	60	38	20	16	-	-	134
1909/ 10	59	38	20	16	-	-	133
1911/ 12	55	37	20	17	-	-	129
1913	52	26	18	14	-	-	110
1914	50	20	17	13	-	-	100

Наибольшее количество братских школ было открыто в кряшенских селениях Казанской губернии – к 1896 г. их количество достигло 66. Это объяснялось особым значением православного конфессионального образования для представителей данной этнографической группы татарского народа, которые под влиянием своих соплеменников-мусульман начали массово переходить в ислам. Весьма высокие показатели количества учебных заведений данного типа отмечаются у чувашей (к 1896 г. 55 школ), марийцев (к 1905 г. 22 школы) и удмуртов (к 1903 г. 18 школ). Существенные колебания численности школ в разные годы можно объяснить тем, что часть школ передавалась в ведение земских и церковных организаций, часть закрывалась в виду финансовых сложностей или в связи с отсутствием практической необходимости.

Благодаря развитию сети братских школ, к концу XIX в. профессиональное образование в них ежегодно получало более 4 тысяч человек (см. табл. 6).

Таблица 6

Количество учеников братских школ с 1867–1892 гг.³¹

Уч. гг.	Кря-шен	Чу-ваш	Мари	Удмур-тов	Морд-вы	Рус-ских	Все-го
1867/ 68	300	100	300	–	–	32	732
1869/ 70	388	с.н.	с.н.	с.н.	–	с.н.	с.н.
1871/ 72	1162	160 (?)	300 (?)	25	–	30	с.н.
1872/ 73	1855	292	509	108	6	170	2840
1883/ 84	1443	578	88	101	33	207	2445
1884/ 85	1883	567	99	92	98	28	2011
1885/ 86	2040	590	70	90	–	187	2977
1886/ 87	1842	571	81	107	33	199	2333
1887/ 88	1829	621	84	105	63	216	2918
1888/ 89	1572	825	73	154	49	611	3294
1889/ 90	1672	1009	74	143	34	559	3480
1890/ 91	1883	1235	95	168	20	633	4034
1891/ 92	2133	1399	75	202	32	817	4658

³¹ *Понятов А.Н.* Миссионерская деятельность «Братства святителя Гурия» в Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. С.277–278.

Переписка Н.И. Ильминского и других казанских просветителей позволяет нам обрисовать общую картину становления и развития сети братских учебных заведений. Первоначально школы открывались в населенных пунктах, в которых чувствовалась необходимость в усилении влияния православия, а сами местные жители стремились к повышению культурного и образовательного уровня подрастающего поколения. Для школ нанимались небольшие сельские избы, из Казани присылались буквари и переводные издания, а также элементарный учебный инвентарь (аспидные доски, грифели, бумага и чернила). Учителя, сами в недавнем прошлом являвшиеся воспитанниками миссионерских школ, поступая на работу в школы, стремились заручиться поддержкой сельчан, увеличить количество учеников. Постепенно, своим самоотверженным трудом, развитием школьного просвещения на родном языке, они «зарабатывали» уважение в деревне, становились полноценными представителями зарождающейся «инородческой» интеллигенции. Именно эти учителя выступали инициаторами создания новых братских школ. Многие из них открывались ими де факто и лишь потом поступали на содержание и под управление казанского братства. Наиболее деятельные и талантливые учителя, впоследствии став церковно и священнослужителями, продолжали работу по развитию народного просвещения, открывали новые школы, готовили для них учебные пособия. Таким образом, формирование сети братских школ происходило не централизованно из Казани, а по инициативе «с мест», что позволяло избежать бюрократизации образовательной системы и способствовало приближению ее к нуждам сельского населения.

Не довольствуясь развитием своих миссионерских учебных заведений, братство пыталось подчинить своему влиянию начальные училища земских организаций Казанской губернии. Для этого 31 октября 1882 г. в совет братства были введены два члена губернского земства³². Дальнейшее расширение участия казанского братства в развитии религиозно-нравственного просвещения и миссионерского движения происходит с утверждени-

³² Машанов М.А. Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования (1867–1892 гг.). Казань, 1892. С.52.

ем 13 июня 1884 г. «Правил о церковно-приходских школах»³³. По настоянию казанского архиепископа Палладия (Раева), функции епархиального училищного совета были возложены на совет Братства св. Гурия, в его состав были дополнительно введены члены епархиального управления (ректор КДС архимандрит Никанор, архимандрит Варсонофий, протоиерей Миловидов и др.), чиновники МНП (инспекторы народных училищ В.Ф. Люстрицкий (с 1890 г.), А.П. Карпов (с 1892 г.))³⁴. Таким образом, его совет стал основным руководящим органом для всех церковно-приходских школ и школ грамоты по Казанской епархии. К 1890–1891 гг. всего под его ведением находилось 216 церковно-приходских школ и 175 школ грамоты³⁵.

За образец братских школ была взята структура организации КЦКТШ. Назначение и распределение учителей в новые учебные заведения контролировал непосредственно Н.И. Ильминский. Учителя школ подчинялись приходскому духовенству, которое должно было наблюдать за правильной организацией школьного дела.

Братские школы по своему типу являлись школами грамоты с национальным компонентом с двухгодичным курсом обучения. Лишь в конце 1870-х – начале 1880-х гг., под влиянием педагогических идей И.Я. Яковлева и созданных им чувашских земских школ, в некоторых из них была введена 4-летняя программа обучения. В соответствии с «Проектом правил для начальных народных школ церковного братства во имя святителя Гурия», разработанных Н.И. Ильминским, в четырехлетний учебный план этих учебных заведений входили: в 1-м учебном году – первоначальное обучение детей церковному пению и чтению православных молитв, знакомство со звуками и знаками звуков; упражнения по правильному написанию букв по карточкам; упражнения по счету до 10. За первый год обучения дети должны были научиться

³³ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1884 год. СПб., 1886. С.105.

³⁴ Дружинин А. Историко-статистический обзор церковно-приходских школ и школ грамоты Казанской епархии за 11 лет их существования (1884–1895 г.). Казань, 1896. С.12.

³⁵ Там же. С.11.

называть по-русски элементарные предметы, считать до 20, читать и петь на родном языке православные молитвы. Во 2-м учебном году осуществлялось обучение правильному чтению, устному пересказу прочитанного, арифметическим вычислениям в пределах первой сотни, чистописанию. 3-й учебный год посвящался переводам с родного на русский язык православных молитв, детальному изучению Библии, пересказу важнейших сюжетов из священной истории, изучению молитв на русском и церковнославянском языке, арифметическим вычислениям, диктовке отдельных предложений. В 4-м, завершающем учебном году, учащиеся занимались закреплением знания русского языка, изучением церковнославянского языка, чтением и переводами Евангелия с церковнославянского на русский язык, пересказами отдельных предложений на русском языке³⁶.

Характерной чертой этих школ были предельная простота организации образовательного процесса и ее конфессиональная направленность. Школа представляла из себя небольшое учебное заведение, обычно располагавшееся в простой сельской избе, во главе с учителем-«простоцем», являвшимся таким же крестьянином, что и местное население, не всегда обладавшим глубокими познаниями, но имевшим искреннюю привязанность к православии и желание учить детей. Обучение на родном языке, семейная атмосфера, создававшаяся здесь, способствовали органичному встраиванию этих школ в сельскую обстановку, восприятию их местным населением как своих культурно-национальных институтов, что способствовало росту их популярности. Низкие затраты на содержание (в среднем 60–100 руб. в год) позволяли открывать их повсеместно, делая конфессиональное образование доступным для значительной части юношества³⁷.

Определенную роль в выработке данного типа учебных заведений с характерными для них принципами организации сыграл опыт существовавших в Среднем Поволжье татарских конфессиональных школ (мектебе и медресе). Как признавал Н.И. Ильминский в одной из своих записок с образным названием «Ex oriente lux» (Свет с Востока), опубликованной после его смерти в виде от-

³⁶ ГА РТ. Ф.968. Оп.1. Д.16. Л.36–38.

³⁷ Христианское просвещение и религиозные движения... С.388.

дельной статьи, именно знакомство с деятельностью мусульманских школ во время многочисленных путешествий по татарским деревням Казанской губернии и командировки на Ближний Восток выработали в нем идеал начальной конфессиональной школы с предельно простым характером постановки учебного дела, отсутствием бюрократической регламентации, массовым охватом населения при низких издержках на содержание³⁸. По сути, по задумке Ильминского, братские школы должны были стать для крещеных нерусских народов тем же, чем являлись мектебе для татар-мусульман – самодостаточными институтами, не нуждавшимися в поддержке и опеке государственных структур, удовлетворявшими насущные культурно-образовательные и религиозные потребности сельских жителей.

Неверно было бы освещать деятельность братских школ только с позитивистско-оптимистической стороны. Безусловно, у этих учебных заведений была масса недостатков. Главным из них может считаться хроническая нехватка финансовых средств. Стремясь открыть как можно больше школ, казанские деятели не всегда заботились об их достаточном финансировании. В первую очередь, это было связано с ограниченными финансовыми возможностями самих миссионерских организаций. В частности, на начальном этапе своего существования, в 1870-х гг., общегодовой бюджет братства составлял всего 6–7 тыс. руб., на которые, кроме содержания разветвленной сети учебных заведений, издавалась переводная литература на тюркских и финно-угорских языках, выделялись субсидии на строительство православных храмов, единовременные премии миссионерам и священнослужителям. Н.И. Ильминскому и его последователям приходилось буквально по крохам собирать средства, обращаясь за помощью к благотворителям, МНП, земствам, духовному ведомству, чтобы школы продолжали существовать. Сами крестьянские общества практически не оказывали никакой финансовой помощи школам. Напротив, требовалась большая работа, чтобы убедить крестьян в необходимости обучения детей грамоте. В этих условиях учителям приходилось жить на скромное жалованье впроголодь, обу-

³⁸ *Ильминский Н.И. Ex oriente lux // Православный собеседник. 1904. Вып.1. С.40–53.*

чать детей в сложных, антисанитарных условиях³⁹. Многие братские школы не были оснащены элементарным учебным инвентарем, не хватало пособий и книг для чтения. Сами учителя, не обладавшие глубокими познаниями, особенно в области светских наук, проучившиеся всего несколько лет в начальных и средне-специальных учебных заведениях конфессиональной направленности, не могли дать детям всестороннее образование. Как отмечали чиновники МНП, ученики этих школ отличались низким уровнем подготовки, плохо знали светские дисциплины, практически не владели государственным языком⁴⁰. Тем не менее, создание широкой сети братских школ, первоначальное обучение в которых велось на родном для учеников языке, несмотря на свои ограниченные рамки, стало большим шагом вперед в деле развития образования и просвещения народов Среднего Поволжья. Благодаря им младшее поколение смогло изучить грамоту на родном языке: научилось читать и писать, познакомилось с православным вероучением. Для многих учеников открылась возможность повысить свой образовательный уровень в стенах КУС, а в дальнейшем, став сельскими учителями и православными священниками, пополнить собой число зарождающейся «инородческой» интеллигенции.

Для подготовки учителей для своих школ Братство св. Гурия открывает ряд «инородческих» учебных заведений педагогического профиля. В 1894 г. в с. Ишаки Козьмодемьянского уезда начала действовать Ишаковская центральная чувашская школа Братства св. Гурия. Выбор с. Ишаки как образовательного центра был не случаен: в местном православном храме находилась особо почитаемая чувашами икона Николая Чудотворца, привлекавшая

³⁹ ГА РТ. Ф.968. Оп.1. Д.86. Л.9–10 об.

⁴⁰ По замечанию инспектора народных училищ Казанской губернии Островского, знакомившегося в 1871 г. с деятельностью «братских» школ, учащиеся этих учебных заведений «крайне не развиты в умственном отношении. Незрелостью страдают и сами учителя. В одной школе, например, сам учитель не мог решить такой простой задачи: за 6 пудов муки заплачено 12 рублей. Что стоит один пуд муки? Из осмотренных мною школ только в двух я нашел учителей более или менее развитых, с надлежащими сведениями» (Цит. по: *Эфиров А.Ф.* Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири. Исторические очерки. М., 1948. С.17).

сюда сотни богомольцев. Для школы было построено собственное двухэтажное здание. Школа задумывалась как учебное заведение закрытого типа, для проживания учеников было построено собственное общежитие. В Ишаковскую школу принимались дети преимущественно из бедных чувашских семей Казанской, Симбирской и Самарской губерний. Ученики содержались на средства казанского братства и местного церковного попечительства. Воспитанники получали специализированное образование, особое внимание уделялось церковным дисциплинам. Местным священником и попечителем школы Д.Ф. Филимоновым при ней был открыт единственный в Казанской губернии класс иконописи⁴¹. Школа состояла из двух классов: первый класс имел младшее и старшее отделение, второй класс – одно отделение. Срок обучения в каждом отделении составлял два года. После успешного шестилетнего курса выпускники имели право сдать экзамены в КУС, на звание учителя народного «инородческого» училища.

В 1894 г. для подготовки марийских учителей братством была открыта центральная учительская школа в с. Унже Царевококшайского уезда Казанской губернии. Школа располагала собственным двухэтажным зданием. Как и Ишаковская школа, Унжинское училище состояло из двух классов с тремя отделениями. Срок обучения составлял 5 лет. Согласно плану занятий, во втором классе училища предусматривалось преподавание следующих предметов: Закон Божий (64 урока), церковно-славянский язык (44), арифметика (52), русская история (45 урока), география (35), общая дидактика и педагогика (40), самостоятельные уроки (45), церковное пение (45). Предусматривались также занятия по миссионерским дисциплинам⁴².

Для подготовки педагогических кадров для своих школ в удмуртских селениях, братство использовало Карлыганскую центральную вотскую школу (Уржумский уезд Вятской губернии), для кряшенских школ – Казанскую центральную крещено-татарскую школу.

⁴¹ ГА РТ. Ф.93. Оп.1. Д.495. Л.24–24 об, 105–105 об.

⁴² Отчет о деятельности Братства св. Гурия за 1911–1912 братский год. Казань, 1913. С.42.

Наряду с Казанской губернией, вплоть до конца 1870-х гг. Братство св. Гурия распространяло свою деятельность и на соседнюю Уфимскую губернию. В 1868 г. им была открыта миссионерская школа в с. Мелекесы, в 1870 г. – в дер. Мазино, в 1871 – в дер. Байданкино Мензелинского уезда Уфимской губернии⁴³. К 1875 г. на территории Уфимской губернии действовало 12 братских школ, в которых обучалось 270 чел.⁴⁴ С учреждением здесь в конце 1870-х – начале 1880-х гг. земских и миссионерских организаций, эти школы были переданы в их ведение, сохранив при этом прежнюю направленность деятельности, тесные связи с казанскими миссионерскими институтами. К концу XIX в. в Мензелинском и Белебеевском уездах Уфимской губернии действовали 34 школы, работавшие по типу братских учебных заведений.

Братство св. Гурия оказывало заметное влияние на другие миссионерские организации региона. Наиболее тесные контакты устанавливаются между ним и Вятским комитетом ПМО, который начинает последовательно внедрять в свою практику разработки казанских просветителей. С целью подготовки учителей, Вятский комитет начал отправлять наиболее способных учеников своих миссионерских школ в КЦКТШ⁴⁵.

В Симбирске, в лице чувашского просветителя и близкого друга Н.И. Ильминского, директора Симбирской чувашской учительской школы И.Я. Яковлева, Братство св. Гурия приобрело активного сторонника и деятеля. Его школа становится кузницей педагогических кадров для чувашских начальных школ, а подготовленные им переводы и учебники – основными пособиями для учеников. И.Я. Яковлев, наряду с казанскими просветителями, участвовал в создании сети братских школ в чувашских селениях, их финансировании, распределении учителей. Подчеркивая тесную связь школы И.Я. Яковлева, ставшей главным просветительским центром чувашей, и казанского братства, М.А. Машанов пи-

⁴³ *Спасский Н.А.* Просветитель инородцев Казанского края Н.И. Ильминский. Самара, 1900. С.116.

⁴⁴ Отчет о деятельности Совета Братства св. Гурия от 4 октября 1874 года по 4 октября 1875 года. Казань, 1876. С.11.

⁴⁵ Отчет Вятского комитета Православного миссионерского общества за 1877. Вятка, 1878. С.9.

сал: «Симбирскую центральную чувашскую школу можно также назвать детищем Казани, потому что – как настоящий руководитель ее есть духовный питомец Н.И. Ильминского, так и само основание школы и первичная материальная поддержка ее, есть дело того же Николая Ивановича и Братства св. Гурия»⁴⁶.

По примеру Казанской, Уфимской, Симбирской и Вятской губерний, миссионерские школы создаются и в других регионах Восточной России. С 1870-х гг. школы такого типа открываются в Оренбургской губернии, где в Троицком, Верхнеуральском и Орском уездах компактно проживала группа кряшен, относившихся к казачьему сословию (нагайбаки). Первой кряшенской школой в Оренбуржье, работавшей по системе Н.И. Ильминского, становится открытое в 1871 г. воспитанником КЦКТШ Игнатием Тимофеевым (братом В.Т. Тимофеева) миссионерское училище в поселке Фершампенуаз, в которое в первом году поступило на обучение 60 детей. К 1895 г. в Оренбургской губернии существовало 7 школ, обучение в которых велось на татарском и русском языках⁴⁷.

С 1870-х гг. начинают открываться земские и министерские училища, но именно братская школа становится основным типом начального учебного заведения среди нерусских народов Среднего Поволжья. Необходимо отметить, что вплоть до начала 1890-х гг. начальные «иностранческие» школы, подчинявшиеся земским организациям и МНП, в большинстве своем являвшиеся одноклассными народными училищами, фактически функционировали в тех же рамках, что и братские школы (это положение было закреплено в утвержденной в 1893 г. «Программе школы для крещеных иностранцев Восточной России»)⁴⁸. В них также основное внимание уделялось религиозному образованию, педагогический состав комплектовался из воспитанников Н.И. Ильминского, основными учебными пособиями являлись религиозная

⁴⁶ Машанов М.А. Указ. соч. С. 246.

⁴⁷ Севастьянов С.Н. Народное образование в Оренбургском казачьем войске в XVIII – начале XIX столетия и начало учреждения войсковых школ. Оренбург, 1896. С.20.

⁴⁸ В церковно-приходских школах и школах грамоты программа Н.И. Ильминского была официально введена 12 января 1896 г. (РГИА. Ф.796. Оп.177. Д.876. Л.3).

литература, переведенная Переводческой комиссией ПМО при Братстве св. Гурия.

Братские школы представляли собой в определенном роде христианский центр – «школу-церковь», в которой прихожане «должны наглядно изучать и усваивать христианскую религию и ее обрядовую обстановку»⁴⁹. Из числа учеников в них повсеместно организовывались церковные певческие хоры, для местных жителей в воскресные и праздничные дни совершались церковное богослужение на татарском языке, молебны, проводились пастырские собеседования. Таким образом, школа оказывала влияние не только на подрастающее, но и на старшее поколение. «Сближаясь с братской школою через рассказы своих детей, – писал М.А. Машанов, – взрослые инородцы, охотно и частовременно посещают эту школу в свободное от занятий время и здесь получают назидание и просвещение, выслушивая рассказы учителя собравшимся, или слушая церковное пение мальчиков-учеников под руководством своего учителя. Таким образом, братская школа для деревенских инородцев отчасти заменяла даже храм. Вместо того, чтобы в праздной лениности провести утро воскресного и праздничного дня или вечер субботы и канун праздника, инородцы идут в школу»⁵⁰.

В 1890-е гг. в некоторых братских школах вводится преподавание земледелия и агрономии, основ ремесленного дела. В 1893 г. открывается первая специальная «Инородческая сельскохозяйственная школа» в с. Шеморбаши Лаишевского уезда Казанской губернии⁵¹. Инициатива создания этого учебного заведения принадлежала Н.И. Ильминскому. Еще в 1880-х гг. им разрабатывался проект по созданию учебного заведения данного типа. Но лишь в начале 1890 года ему удастся изыскать средства на ее открытие и содержание. Попечителем и главным благотворителем школы стала вдова потомственного почетного гражданина Е.П. Щеголева,

⁴⁹ Отчет о деятельности Братства святителя Гурия от 4 октября 1871 года по 4 октября 1872 года. Казань, 1873. С.15.

⁵⁰ Машанов М.А. Указ. соч. С. 234.

⁵¹ Инородческая сельскохозяйственная школа в крещено-татарском селе Шемуртбашах Казанской губернии // Православный благовестник. 1893. №23. С.50–51.

проживавшая в Москве. На строительство школы ею было выделено 10 000 рублей. Кроме того, она создала специальный финансовый фонд на содержание учеников и педагогического состава школы⁵². Главной целью ее открытия были распространение необходимых аграрных знаний среди юношества, знакомство крестьян с разработками в области сельского хозяйства и ремесленного производства, что должно было способствовать повышению производительности труда в деревне и материального благосостояния крестьян. В разработанном Н.И. Ильминским «Положении о Шеморбашевской низшей сельскохозяйственной школе» предусматривалось изучение здесь: Закона Божия, церковнославянского и русского языка, церковного пения, арифметики и практических сведений по сельскому хозяйству (полеводству, садоводству, огородничеству, пчеловодству). Курс обучения был четырехлетним. При школе была создана образцовая сельскохозяйственная ферма для практических занятий учеников⁵³.

В связи с широким распространением конфессиональных школ, работавших по системе Н.И. Ильминского, к концу XIX в. элементарное начальное образование стало массовым и общедоступным для молодого поколения крещеных нерусских народов.

Сеть братских школ стала важной составляющей сложившейся во второй половине XIX в. системы просветительских институтов крещеных нерусских народов Среднего Поволжья. Наряду с обучением грамоте, дети знакомились в них с православием, воспринимали содержание христианских обрядов. Из числа учеников здесь создаются церковные хоры, в воскресные дни проводятся религиозные собеседования. В 1886 г. указом Св. Синода православным священникам и миссионерам в помещениях школ было разрешено совершение литургии на переносных анимистах и престолах⁵⁴. Во время церковных служб учителя и ученики участвовали в богослужении, пели православные молитвы на родном языке. Широкое развитие братских школ позволило значи-

⁵² ГА РТ. Ф.93. Оп.1. Д.364. Л.46–48.

⁵³ ГА РТ. Ф.93. Оп.1. Д.364. Л.10–11.

⁵⁴ Сборник постановлений и распоряжений по Самарской епархии / сост. В. Соловьев. Т.1. Самара, 1899. С.627.

тельно расширить присутствие церкви в культурно-религиозной жизни кряшен, сделать доступными православную проповедь и богослужение для основной массы членов прихода.

Н.И. Ильминский считал, что воспитание детей «инородцев» в духе христианства будет способствовать утверждению в православии и старшего поколения. Братская школа должна была взять на себя некоторые семейные функции, так как семья не могла дать христианского воспитания. Поэтому система Ильминского противопоставляла традиционному воспитанию в семье христианское воспитание в школе. Один из членов семьи, получив христианское воспитание, становился «домашним» миссионером⁵⁵. Хороший психолог и талантливый педагог, Н.И.Ильминский понимал, что в отличие от взрослых, молодое поколение, у которого еще не сформировалось устойчивое религиозное восприятие мира, легко поддается миссионерскому внушению, впитывает новые идеи, предлагаемые учителем-миссионером. Осознавая, что религия является для кряшена, живущего в патриархальном, несекуляризованном обществе, основой мировоззрения, просветитель делал ставку не столько на обучение, сколько на воспитание ребенка, формирование у него глубокорелигиозного мировоззрения, основанного на православии. Таким образом, с развитием сети братских школ, в православной традиции воспитывалось молодое поколение, оторванное от религиозной традиции старшего поколения.

Для представителей зарождающейся «инородческой» интеллигенции, благодаря внедрению системы Ильминского, казанское Братство св. Гурия стало одним из «социальных лифтов», позволявшим им повысить свой статус в обществе, образовательный уровень и улучшить свое материальное благосостояние. Деятельность большинства представителей национальной интеллигенции была тесно связана с казанскими просветителями. Многие из них начинали свой жизненный путь в стенах созданных ими учебных заведений, где они получали первоначальное

⁵⁵ *Таймасов Л.А.* Христианское просвещение нерусских народов и этноконфессиональные процессы в Среднем Поволжье в последней четверти XVIII – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2004. С.261.

образование в христианском духе, впоследствии сами становились учителями конфессиональных учебных заведений и посвящали свою жизнь культурному и религиозному просвещению соплеменников, и, наконец, переходили в духовное сословие. Наиболее талантливые и деятельные лица из них получили «дорогу в жизнь», смогли реализовать себя в деле образования и просвещения своего народа, сформировали интеллектуальную элиту общества. В их лице православные просветители получили энергичных деятелей народного просвещения.

2.2. Казанская учительская инородческая семинария

Официальное признание в конце 1860-х гг. религиозно-просветительской концепции Н.И. Ильминского в качестве основы школьной политики в отношении коренных народов Восточной России, законодательно закрепленной в «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г., привела к расширению сети начальных министерских, земских, миссионерских и церковно-приходских школ с двуязычной системой преподавания и открытию в 1872 г. в Казани учительской (инородческая) семинарии, директором которой был назначен Н.И. Ильминский⁵⁶.

КУС стала первым средне специальным учебным заведением педагогического профиля, в которое могли поступать, наряду с русскими, представители других народов Поволжья и Сибири, назначавшиеся после окончания курса учителями в народные училища⁵⁷. Подчеркивая особую связь нового учебного заведения с Казанью и Казанским краем, ее директор при торжественном открытии, в частности, отметил: «Эта учительская семинария, есть поистине казанская, не по топографическому только отношению, но и по родственному некоторым образом отношению своему к Казани – к братству (казанскому Братству св. Гурия – Р.И.), к крещено-татарской школе казанской – этому предмету общего и единогодушного сочувствия казанского общества. На-

⁵⁶ Акт открытия Казанской учительской семинарии. Казань, 1872. С.1.

⁵⁷ ГА РТ. Ф.93. Оп.1. Д.4. Л.8–9.

стоящим временным помещением семинарии в здании крещено-татарской школы и будущем постоянным водворением ее на месте, особенно драгоценном для Казани по воспоминанию о старинных попытках казанских иерархов к образованию инородцев (здание КУС было построено на берегу озера Казан в Татарской слободе, где в XVIII в. существовали новокрещенские школы – *Р.И.*) – еще более должна скрепляться родственная связь семинарии с Казанью»⁵⁸.

В соответствии с «Положением о Казанской учительской семинарии» 1872 г., в круг изучаемых здесь предметов вошли: Закон Божий (12 часов в неделю), русский и церковнославянский языки (19 часов), естествознание (5 часов), арифметика и геометрия (8 часов), русская история и география (16 часов), основы педагогики и дидактики (11 часов), письмо и черчение (12 часов). Первоначально срок обучения в семинарии составлял 3 года. Как и в других государственных среднеобразовательных учебных заведениях, ученики здесь делились на «казеннокоштных» – обучавшихся за счет средств казны, и «своекоштных», ежегодно вносивших за свое образование 130 руб. Семинаристы, обучавшиеся за счет средств государства, после окончания курса были обязаны прослужить на должности учителей начальных школ не менее 6 лет. Были стипендиаты земских организаций и различных благотворительных обществ⁵⁹.

При семинарии были организованы 4 образцовые начальные школы (чувашская, черемисская (марийская), мордовская, вотская (удмуртская)). Эти школы должны были готовить будущих семинаристов, в них проходили педагогическую практику воспитанники старших классов КУС. Ученики из числа крещеных татар проходили практику в стенах созданной в 1863 г. Казанской центральной крещено-татарской школы (КЦКТШ). Педагогический состав этих школ комплектовался из представителей этих национальностей, воспитанников КУС. В разное время в них преподавали такие видные представители «инородческой» интеллигенции как А.В. Рекеев, А.С. Степанов, П.П. Будников, Н.А. Алексан-

⁵⁸ Отчет о деятельности братства святителя Гурия от 4 октября 1871 года по 4 октября 1872 года. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1873. С.35.

⁵⁹ ГА РТ. Ф.968. Оп.1. Д.83.

дров, Г.Л. Михайлов, П.М. Михайлов, В.В. Захаров, А.И. Емельянов, И.С. Михеев, А.Ф. Юртов, М.Е. Евсеев и др.

Всего в семинарию предусматривалось принимать 150 чел. Но вскоре, из-за большого количества желающих поступить сюда, руководству КУС пришлось увеличить количество учеников до 180. В дальнейшем количество семинаристов достигло 240 чел. О высоком статусе и популярности этого учебного заведения свидетельствует тот факт, что на 30 вакантных мест поступало до 300 заявлений на поступление. Для каждой народности существовали определенные квоты на прием, формировавшиеся в соответствии с потребностями в учителях этой национальности в Казанском учебном округе. В связи с неразвитостью системы начального образования среди нерусских народов, в 1870–1880-х гг. существовала проблема с набором в семинарию достаточно подготовленных абитуриентов из числа чувашей, удмуртов, татар-кряшен, мордвы и марийцев. В связи с низким уровнем подготовки, не все поступавшие ученики из «инородцев» оканчивали курс. Лишь с 1890-х гг. наметилась тенденция по улучшению этого положения, что являлось наглядным свидетельством улучшения системы образования в нерусских школах и развития сети начальных училищ.

В 1877 г. для повышения образовательного уровня поступающих при семинарии открывается подготовительный класс. В зависимости от успехов учеников срок обучения в нем составлял от одного года до двух лет⁶⁰. Сюда могли поступать юноши от 14 до 17 лет⁶¹. При поступлении в подготовительный класс соискатель должен был сдать экзамены по арифметике, закону божию, церковно-славянскому и русскому языку и пению. Ежегодно сюда принималось 30 учеников. При приеме в КУС воспитанникам подготовительного класса отдавался приоритет. Для поступления на казенный счет они должны были выдержать специальные испытания⁶².

Образцом для деятельности семинарии, как, впрочем, и для других «инородческих» учебных заведений педагогического профиля (Симбирская чувашская учительская школа, Карлыганская цент-

⁶⁰ Отчет Казанской учительской семинарии за 1889–90 и 1890–91 учебные годы. Казань, 1892. С.12–14.

⁶¹ ГА РТ. Ф.92. Оп.1. 12715. Л.7–8.

⁶² *Алексеев Г.А.* Чувашская интеллигенция: истоки. Чебоксары, 1997. С.56.

ральная вотская школа, Унжинская центральная черемисская школа), становится КЦКТШ. Следует отметить, что вплоть до строительства отдельного здания, КУС располагалась в здании КЦКТШ, а семинаристы занимались вместе с учениками школы. Тесная связь между этими учебными заведениями сохранилась и позже.

В семинарии была двуязычная система обучения. Изучение русского языка начиналось в подготовительном классе по учебникам П.И. Смирнова и А.Н. Незеленова. Церковнославянский язык изучался по пособиям, разработанным Н.И. Ильминским, арифметика и геометрия – по работам Н.П. Верещагина, А.П. Киселева, педагогика – по учебникам И.Л. Белова, Н.А. Корфа, К.Д. Ушинского. В образовательном процессе активно использовались книги, переведенные на языки нерусских народов Переводческой комиссией при Братстве св. Гурия. Сами ученики из числа нерусских народов, как природные носители языка, принимали участие в переводах. На протяжении всей истории существования этого учебного заведения переводческая деятельность являлась важной составной частью учебного процесса.

Семинария обладала, особенно в начальный период существования, блестящим профессорско-преподавательским составом. Сам Н.И. Ильминский преподавал здесь педагогику и татарский язык. Его приемный сын Н.А. Бобровников, автор сочинений по теории педагогики, вел занятия по арифметике и дидактике. В.Н. Витевский, известный историк Оренбургского края, занимался с учениками историей и географией. С.В. Смоленский, талантливый музыковед, впоследствии управляющий Придворной певческой капеллой в Санкт-Петербурге, заведовал уроками музыки и пения. Благодаря ему и учителю Н.А. Александрову, многие ученики в годы обучения в семинарии осваивали игру на скрипке, виолончели и других музыкальных инструментах. Особое внимание обращалось на хоровое церковное пение. Церковный хор, созданный С.В. Смоленским, считался лучшим в Казани⁶³. В начале XX в. при семинарии были образованы отдельные хоры из представителей народностей, обучавшихся здесь: славянский (общий), татарский, уд-

⁶³ *Чекменева Т.М.* Казанская «инородческая» учительская семинария и ее роль в просвещении нерусских народов Поволжья: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1985. С.145.

муртский, мордовский, чувашский и марийский. Церковные дисциплины вел известный теоретик православного богословия и экзегетики, кандидат богословия священник Н.Т. Каменский (впоследствии казанский архиепископ Никанор).

Важной новацией в системе обучения, внедренной Н.И. Ильминским, было использование разговорных уроков, направленных на изучение русского языка. Для каждого класса определялся необходимый словарный объем, который ученики должны были освоить в течение года. Для первых двух классов он включал 100–300 русских слов. По окончании третьего класса обучающийся должен был знать до 1500 слов⁶⁴. Для проверки знания русского языка ежегодно проводились специальные экзамены.

Результатом многолетних практических и теоретических разработок в области преподавания русского языка для представителей нерусских народов в КУС стали подготовка и издание преподавателем удмуртской образцовой начальной школы при семинарии Иваном Степановичем Михеевым (1876–1937) учебных пособий: «Руководство к ведению разговорных уроков по русскому языку в инородческих школах» (Казань, 1912), «Русская грамматика» (Казань, 1914), принесших ему широкую известность, как в России, так и за рубежом.

КУС играла заметную роль не только в подготовке новых книг, но и в централизованном распространении изданий Переводческой комиссии. При семинарии был создан основной книжный склад, где все желающие могли приобрести религиозно-нравственную и учебную литературу. Книги распространялись посредством приезжающих в семинарию учителей и родителей школьников, а также самих учеников.

По уставу учительских семинарий, при них предусматривалось устройство учебных мастерских, на что ежегодно предусматривалось выделение от казны 400 руб. Но до 1889 г. занятия в них не были обязательными. Каждый желающий занимался тем, что его интересовало⁶⁵. В 1889–1890 учебном году было

⁶⁴ ГА РТ. Ф.968. Оп.1. Д.16. Л.37.

⁶⁵ Учебная мастерская Казанской учительской семинарии // Отдельный оттиск из каталога Казанской научно-промышленной выставки 1890 г. Казань, 1890. С.3.

принято решение придать этим урокам систематический характер. Ильминским была разработана специальная программа, в соответствии с которой занятия ремеслами начинались в подготовительном классе. В первом году изучалось переплетное дело, во втором – столярное, в третьем – кузнечно-слесарное, в четвертом – слесарное и паяльное ремесло⁶⁶. Уроки делились на теоретические (черчение, техническое рисование и материаловедение) и практические. Учителем теоретических предметов был назначен капитан артиллерии А.Г. Левитский⁶⁷. Полученные навыки воспитанники должны были реализовывать при поступлении на должности сельских учителей – обучать школьников и их родителей новым методикам ремесленного производства.

В 1902–1903 учебном году в семинарии вводятся новый учебный план и штаты. Срок обучения увеличивается до 4 лет, начинают преподаваться новые дисциплины: физика, рисование, гимнастика, гигиена. Число недельных занятий увеличивается с 26 до 36 часов в каждом классе⁶⁸. В это время в педагогическую практику вводятся внеклассные занятия. Из учеников была создана небольшая театральная труппа, которая ставила импровизированные спектакли по произведениям русских классиков.

КУС являлась учебным заведением закрытого типа. Н.И. Ильминский стремился привить ученикам аскетизм и высокую духовность, сохранить насколько возможно их крестьянский быт и мировоззрение. Эти качества, по его мнению, были необходимы для будущего деятеля сельского просвещения. Для этого в семинарии были введены жесткая дисциплина и ограничения на свободное передвижение по городу. Покидать здание разрешалось с разрешения классного наставника. При этом ученик должен был предоставить официальную записку, в которой указывалось, куда он идет и сколько будет отсутствовать. С этими же целями для семинаристов была введена особая учебная форма простого покроя, резко выделявшая их на фоне учеников других учебных заведений

⁶⁶ *Ильминский Н.И.* Программа в учебных мастерских при Казанской учительской семинарии. Казань, 1891. С.1.

⁶⁷ Отчет Казанской учительской семинарии за 1889–90 и 1890–91 учебные годы. Казань, 1892. С. 27.

⁶⁸ ГА РТ. Ф.93. Оп.1. Д.4. Л.10.

Казани. В КУС особое внимание обращалось на поведение и наклонности учеников. Отсутствие достаточных нравственных качеств, религиозности, различные проступки могли стать поводом к отчислению. Н.И. Ильминский и его преемники жестко пресекали любые проявления политизации учебного процесса, ксенофобии и национальной нетерпимости среди учеников.

Интересные воспоминания о жизни в стенах семинарии и царивших в ней нравах оставил ее воспитанник, чувашский писатель А.В. Турхан: «Кормили нас как на курорте. Суп и щи обязательно с мясом и каша с маслом, т.е. так как мы дома никогда ни ели. В воскресные дни давали компот и жаренную картошку с жирным мясом, а за ужином винегрет, т.е. опять такую еду, какой мы и названий никогда не слышали. Только в среду и пятницу и в посты уже мясного не давали, но кормили с постным маслом. В среду и пятницу давали в обед гороховый суп и гречневую кашу, а за ужином вареный картофель с маслом. В воскресный день в пост давали суп с рыбой и жаркое с жареной рыбой. В общем, пища все время была и вкусная и здоровая. Белье меняли один раз в неделю, а в баню нас водили за казенный счет в две недели раз. От двух до четырех часов совершали мы ежегодную прогулку по городу, вольную, кто куда желал. Позже четырех часов можно было уходить только по особому разрешению надзирателя с обязательством вернуться не позже 6 часов. В 6 часов ворота запирались до утра. И мы садились за подготовку уроков. Утро мы начинали молитвами, а уходили в спальню после вечерних молитв. Все эти молитвы проводились в церкви в присутствии всех преподавателей, директора и законоучителя. Молитвы читали учащиеся по очереди. В столовой до и после обеда пели только по одной молитве. Чаев у нас было два: утренний и вечерний. За чаем в праздники давали белый хлеб, а в будние – черный. Сахару давали на месяц два фунта»⁶⁹.

Ученики из представителей нерусских народностей, в большинстве своем происходившие из бедных крестьянских семей, попадая в стены семинарии, погружались в абсолютно новую обстановку, диктовавшую иные жизненные установки и модель поведения.

⁶⁹ Цит. по: *Алексеев Г.А.* Чувашская интеллигенция: истоки. Чебоксары, 1997. С.60–61.

Становясь частью студенческой корпорации, учащаяся молодежь быстро воспринимала идеи просветительства, учительского служения. Сама атмосфера жизни в КУС способствовала быстрому интеллектуальному и культурному росту, приводила, по словам Н.И. Ильминского, к «духовному перерождению» ученика. Общась со своими соплеменниками, обсуждая насущные проблемы культурного развития народа в неофициальных студенческих кружках, ученики проникались национальным чувством. Именно в годы учебы к ученикам приходило осознание, что они в будущем станут частью интеллектуальной и культурной элиты, рождалось стремление трудиться на благо своего народа. Важную роль в пробуждении у учеников национального самосознания играл и педагогический состав этих учебных заведений из числа чувашей. В данном отношении весьма показательна деятельность чувашского ученого этнографа Н.В. Никольского. Во время работы в КУС (1906–1910 гг.) Н.В. Никольский вводит вечерние внеклассные занятия, на которых ученики изучали культуру и историю чувашского народа, приобретали навыки литературно-переводческой деятельности. Для многих чувашских учеников такие занятия имели важное значение в дальнейшей судьбе. Сам Н.В. Никольский приводит один такой пример из своей педагогической практики. У одного из учеников – Ф. Иванова, «в подготовительном и 1 классах замечалась какая-то неприязнь к родной национальности; он готов был совершенно забыть ее и ее просветительные нужды. Со II класса Ф.И. Иванов стал изменяться к лучшему. Вечерние занятия по чувашскому языку и этнографии достаточно убедили его в необходимости потрудиться на пользу своих единоплеменников – чуваш. С большим усердием он стал работать над переводами книг на чув[ашский] язык, для школьного употребления, писал и оригинальные письменные работы, которые можно назвать весьма хорошими»⁷⁰. Благодаря таким педагогическим принципам и особой атмосфере, царившей в стенах КУС, отсюда выходили идейные и любящие свой народ учителя, становившиеся представителями «инородческой сельской аристократии».

⁷⁰ ГА РТ. Ф.93. Оп.1. Д.999. Л. 4.

Окончив курс в семинарии и став учителями народных школ, воспитанники КУС становились основой зарождающейся национальной интеллигенции, культурной элитой народа. Многие из них, уже в советское время стали активными строителями чувашской, марийской, удмуртской государственности. Всего с 1872 по 1919 гг. в семинарии получили образование 1500 чел. Из них 686 – русские, 243 – татары-кряшены, 179 – чувашаи, 128 – марийцы, 110 – мордва, 70 – удмурты, 20 – казахи, 20 – пермяки, 12 – калмыки, 12 – корейцы, 10 – коми, 7 – якуты, 6 – арабы, 6 – башкиры, 6 – зыряне, 4 – алтайцы, 1 – абхаз, 1 – эстонец⁷¹.

Таким образом, Казанская учительская семинария воспитала целую плеяду талантливых деятелей национального просвещения, дав им «дорогу в жизнь», способствовала формированию творческой элиты нерусских народов Восточной России, что стало важным фактором развития их культуры во второй половине XIX – начале XX в.

⁷¹ *Чекменева Т.М.* Казанская «инородческая» учительская семинария и ее роль в просвещении нерусских народов Поволжья: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1985. С. 22.

ГЛАВА 3

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И СВЕТСКОЕ КНИГОИЗДАНИЕ В ЭПОХУ «ЭМАНСИПАЦИИ» (1905–1917 ГГ.)

Первая русская революция привела к демократизации и либерализации внутренней политики государства – народам России были предоставлены небывалые доселе свободы, позволившие им более полно развивать свою национальную культуру. Стремительные изменения, происходившие в стране, способствовали росту самосознания нерусского населения. Именно с этого времени можно вести отсчет начала их светского по духу и национального по содержанию просветительского движения.

Это оказало существенное влияние на развитие письменной и литературной традиции православных нерусских народов Среднего Поволжья. Крупнейшим культурным центром нового просветительского движения продолжает оставаться Казань. Именно здесь начинает свой путь основная часть нового поколения творческой интеллигенции, большинство из них были выпускниками казанских педагогических учебных заведений. В 1905–1907 гг. заявляют о себе такие видные деятели печатного слова, как основатель марийской литературы С.Г. Чавайн, марийские писатели, поэты и переводчики: В.М. Васильев, П.П. Глезденёв, Г.Г. Кармазин, Ф.А. Букетов, Н.С. Мухин, М.С. Герасимов-Микай, А.Ф. Конаков, выдающиеся чувашские поэты: К.В. Иванов, М.К. Сеспель, ученый-этнограф, историк и переводчик Н.В. Никольский, удмуртский педагог и переводчик И.С. Михеев и др. Пристальное внимание к национальным языкам, определенная «мода» на этнический дискурс в художественном творчестве были связаны с усилением самосознания нерусских народов. Росту востребованности произведений на родном языке способствовало появление многочисленной прослойки сельской и городской интеллигенции, интересовавшейся культурой родного народа, общим повышением грамотности населения.

3.1. Светские учебные пособия

Развитие сети начальных школ, постепенная секуляризация общественного сознания и появление светской национальной интеллигенции, привели к росту запроса на расширение репертуара книжной продукции на тюркских и финно-угорских языках. В новых социокультурных реалиях Переводческая комиссия ПМО, преследовавшая практические религиозно-просветительские цели, не могла в полной мере удовлетворить этот запрос. Понимая это, казанские просветители разрабатывают проект организации в городе нового переводческого и издательского центра. В конце 1905 г. директором КУС Н.А. Бобровниковым разрабатывается проект по созданию органа, который взял бы на себя перевод, составление и издание специальных учебных пособий по светским дисциплинам для начальных школ нерусских народов. В январе 1906 г. он совместно с попечителем Казанского учебного округа А.Н. Деревницким обращается к министру народного просвещения И.И. Толстому с просьбой об ассигновании средств на издание книг для народных училищ¹. Положительное решение и выделение денег на переводы и издание необходимых работ позволили организовать в Казани особую комиссию.

Как официальная организация, состоящая при администрации КУО, она стала действовать в середине 1907 г. Ее председателем становится известный тюрколог, профессор Казанского Императорского университета Н.Ф. Катанов (по происхождению хакас, редактор изданий для татар-мусульман). Также в состав комиссии вошли: преподаватели КУС Р.П. Даулей (редактор изданий для татар-кряшен), А.И. Емельянов (редактор марийских изданий), И.С. Михеев (редактор удмуртских изданий), Н.В. Никольский (редактор чувашских изданий)².

Основную часть работы по составлению новых изданий должны были взять на себя педагогический состав и ученики

¹ Каримуллин А. Татарская книга пореформенной России. Казань, 1983. С.275.

² Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протокол заседания 3 марта 1908 г. Казань, 1908. С.1.

центральных учебных заведений, а также представители сельской «иностранческой» интеллигенции. Первыми ее изданиями стали работы известных казанских просветителей из числа нерусских народов, подготовленные еще до создания Переводческой комиссии при КУО. Среди них учебники на чувашском языке, составленные Н.В. Никольским: «Русские глагольные приставки и русские предлоги»³ (тираж 1200 экз.), «История православной церкви до начала разделения церкви»⁴ (1200 экз.), «Книга для чтения на чувашском языке»⁵; марийские пособия, подготовленные в творческом тандеме В.М. Васильева и П.П. Глезденёва: «Вэсь марла книга»⁶ (2400 экз.), «Тунгалыш марла книга»⁷ на восточном наречии (2400 экз.), «Тунгалыш марла книга»⁸ на луговом наречии (2400 экз.); удмуртская хрестоматия И.С. Михеева «Первая книга для чтения на вотском языке»⁹ (2400 экз.); работы директора КЦКТШ Т.Е. Егорова и его супруги П.В. Егоровой для татар-кряшен: «Первоначальный учебник русского языка для крещеных татар»¹⁰ (2400 экз.), «Первая после букваря книга для чтения на крещено-татарском языке»¹¹ (2400 экз.).

³ Русские глагольные приставки и русские предлоги. Пособие для учителей при ведении разговорных уроков по русскому языку в чувашских школах / сост. Н.В. Никольский. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1906. 133 с.

⁴ История православной церкви до начала разделения церкви. На чувашском языке / сост. Н.В. Никольский. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1906. 207 с.

⁵ Книга для чтения на чувашском языке / сост. Н.В. Никольский. Вып.1. Казань: Центральная тип., 1907. 57 с., вып.2. Казань: Центральная тип., 1907. 184 с.

⁶ Вэсь марла книга (книга для чтения), на луговом наречии черемисского языка / сост. П.П. Глезденёв, В.М. Васильев. Казань: Центральная тип., 1907. 112 с.

⁷ Тунгалыш марла книга (букварь и первая после букваря книга для чтения). На восточном наречии черемисского языка / П.П. Глезденёв, В.М. Васильев. Казань: Центральная тип., 1907. 60 с.

⁸ Тунгалыш марла книга (букварь и первая после букваря книга для чтения). На луговом наречии черемисского языка / П.П. Глезденёв, В.М. Васильев. Казань: Центральная тип., 1907. 59 с.

⁹ Первая книга для чтения на вотском языке / сост. И.С. Михеев. Казань: Центральная тип., 1907. 48 с.

¹⁰ Первоначальный учебник русского языка для крещеных татар / сост. Т.Е. Егоров. 4 издание. Казань: Тип. М.А. Чирковой, 1907. 189 с. Данный

В последующие годы Переводческая комиссия расширяет свою деятельность, привлекает к подготовке новых изданий плеяду талантливых энтузиастов-переводчиков, в большинстве своем воспитанников КУС. В начале 1908 г. священником с. Юсь-Касы Ядринского уезда Казанской губернии Н. Кузьминым на чувашский язык была переведена книга казанского педагога и методиста И.С. Михеева «Третья книга для чтения и практические упражнения для инородцев» (Казань, 1907). Данная хрестоматия была подготовлена также на марийском языке Сергеем Григорьевым и Василием Ипатовым. Свой вариант марийского перевода этой книги был предложен и П. Глезденёвым. В.М. Васильевым была составлена рукопись «Марла чот (шот)» (Марийский счет) – методический сборник арифметических примеров и задач на восточном и луговом наречии марийского языка для начальных училищ. Учителем образцовой вотской школы КУС И.В. Яковлевым на удмуртском языке подготовлен «Наглядный арифметический задачник для вотских детей», задумывавшийся как учебное пособие для первоначального обучения удмуртских детей счету на родном языке¹². Наряду с учебными пособиями, в Переводческую комиссию для печати присылались оригинальные сочинения, сборники народного фольклора. В 1908 г. членами комиссии были рассмотрены: «Сборник черемисских песен (1906–1907 гг.)» А. Аптриева, «Мордовско-русский словарь» (в 5 тетрадях) и «Мордовские песни» (в 3 тетрадях) А. Юртова¹³.

труд представлял собой несколько переработанную работу Н.И. Ильминского, широко применявшуюся в кряшенских школах для изучения русского языка (см. выше). В 1910 г. известным татарским педагогом Г.Н. Ахмеровым данная работа была переведена на арабский шрифт и издана как учебное пособие для изучения русского языка в татаро-мусульманских учебных заведениях.

¹¹ Буквардян сунг укый торган княгя / П.В. Егорова. Первая после букваря книга для чтения на крещено-татарском языке. Казань: тип. М.А. Чирковой, 1907. 91 с.

¹² Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протокол заседания 3 марта 1908 г. Казань, 1908. С.8–26.

¹³ Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протокол заседания 18 сентября 1908 г. Казань, 1908. С.1.

С увеличением количества рукописных работ, готовившихся в разных регионах Среднего Поволжья и присылавшихся в Казань, основной задачей членов комиссии становится их рассмотрение, рецензирование, а также общая корректура и художественное редактирование. Далеко не все рукописи рекомендовались к печати. В частности, в присланном в 1908 г. Гурием Кармазиным «Букваре на восточно-черемисском наречии» были выявлены «крупные дидактические недостатки», поэтому его печать была признана нецелесообразной¹⁴.

Всего в 1908–1909 гг. на языках народов Среднего Поволжья Переводческой комиссией КУО было издано 15 названий книг общим тиражом 27 тыс. экз. Из них 5 были изданы на марийском, 4 на татарском, 3 на чувашском, 3 на удмуртском языках (см. табл. 7).

Таблица 7

Издания Переводческой комиссии при КУО (1908–1912 гг.)¹⁵

№	Название издания	Год	Тираж
1	Халер тирентен йепле сыхланса пуранасси синтен вирентсе калани. Наставление о мерах личного предохранения от холеры. Переведено с русского на чувашский по распоряжению М.В. Касаткина. Казань: Центральная типография, 4 с.	1908	2400 экз.
2	Наглядный арифметический задачник на чувашском языке / сост. Н.В. Никольский. Казань: Центральная тип., 68 с.	1908	2400 экз.
3	Сборник черемисских песен, записанных А. Аптриевым в разных селениях Бирского и Сарапульского уездов в 1905–1907 годах. Текст и мелодии. Казань: Тип. Имп. ун-та., 30 с.	1908	600 экз.

¹⁴ Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протокол заседания 18 сентября 1908 г. Казань, 1908. С.2.

¹⁵ Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протоколы заседания от 27 декабря 1909 г. Казань, 1910. С.14, Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протокол заседания 27 декабря 1911 г. (№23). Казань, 1911. С.2.

4	Марла чот. Методический сборник арифметических примеров и задач на восточном и луговом наречии черемисского языка / сост. П.П. Глезденев, В.М. Васильев. Казань, 104 с.	1908	2400 экз.
5	Сборник черемисских песен, записанных А.Т. Аптриевым в разных селениях Бирского и Сарапульского уездов в 1905–1907 годах. Русский перевод, исполненный В.М. Васильевым. Казань: Тип. Имп. ун-та, 22 с.	1908	1200 экз.
6	Наглядный арифметический задачник на вотском языке / сост. И.В. Яковлев. Казань: Центральная тип., 68 с.	1908	2400 экз.
7	Вторая книга для чтения на вотском языке. Пособие для учителей при ведении разговорных уроков по русскому языку в вотских школах / сост. И.С. Михеев. Казань: Центральная тип., 104 с.	1908	2400 экз.
8	Русские предлоги и наречия в значении предлогов. Пособие для учителей при ведении разговорных уроков по русскому языку в вотских школах / сост. И.В. Яковлев. Казань: Тип. Имп. ун-та, 48 с.	1908	1200 экз.
9	Русские предлоги и наречия в значении предлогов. Пособие для учителей при ведении разговорных уроков по русскому языку в начальных школах среди восточных и луговых черемис / сост. В.М. Васильев, под общей ред. А.И. Емельянова. Казань: Тип. Имп. ун-та, 60 с.	1909	1200 экз.
10	Первоначальный учебник русского языка для восточных черемис. Материал для разговорных уроков / сост. В.М. Васильев, под общей ред. А.И. Емельянова. Казань Тип. Имп. ун-та, 258 с.	1909	1200 экз.
11	Рассказы из русской истории на татарском языке, Ф.А. Смирнова / перевод Д.З. Захарова, под ред. Р.П. Даулея. Казань: Центральная тип., 172 с.	1909	1200 экз.
12	Третья книга для чтения. На татарском языке / сост. Н. Герасимов, под ред. Р. Даулея. Казань: Центральная тип., 152 с.	1909	2400 экз.

13	Четвертая книга для чтения на крещено-татарском языке / сост. Р.П. Даулей. Казань: Центральная тип., 264 с.	1909	2400 экз.
14	Наглядный арифметический задачник, на татарском языке / сост. А. Кузнецов, под ред. Р. Даулей. Казань: Центральная тип., 72 с.	1909	2400 экз.
15	Рассказы из русской истории, на чувашском языке / сост. Н.К. Кузьмин, под ред. Н.В. Никольского. Казань: Центральная тип., 57 с.	1909	1200 экз.
16	Русско-чувашский словарь. Казань: Центр. тип.	1910	1200 экз.
17	Кумышы марла книга (третья книга для чтения в 4 отделах), на луговом наречии черемисского языка. Казань: Центр. тип., 141 с.	1910	2400 экз.
18	Словарь чувашского языка. Вып. 1. (а-алак) / сост. Н. Ашмарин. Казань: Тип Имп. ун-та, 160 с.	1910	2000 экз.
19	Букварь и первая книга для чтения на луговом наречии черемисского языка. Изд. 2-е. Казань: Центр. тип., 59 с.	1911	4800 экз.
20	Словарь чувашского языка. Вып. 2. Алак-Апарт / сост. Н. Ашмарин. Казань: Тип. Имп. ун-та, 160 с.	1912	2000 экз.

В 1912 г. директором КУС А.А. Воскресенским было подготовлено к публикации «Руководство к изучению татарского языка» Н.И. Ильминского¹⁶.

Эти издания стали первыми светскими учебными пособиями для национальных учебных заведений. Они были составлены на основе популярных в то время русских учебников для начальных школ. Наряду со сведениями по общеобразовательным дисциплинам, в них давался широкий круг практических знаний. Издание и внедрение в педагогическую практику данных книг способствовало расширению изучаемых в начальных школах предметов, внедрению передовых для того времени педагогических методик, росту уровня подготовки учеников. Через эти учебные по-

¹⁶ Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протоколы заседания от 27 декабря 1911 г. Казань, 1912. С.8–9.

собия дети могли познакомиться с произведениями классической русской литературы, расширить свои знания в области математики, естествознания, географии, истории, биологии, химии. Выход в свет этих книг стал заметным событием в культурной жизни нерусских народов Среднего Поволжья. Посредством Переводческой комиссии при КУС «инородческая» интеллигенция получила возможность расширить свою деятельность в области развития народного образования и книгоиздания, не ограничиваясь рамками религиозного просветительства.

3.2. Периодическая печать

Новым явлением в культурной жизни нерусских народов Среднего Поволжья в период Первой русской революции стали национальная периодика и формирование профессиональной журналистики. Пионерами в этой области стали татары-мусульмане. Благодаря наличию мощной интеллектуальной элиты, располагая независимыми от государства механизмами финансирования проектов в области народного просвещения, сложившейся системой национального книгопечатания и книготорговли, татары-мусульмане в короткий срок смогли создать развитую, многообразную по тематике и жанрам периодическую печать. Первая татарская газета «Нур» (Луч) вышла 2 сентября 1905 г. В 1906 г. татарская пресса была представлена уже 20 названиями, а в 1917 г. выходило около 50 изданий, в том числе 14 журналов¹⁷.

Наряду с татарами-мусульманами попытки наладить выпуск газет и журналов предпринимали представители других нерусских народов. В середине 1905 г. среди молодых чувашских интеллектуалов получила популярность идея издания периодического органа, который стал бы каналом коммуникации передовой части чувашской интеллигенции и народа. Не имея собственных лоббистских и организационных возможностей, они неоднократно обращались с этой просьбой в Симбирск и Казань. В частности,

¹⁷ *Амирханов Р.У.* Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток-Запад» (на примере развития русской культуры). Казань, 2002. С.50–51.

осенью 1905 г. псаломщик с. Большое Батырево Буинского уезда Симбирской губернии Григорий Кокель направил И.Я. Яковлеву и Н.А. Бобровникову проект издания чувашской газеты. Им предлагалось организовать подписку среди чувашской «аристократии» – учителей, церковно и священнослужителей, мелкой сельской буржуазии, и за счет этих средств наладить печать газеты. «Я уверен, – писал Г. Кокель Н. Бобровникову, – что они не откажутся от сей помощи на такое полезное дело, тем более что теперь у всех народов явилось желание поддержать свою нацию на должном образовании, или же, если он не имеет такового, то поднять умственную способность ее в уровень с другими нациями, населяющими нашу необъятную Россию»¹⁸.

В ответ на эти обращения, Н.А. Бобровниковым и Н.В. Никольским был разработан проект чувашской газеты «Хыпарсем» (Известия), и в конце 1905 г. на имя казанского губернатора направлено отношение с просьбой разрешить ее издание. Редактором периодики должен был стать Н.В. Никольский, издателем Н.А. Бобровников. Но через три дня на эту просьбу пришел отказ. Во второй половине декабря 1905 г. Н. Никольским было направлено повторное прошение, на которое последовало разрешение. Для печати газеты была избрана Центральная типография Казани. Первоначальная сумма на пересылку газеты подписчикам была выплачена чувашским крестьянином с. Тюрлема Селивановым, за что редакция обязалась выдать ему для продажи 100 экз. первого номера. Для информирования потенциальных читателей о скором выходе первой чувашской газеты было напечатано 300 экз. объявлений, которые были разосланы по чувашским селениям Казанской, Самарской, Симбирской, Оренбургской, Уфимской, Саратовской губерний¹⁹.

Первый номер газеты «Хыпар» (Весть) увидел свет 21 января 1906 г. Тираж составил 1500 экз. Газета позиционировалась как аполитичное издание, преследовавшее исключительно просветительские цели. Статьи для нее присылались в Казань из разных районов Среднего Поволжья, а также готовились штатными со-

¹⁸ ГА РТ. Ф.93. Оп.1. Д.818. Л. 159–159 об.

¹⁹ *Никольский Н.В.* Первая чувашская газета «Хыпар» // Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.chnmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=302&Itemid=43

трудниками периодического органа, общее редактирование осуществлялось Н.В. Никольским. Выход первого номера газеты стал заметным событием в жизни чувашского народа. Чувашаи, подавляющая часть которых была сельскими тружениками, весь мир которых ограничивался родной деревней и волостью, посредством чтения «Хыпар» получили возможность расширить свой кругозор, узнать о происходящих в стране событиях, о жизни чувашей в разных регионах Волго-Уралья, познакомиться с новыми техниками сельскохозяйственного производства. Важное место в газете уделялось пропаганде здорового образа жизни, здравоохранения и гигиены. Так, в одной из первых статей «Татары и чувашаи» Николай Кузьмин «сумел простым языком изложить свои мысли о гигиене жилища у татар и у чуваш»²⁰.

Авторы, понимая огромное значение газеты для культурного развития народа, были охвачены небывалым энтузиазмом. Как вспоминал Н. Никольский, «у всех сотрудников было желание писать и писать, творить и творить»²¹. Постепенно вокруг Никольского сформировался творческий коллектив молодых чувашских интеллигентов и учащейся молодежи. К середине 1906 г. среди них наметилась поляризация мнений о будущем направлении чувашской газеты. Выпускники Симбирской чувашской учительской школы, во главе со студентами Казанского учительского института, стали предъявлять к редакции требования – помещать больше статей политического и социально-экономического характера, в то время как главный редактор и воспитанники КУС настаивали на сохранении прежнего журналистского подхода, сводившегося к отказу от любой политической агитации. В июне 1906 г. Н. Никольский был вынужден уехать из Казани для проведения этнографической экспедиции в регионы компактного проживания чувашского сельского населения. В его отсутствие обязанность редактора была возложена на С.К. Кириллова, пропустившего в июньском номере несколько статей с критикой внутривластной ситуации в стране. В результате, этот номер

²⁰ Никольский Н.В. Первая чувашская газета «Хыпар» // Электронный ресурс. Режим доступа: [http:// www.chnmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=302&Itemid=43](http://www.chnmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=302&Itemid=43)

²¹ Там же.

не был допущен к печати цензурой. Казанской жандармерией было начато расследование. Лишь после изъятия критических отзывов Н. Никольскому удалось добиться издания газеты. Но вследствие секретного предписания со стороны казанского губернатора сельской администрации задерживать у себя приходящие по почте номера «Хыпар», многие подписчики перестали его получать. Изменение направления газеты, в которой до половины статей стало иметь социально-политическое содержание, привело к тому, что Н.В. Никольский и С.К. Кириллов отказались продолжать редактировать газету. Это привело к существенной ротации редакционной коллегии, в которой основной тон начали задавать революционно настроенные студенты Казанского педагогического института. Новым редактором был избран П.А. Алексеев. С уходом Никольского газета приобрела ярко выраженный социал-революционный характер. В результате, цензура не раз накладывала запрет на печать ее отдельных номеров, а жандармское управление арестовывала редакцию. В связи с начавшейся в стране политической реакцией, в мае 1907 г., по настоянию казанского губернатора, ввиду «вредного» направления, газета была закрыта, а ее сотрудники подвергнуты аресту и судебному преследованию. Так закончилась история первой чувашской газеты. Как писал впоследствии Н. Никольский, «газета «Хыпар» умерла для Казани, но продолжала жить среди чувашских народных масс. Она бережно хранилась и в нужных случаях читалась и изучалась не только бывшими подписчиками, но и их соседями. Из газеты черпали многие идеи по артельному хозяйству, по самоуправлению, по сельскохозяйственной технике и сельскому хозяйству, об артельном приобретении строительного леса и дров, по медицине, гигиене, ветеринарии, животноводству. Политические и социально-экономические статьи много раз читались, изучались и комментировались, глубоко западали в народное сознание. Благодаря газете, народная масса перестала считать свой язык бессильным для передачи высоких идей, для газет, журналов и художественных произведений»²².

²² Никольский Н.В. Первая чувашская газета «Хыпар» // Электронный ресурс. Режим доступа: [http:// www.chnmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=302&Itemid=43](http://www.chnmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=302&Itemid=43)

Закрытие «Хыпар» имело крайне негативное влияние на развитие периодической печати, как на чувашском, так и на других языках нерусских народов Среднего Поволжья. Увидев в чувашской газете реальную угрозу существующему строю, через которую революционно настроенная интеллигенция вела политическую пропаганду, губернская администрация категорически отказалась поддерживать любые попытки казанских просветителей создать другие периодические органы на «инородческих» языках. Так, 4 октября 1907 г., по инициативе преподавателя КУС Р.П. Даулея, попечителем КУО А.Н. Деревницким в МВД было подано прошение об издании газеты для кряшен, на которое вскоре был получен отказ²³. В 1910 г. мамадышским епископом Андреем (князь Ухтомский) был разработан новый проект газеты. В «Программе газеты для крещеных татар» (датирована 28 января 1910 г.), направленной автором членам «Особого совещания», проходившего в эти дни в Санкт-Петербурге под председательством премьер-министра П.А. Столыпина, предусматривалось издание в Казани еженедельной газеты на татарском языке «общехристианского направления»²⁴. Газета должна была состоять из следующих основных разделов: 1) передовая статья, в которой давалась бы общая информация о политической ситуации в стране и мире; 2) корреспонденция; 3) текущие сведения о ситуации в разных областях империи, заметки по интересующим читателя вопросам: сельскому хозяйству, географии, физике, природоведению; 4) народное образование; 5) письма из деревни; 6) ответы и разъяснения редакции; 7) объявления²⁵. Заведование газетой и редактирование материалов должен был взять на себя учитель татарского языка КУС Р.П. Даулей. Планировался общий еженедельный тираж в 500 экз. Расходы на издание в размере 4200 руб. в год должны были компенсироваться из государственных средств, 1720 руб. – поступать за счет платной подписки²⁶. Это предложение, как и другие проекты епископа Андрея, были благосклонно приняты членами совещания, в числе которых было

²³ РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.800. Л.310 об.

²⁴ РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.800. Л.309 об.

²⁵ РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.800. Л.309 об.-310.

²⁶ Там же.

много влиятельных государственных и церковных деятелей. Но, в связи с убийством в 1911 г. премьер-министра П.А. Столыпина и изменением общего вектора внутривластного курса государства, практическая реализация программы, предложенной совещанием, затянулась, а с началом Первой мировой войны была полностью свернута.

Альтернативой газетному органу стал выпуск календарей, выходявших с определенной периодичностью. С 1905 г. на удмуртском, чувашском и марийском языках в губернских центрах Волго-Уральского региона И. Михеевым, Н. Никольским, П. Глезденёвым, В.М. Васильевым, А. Емельяновым начинают выпускаться ежегодные календари, которые при отсутствии других периодических изданий выполняли важную коммуникационную функцию, формируя единое национальное культурно-информационное пространство.

В 1905 г. на собственные средства И.С. Михеевым в Казани было налажено издание ежегодных календарей на удмуртском языке (*Удмурт кылын календарь*). Наряду с Михеевым, в его подготовке принимали участие ученики и воспитанники КУС, из числа удмуртов. Всего было напечатано четыре ежегодника (за 1905, 1907, 1908 и 1910 гг.), тиражом около 10 тыс. экз. Основой календаря Михеева стали популярные в то время издания И.И. Горбунова-Посадова – «Сельский деревенский календарь» и «Календарь для всех»²⁷. Наряду с общей информацией (сведения о корреспонденции, статистические данные об удмуртах, о суде и проч.), переводными статьями по медицине и сельскому хозяйству, здесь публикуются первые художественные произведения удмуртских авторов (стихотворения М. Прокопьева, баллада М. Можгина). В календаре за 1907 г. была издана статья И.В. Яковлева «Наша жизнь», в которой давалась информация о крестьянских волнениях и избрании Государственной думы²⁸. Эта статья вызвала недовольство государственной бюрократии и привела к тому, что редактору пришлось объясняться перед казанской цензурой. Автор статьи

²⁷ Апакаев П.А. Михеев Иван Степанович (1876–1937) // Просветители Марийского края. Йошкар-Ола, 1990. С.112–121.

²⁸ Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протоколы заседания от 3 марта 1907 г. Казань, 1908. С.14.

подвергся судебному преследованию и был приговорен к высылке на север. Проблемы у И. Михеева возникли и в последующие годы. После выхода в свет календаря за 1908 г., он был вызван к попечителю КУО, который подверг жесткой критике содержание нового издания. Особые возражения А.Н. Деревницкого вызвала опубликованная статья, в которой «в извращенном виде» была представлена русская история, а также «неуместная» информация о финансовых средствах царской фамилии. Административное и полицейское давление на редактора привели к тому, что И. Михееву пришлось отказаться от издания удмуртского периодического органа. В 1913 г. за выпуск календарей и учебных хрестоматий, в которых давалась объективная историческая информация о правителях русского государства, он был уволен с должности наставника КУС и был вынужден покинуть Казань²⁹.

Создание первого марийского календаря было связано с деятельностью марийской интеллигенции и учащейся молодежи, организовавшей в 1905 г. в Казани просветительский кружок «*Озан мари*» (Казанские марийцы). По воспоминаниям патриарха марийской литературы С.Г. Чавайна: «В начале декабря 1905 г. (числа теперь уже не помню) однажды вечером в канцелярии учительской семинарии собрались активные деятели – марийцы: П.П. Глезденёв, студент духовной академии, П.М. Кунаев, преподаватель начальной школы при учительской семинарии, воспитанники духовной семинарии В.М. Васильев и Д.И. Адаев. Там же оказались и ученики нашей учительской семинарии В.А. Мухин, Г.Е. Еремеев, С.Г. Эпин»³⁰. Такие встречи приобрели регулярный характер. На них члены кружка обсуждали насущные проблемы культурной жизни народа, читали свои художественные произведения. Во время этих дискуссий и зародилась идея издания «*Марла календарь*» (Марийский календарь) – первого ежегодного периодического издания на марийском языке. Непосредственная реализация этого проекта была осуществлена П.П. Глезденёвым и В.М. Васильевым. В 1906 г. ими был подготовлен рукописный ва-

²⁹ Апакаев П.А. Михеев Иван Степанович (1876–1937) // Просветители Марийского края. Йошкар-Ола, 1990. С.121.

³⁰ Цит. по: Сануков К.Н. Просветитель Павел Петрович Глезденёв. Очерк жизни и деятельности. Йошкар-Ола, 2005. С.15.

риант издания, за основу которого был взят ежегодник Шаркова. Но, в связи с отсутствием средств на издание, авторам пришлось отказаться от его печати. Лишь в следующем году им удалось осуществить задуманное – в 1907 г. тиражом 2500 экз. вышел первый номер календаря. С этого времени можно говорить о появлении светской марийской художественной литературы. Издание было осуществлено на деньги ядринского промышленника, депутата Государственной думы З. Таланца (выделил 100 руб.) и П. Глезденёва (40 руб.)³¹.

В календаре были представлены статьи по практическим вопросам, интересовавшим сельского труженика, важное место уделялось политическим событиям в стране, имелись публикации по истории и этнографии. Редакция периодического органа стремилась пробудить в читателях интерес к культуре родного народа, гордость за его прошлое. Вышедший в свет в разгар Первой русской революции, календарь отражал общее настроение, царившее в российском обществе в это время, связанное с желанием глубоких социальных и политических преобразований в стране. Демократическая направленность издания вызвала недовольство со стороны местной администрации и правомонархических организаций Казани. Опасаясь запрета издания последующих номеров, редакторы приняли решение изменить содержание календаря, полностью отказавшись от публикации статей на политические темы. Таким образом, «Марла календарь» становится исключительно культурно-просветительским периодическим органом. В последующие годы основное место в календаре уделялось публикации материалов по медико-санитарным и научным вопросам, по ведению хозяйства, пчеловодству, животноводству. Важное место уделялось публикации произведений народного фольклора и первых оригинальных художественных произведений марийских писателей и поэтов (стихи С. Чавайна и В. Васильева, поэмы Г. Кармазина (Эвайна) баллады Ф. Егорова и Ф. Букетова (Сайгелде)).

Марла календарь получил широкое распространение среди мари. Его выписывало большинство представителей марийской сельской интеллигенции, его читали и передавали из рук в руки,

³¹ Там же. С.17.

устроивали общественные чтения. Преподаватель образцовой черемисской школы КУС А.И. Емельянов, совершивший летом 1910 г. путешествие по марийским деревням Казанской губернии, так отзывался о значении и влиянии календаря на сельских жителей: «я имел возможность наблюдать, какую широкою популярностью пользуется... издание календарей на черемисском языке. Успех распространения этих изданий, несомненно, объясняется самым характером содержания календаря, как настольной книги, заключающей в себя необходимые в практической жизни сведения и указания. Поэтому думаю, что при известной идейности содержания в руках учителя народной школы календарь на инородческом языке мог бы явиться верным средством к распространению среди инородцев, в частности черемис интересов к книге и просвещению»³².

Понимая большое влияние календаря на марийское население, чиновники КУО предприняли попытку изменить состав редакционной коллегии. Издание календаря на 1911 г. было поручено Переводческой комиссии при КУО, ее редактором был назначен А.И. Емельянов. Это повлияло на редакционную политику периодического органа, привело к изменению содержания опубликованных в нем статей, что вызвало недовольство марийской интеллигенции. В результате, в 1913 г. новый выпуск календаря вышел под прежней редакцией. В последующие годы в связи с финансовыми затруднениями редакторы прекратили ее выпуск. Во многом, функции «Марла календарь» взяла на себя газета «Война увер» (Военные известия), начавшая выходить в г. Вятке в 1915 г. под редакцией П. Глезденёва.

Издание ежегодных календарей на чувашском языке (*Султалăк кĕнĕки*), выходявших с 1906 по 1914 г. в Казани, было связано с деятельностью выдающегося чувашского ученого-этнографа, преподавателя истории КУС Н.В. Никольского. Учитывая опыт издания «инородческих» ежегодников и первой чувашской газеты, Никольский отказался от печати в чувашском календаре любых материалов на политические темы, дабы обезопасить издание от нападков цензуры и полиции. Календарь преследовал

³² Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протоколы заседания от 20 октября 1911 г. Казань, 1911. С.3.

исключительно культурно-просветительские цели, в нем публиковались переводные и оригинальные статьи по истории, географии, агрономии, школьному образованию, педагогике, астрономии, медицине и народной гигиене, давалась полезная информация о праздничных датах, новых изданиях по истории и этнографии чувашского народа и проч. Всего было издано 9 календарей, пользовавшихся большой популярностью среди чувашей. Благодаря развитию начального образования, в чувашской деревне появилось большое количество грамотных жителей, охотно покупавших книги и периодические издания на родном языке, поэтому весь тираж казанских изданий раскупался благодарными читателями. Ситуация изменилась с началом Первой мировой войны, когда в результате социально-экономического кризиса спрос на книжную и периодическую продукцию резко упал, что привело к отказу издателя печатать чувашские ежегодники.

Кряшенская интеллигенция также предпринимала попытки наладить издание календарей на татарском языке в Казани. Особую активность в этом вопросе проявляло молодое поколение учителей, воспитанников КУС. Один из них – Назарий Кибяков в 1911 г. разработал подробную программу и предложил для рецензирования и публикации в Переводческую комиссию КУО³³ рукописный календарь под названием «*Татарга календарь*. На 1912 год».

Календарь Н. Кибякова состоял из нескольких разделов: 1) Месяцеслов (календарь); 2) Российский императорский дом (данные о членах императорской фамилии); 3) Рассуждения о пользе астрономии и предметах ее; 4) О растениях и животных; 4) О влиянии тепла на растения и животных; 5) Сведения о насекомых; 6) Метеорология; 7) Медицина; 8) Ветеринария; 9) Рассуждения о лечении и профилактике болезней; 10) Агрономия; 11) Об управлении России. Законодательные акты Российской империи; 12) Русское государство (география России); 13) Железные дороги; 14) Почта и телеграф; 15) Лесоводство; 16) Селекция домашнего скота; 17) Формы документов (образцы заполнения официальных документов: прошений, расписок и др.); 18) Как заранее узнавать погоду; 19) По каким явлениям угады-

³³ Там же.

вать урожай; 20) О затмениях солнца и луны на 1912 г.; 20) Предсказания погоды на 1912 г.³⁴

Как видно из названий разделов, это было весьма информативное по содержанию и тематике издание, в котором читатель мог узнать массу полезных сведений по различным аспектам практической сельскохозяйственной деятельности, медицине, правовой и политической системе в стране, законодательству. Информация была направлена на популяризацию научных знаний, расширение общего кругозора сельского населения. Тем не менее, члены Переводческой комиссии нашли невозможным публикацию этой работы. Главным возражением было отсутствие в календаре религиозной составляющей – не было православного церковного календаря, святцев, обозначения дней поминовения усопших, религиозно-нравственных рассказов³⁵. Кроме того, сыграла свою роль и внешняя конъюнктура, связанная с недовольством попечителя КУО А.Н. Деревницкого слишком «тенденциозным и либеральным» направлением календарей, выпускавшихся частными лицами на языках нерусских народов края.

Лишь в годы Первой мировой войны появилась возможность издания газет для православных нерусских народов. С февраля 1915 г. в г. Вятка начинает выходить газета «Военные известия», издававшаяся на марийском («*Война увер*»), удмуртском («*Войнаысь ивор*») и татарском («*Сугыш хабярляре*») языках. Несмотря на то, что её редактором являлся известный марийский православный миссионер и просветитель П. Глезденёв, содержание газеты было выдержано в светском духе. Основное место в нём занимала информация о ситуации на фронтах войны, освещались также новые методы земледелия и животноводства, предоставлялись сведения о состоянии сева, уборке хлеба, урожае зерновых и других культур, ценах на продукты сельского хозяйства в Вятской губернии. В газете печатались П. Глезденёв, Д. Григорьев, Р. Даулей, М. Дернов, Н. Егоров, Д. Зубрилов, Р. Лопухин, Г. Романов, В. Соловьёв, Г. Шубин и др. В 1916 г. в Уфе епископом Андре-

³⁴ Там же. С.3–5.

³⁵ Там же.

ем (Ухтомским) создаётся кряшенская газета «Дус»³⁶. Здесь публиковались материалы о внешней и внутренней политике, о разных сторонах жизни кряшенского населения (просвещение, религиозное образование, мировоззрение, быт, деревенская жизнь и т.д.), передавались вести с фронта.

Таким образом, благодаря развитию просветительского движения, школьного образования и книгопечатания на родном языке, а также формированию национальной интеллигенции, в начале XX в. сложились предпосылки для создания национальной периодической печати нерусских народов Среднего Поволжья. Реализация проектов в данной области стала возможна в годы Первой русской революции, когда в результате либеральных реформ произошло ослабление цензуры и была объявлена «свобода печати». На волне эмансипации общественного сознания «инородческая» интеллигенция Казани создает периодические органы на языках народов Среднего Поволжья. Несмотря на то, что в результате последующей политической реакции, административного и полицейского давления произошло закрытие или существенное ограничение функционирования этих изданий, они сыграли огромную роль в становлении литературной традиции местных народов. На страницах этих газет и календарей появились первые художественные произведения чувашских, марийских, удмуртских писателей и поэтов, начала формироваться профессиональная журналистика. Необходимо отметить большое значение периодических изданий в росте национального самосознания нерусских народов, усилении консолидационных процессов внутри этих социумов и в формировании национального культурно-информационного пространства.

³⁶ Григорьев А.Н. Кряшенская художественная литература (предисловие) // Сборник стихов кряшенских поэтов. Казань, 1931. С. 6–7.

**Сочинения Н.И. Ильминского о методике переводов
на тюркские и финно-угорские языки
народов Среднего Поволжья**

№1

О переводе православных христианских книг на татарский язык при христианско-татарской школе в Казани

1870 г.

Подобно тому, как школа казанская для крещеных татар¹ возникла по стечению случайных обстоятельств, началась с одного мальчика и постепенно развивалась и развивается по числу своих учеников и возникших из нее других школ; так и наши татарские переводы православных христианских книг начались, можно сказать, случайно, хотя и не без ясно осознанной определенной цели, но без того твердого убеждения, которое дается только опытом. Теперь уже на опыте наша переводная система окончательно установилась, переводы вошли в употребление школьное, церковное и даже отчасти народное, установился письменный слог христианско-татарский. Это, можно сказать, совершившийся факт. Успех наших переводов сам по себе же оправдывает наше дело. Наши школы и переводы шли естественным путем: не было искусственного или насильственного привлечения учащихся в наши школы, ни такого же распространения наших переводов в среде народа. Значит, мы попали на настоящую дорогу.

Наша переводная система состоит в следующем: мы переводим христианские книги на татарский язык народный, то есть употребляем только те слова, которые в ходу у татарского народа; в этимологическом и синтаксическом отношении следуем законам народной речи; собственные имена пишем по произношению русскому, православному; буквы употребляем русские, а не арабские.

Народный татарский, а точнее говоря крещено-татарский, язык мы приняли потому, что назначали свои переводы для крещеных татар.

Крещеных татар в Казанской губернии свыше 40 тысяч душ обоюго пола, не меньше должно быть в Уфимской губернии, есть не-

¹ Речь идет о КЦКТШ.

Приложение 1

сколько в губерниях Вятской, Симбирской, Самарской и других. Всего крещеных татар в Казанской и смежных с нею губерниях можно полагать около 100 тысяч душ обоего пола.

Из крещеных татар резко выделяются так называемые «старокрещеные», которые большею частью живут особыми селениями в Мензелинском уезде Уфимской губернии, в Мамадышском, Лаишевском, отчасти в Чистопольском и Казанском уездах Казанской губернии, в Малмыжском уезде Вятской губернии, словом, их селения расходятся от Елабуги во все стороны, как по радиусам.

Эти старокрещеные татары приняли крещение весьма давно, иные, быть может, вскоре по завоевании Казани. Как и в каком порядке были они первоначально крещены, и как их после крещения держали и руководили, не известно. Но вот в каком состоянии были они в недавнее время. Христианства они почти вовсе не знали, ограничиваясь поверхностным и пассивным исполнением необходимейших христианских обрядов; магометанства тоже не знали, а хранили свои старинные до-магометанские обряды и обычаи, чтили кереметей, приносили жертвы Богу и кереметям, чествовали умерших предков угощением и т.д.

Таково было, конечно, религиозное состояние и всех татар в эпоху Казанского царства. Видно, ислам сознательно и исправно содержался только при дворе ханском и у знати, а народ хотя и считался магометанским, но в простоте души держал свою старину. И вот крещение, застигшее в этом состоянии часть татар, принявших его, отделило их от остального населения. Когда впоследствии, уже под русским владычеством, магометанское образование стало распространяться в Казанском крае, магометане устремились к нему, а крещеные татары остались неподвижны в своем прежнем положении.

Впрочем, в последнее время стало местами проникать к старокрещеным татарам магометанское влияние, которое разрушает их наивное древнее миросозерцание и вместе с тем смущает их мирное отношение к христианству. Замечу мимоходом, что чем проще и цельнее сохранилось это древнее миросозерцание и чем тверже держатся старые до-магометанские обряды, тем более удобную и благодарную почву находит для себя христианское образование.

Вместе с движением понятия и образования изменяется язык. От международных бытовых и торговых сношений, особенно же с принятием чужой религии, входят новые понятия в народ, а в язык – новые слова, чужие. На татар действовали, с одной стороны, русские, особен-

но после завоевания Казани колонизовавшие этот край, с другой – магометане. Но первые не могли успешно конкурировать с последними, потому что русские, как завоеватели, были нелюбимы соседями, а магометане были вроде гостей. Притом сношения с последними велись издавна. Это можно, между прочим, заключать из того, что даже в чувашский и черемисский языки вошли слова арабские и персидские. Например, в чувашском языке слово *эдем* (человек) – арабское; *смелле*, с которым чувашаи принимают за дело, есть арабское *бисмилля* (بِسْمِ اللّٰهِ); *тене киряс* – креститься, то же, что по-татарски *денгя кермяк*², собственно: войти в веру, *тен* = араб. *дин* (دين) и проч.

К этим инородцам входили магометанские слова чрез татар; а к татарам, как народу главному и господствующему в Казанском царстве, они входили непосредственно. Потому в татарском языке арабско-персидской примеси должно быть больше.

Заимствования чужих слов шли двумя путями: устным и книжным. Первые древнее и отличаются большим искажением чужих звуков в направлении к туземной фонетике. Например, из арабского *عار*, стыд, татары сделали *яр* в слове *ярсеэз* безстыжий, из *فائده* польза – *пайда* и т.п.

Подобные заимствования вполне усвоились языком, известны целому народу и составляют неотъемлемое достояние татарского языка. Эти и тому подобные слова общеупотребительны и у старо-крещеных татар.

У татар-магометан, кроме устного пути, чужие слова входили еще путем книжным. Известно, что у магометан религиозный и научный язык есть арабский, который считается даже языком богосозданным и высшим из всех языков, и потому особенно уважается всеми магометанскими народами. Люди книжные приучаются воспроизводить арабскую фонетику, а к их говору прислушиваются и другие; книжное заимствование отличается возможным сохранением чужих звуков, по расчету букв. Например, арабское *عيب* вина, порок, в народно-татарской переделке *айыб*, а в книжном заимствовании – *гайеб*³.

В турецких книгах, кроме примеси, иногда очень значительной, арабской и персидской, по крайней мере, свой турецкий элемент – чистый. В книгах джагатайских также видна последовательность орфографии и этимологических форм собственно джагатайских. А

² *Дингя кермак* (тат.).

³ *Гаеп* (тат.).

казанские татарские книги суть или подражания турецким или джагатайским, или чаще перепечатки турецких и джагатайских книг; в том и другом случае волею-неволею проглядывает и свой казанский тип. От этого так называемый книжный татарский язык представляет неустановившуюся и никакими границами не определенную смесь не только арабских и персидских слов и оборотов, но и смесь туземных татарских слов и грамматических форм с турецкими и джагатайскими. Это уже вошло в татарский вкус: такую неорганизованную смесь пишут и даже нередко говорят люди ученые, а за ними мало-мальски грамотные магометане, но все-таки большинству народа она далеко не вполне понятна.

Языки крещено-татарский, магометанско-татарский и книжный татарский суть только разные степени одного и того же татарского языка в его движении к магометанской культуре. Сравнительно наиболее чистый и естественный есть язык крещено-татарский; впрочем, в нем есть против тюркской нормы некоторые уклонения, например, носовой *н* в конце родительного падежа обратился в простой *н*, *л* в окончании множественного числа обращается в *н*, когда имя оканчивается на *н*, *м* и носовое *н* или *сагырнун*, и другие; книжный язык есть наиболее искусственный и смешанный, а народный магометанско-татарский язык гораздо ближе к крещено-татарскому. Последний мы назвали поэтому народным татарским языком и приняли его в свои татарские переводы христианских книг и вообще в орудие христианского образования для крещеных татар. И действительно, несколько опытов чтения наших переводов татарам-магометанам доказали, что они для них совершенно понятны.

Чтобы христианские понятия передать доступнее и удобнее для всей массы крещено-татарского населения, мы берем татарский язык в его настоящем, теперешнем народном употреблении и виде. Нам нет надобности до археологической чистоты языка. Например, татары сохранили свое старинное слово *тянгре*⁴, которое в старину означало *небо*, у алтайцев и теперь *небо* – *тенгере*; но так как в древности небу приписывалась божественная сила, небо заменяло, так сказать, божество, то впоследствии, при перемене религиозных понятий, слову *тянгре* придали личное значение, именно: у монголов-

⁴ *Тәңре* (тат.).

буддистов оно стало означать *небожителя*⁵, а у татар *Бога*. Но чаще, и притом выразительнее, употребляют татары, даже крещеные, арабское слово *Алла*: это последнее мы и употребляем в своих переводах. И еще, если данное слово арабское (или персидское), то мы берем его в том значении, какое с ним соединяет народ, хотя бы у арабов оно имело другое значение. Например, слово *иман* (امان) по-арабски значит *вера*, а у крещеных татар оно употребляется в значении *молитвы*, как молитвенного текста; или *кодрят*⁶ (قدرت) по-арабски сила, могущество, у крещеных татар означает чудо, как действие Божией силы. Мы так и употребляем подобные слова, в народном значении, не справляясь с арабским лексиконом.

Мы берем слова, как привычные и общеупотребительные представители понятий, так чтобы с прикосновением к слуху крещеного татарина они сейчас же возбуждали в его мысли определенное представление и в сердце – определенное движение. Такую совершенно непосредственную близость к мысли и чувству имеют только общеупотребительные в народе слова.

В переводах дело не ограничивается одними только словами, но столько же, и даже более, касается логического и синтаксического построения речи в духе татарского языка, который при своем своеобразном строе отличается естественностью, простотою и конкретностью. Христианские священные и церковные тексты наши переведены буквально с греческого, а на греческий многие из них пересажены с еврейской почвы; поэтому они носят характер еврейского и греческого языка. Татарский язык относится к группе урало-алтайской, тогда как те языки относятся к группам: один – семитической, другой – арийской. Особенно мало подходят к татарскому типу поэтически изложенные еврейские и греческие песнопения. В этом случае мы употребляем перифраз, который вообще в наших переводах имеет большое применение. Иные церковные стихиры и песни заключают только намек на библейские факты, так что без знания Библии они и непонятны: тут приходится по-татарски формулировать переводимое несколько подробнее и яснее. Кроме общедоступности и ясности, мы заботимся о впечатлении. Тогда как язык чужой и мертвый, как у католиков латинский или даже обветшалый, вроде

⁵ Здесь и далее курсивные выделения в тексте соответствуют выделениям в документе.

⁶ *Кодрят* (тат.).

Приложение 1

нашего церковно-славянского, даже на человека хорошо изучившего его и понимающего не может произвести непосредственного впечатления; народный живой язык, по своей непосредственной близости к сознанию и мысли, должен сразу производить впечатление решительное и сильное. Поэтому все, что могло бы производить на татар впечатление неблагоговейное и даже странное, не должно быть терпимо в переводах, особенно священных книг на народный татарский язык. Наконец, мы не можем упустить из виду и магометанских возражений, которые смущают многих крещеных татар; поэтому иногда приходится дать переводу такое направление, которое бы противопоставлялось магометанскому взгляду или возражению. Вот сколько сторон, которые нас вынуждают к перифразам, причем мы обращаем внимание преимущественно на существенные мысли в переводимых текстах и в случае крайности жертвуем поэтическими красками и подробностями.

Словом, татарский язык в отношении лексическом, грамматическом, стилистическом, логическом и т.д. представляет так много своеобразного, не подходящего к нашим церковным текстам, что буквальный перевод их иногда положительно невозможен. Вообще мы держимся принципа не механического, а так сказать – психологического или субъективного: должно из татарского языка брать такие материалы и так группировать их, чтобы перевод производил на мысль и чувство татарина, при его малоопытности в христианстве и при нападениях со стороны магометанства, такое же по возможности впечатление, какое переводимый церковно-славянский текст производит на мысль и чувство русского человека, взрослого и окрепшего в православии.

Такое понимание переводного дела ставит переводчиков между двумя равно законными и основательными, но столь резко противоположными требованиями, что им иногда бывает трудно удовлетворить: с одной стороны, требуется точное воспроизведение переводимого текста, а с другой – необходимо иметь в виду умственное и нравственно-религиозное состояние народа, для которого перевод назначается. Чтобы взять точную и верную середину⁷, для этого недостаточно знание языка, какое только доступно для постороннего человека, а необходима постоянная проверка переводов при посредстве природных и типичных представителей этого народа, которых

⁷ Т.е. середину.

Приложение 1

чутье совпадало бы с чутьем всего народа. Казанская школа, в лице ее почтенного учителя и усердных учеников, дает для такой проверки полные средства. Но в то же время, к величайшему счастью, мы имеем человека, который, глубоко зная православно-богословскую науку и языки еврейский с греческим, и основательно – татарский язык и магометанство, и соединяя религиозное чувство симпатичным сердцем, постоянно помогает нам неуклонно сохранять христианскую истину в татарской форме. Это бывший профессор Казанской духовной академии Гордий Семенович Саблуков⁸ – да сохранит Бог его преклонные дни.

Следующие примеры пояснят нашу мысль и наши приемы при переводах.

В Евангелии от Луки, глава 1, ст. 69: «И воздвиге рог спасения нам». Слова все простые, но если «рог спасения» перевести буквально, для татар это будет странно и даже непонятно.

В той же главе стих 42, и в известной молитве: «благословен плод чрева Твоего». *Плод* по-татарски жимеш⁹ (يَمِش) от глагола йимяк (يَمَك) *есть*, означает нечто съедобное. Мы перевели: благословен Родившийся от Тебя.

В антифоне 4-го гласа: «ненавидящие Сиона посрамится от Господа». Так как большинство крещеных татар не знают еще, что такое *Сион* и какое он имеет значение в религии, то мы для непосредственного и сильнейшего впечатления татар, из которых иные враждуют против христианства, перевели так: ненавидящие *Христову веру* и проч.

В Символе Веры: «Света от света, Бога истинна отъ Бога истинна». Если перевести буквально: *жактыдан жакты чын Алладан чын Алла*¹⁰, то, по-татарскому словосочинению, выйдет: светлейший светлого, Бог истиннейший истинного Бога. Поэтому, и чтобы вернее устранить обычное магометанское возражение: как-де у Бога может быть сын, когда у него нет жены? – мы, руководясь катехизисом Филарета, перевели так: «истинный Бог, родившийся от истинного Бога, как свет, исшедший из света».

⁸ Г.С.Саблуков (1803–1880) – известный ученый востоковед, профессор миссионерского противомусульманского отделения Казанской духовной академии.

⁹ *Жимеш* (тат.).

¹⁰ *Яктыдан якты, чын Алладан чын Алла* (тат.).

Церковное выражение: «Богоотцы Иоаким и Анна» мы переводим: родители Пресвятые Девы – Иоаким и Анна.

В церковных и вероучительных текстах встречаются слова технические, богословские и церковные. У крещеных татар христианская терминология крайне скудна, она ограничивается только некоторыми, немногими предметами и притом с внешней, наглядной стороны. В этом отношении особенно характеристично название, какое они дают запрестольной иконе Божией Матери, которую носят по домам на Пасху: *кюрjak тярe*¹¹ – *лопата-образ*, или *лопатообразная икона*, из слов *кюрjak* – лопата, *тярe* – икона. Из подобной терминологии нашлось немного, что подходило бы к смыслу христианского учения. Что касается до слов и терминов арабских, неупотребительных в разговорном, народном языке, которые встречаются в иных переводах, мы не приняли их в свои переводы. Поэтому мы называем Святого Духа не *рухуль кудус* (روح القدس), а *Святый Тын* или *Арыу Тын*. Слово *тын* означает *дыхание, дуновение, дух* и соответствует русскому *дух*, еврейско-арабскому *рух* (روح), греческому *πνεύμα*, латинскому *spiritus*. Слово *куддус* (قدوس) – *святый* также неизвестно татарам, они употребляют в значении *святый* слово *аулея*, множественное число от арабского *велй*, но только по отношению к людям, а не к Богу и не к вещам священным. В случае необходимости мы ставим прямо русское слово, когда другие (например, английские миссионеры) ставят арабское или персидское слово. Так как в этом случае арабское слово в такой же степени неизвестно татарам, как и русское, то последнее предпочтительнее, так как обращает их более в нашу сторону.

Собственные имена мы пишем так, как их произносят не магометане, а русские, православные. Мы пишем: *Иисус Христос, Евангелие, Ной, Авраам, Исаак, Йаков, Йоанн* и т.д., а не *Гайся-Месих, Инджил, Нух, Ибрагим, Исхак, Ягкуб, Яхъя*, – как в Алкореане. В арабском переводе христианских книг для сирийских христиан имя *Иисус* пишется не *гайся* (عيسى), а *ясуз* (يسوع), то есть сирийцы удержали свое сирийское начертание и произношение. Вообще мы видим, что в собственных именах народы держались произношения той церкви, от которой они приняли христианство, иногда, впрочем, наклоняя слова к своей фонетике. Этим естественно знаменуется сыновнее отношение обращенного племени к церкви-матери.

¹¹ *Көрәк тәре* (тат.).

Такое же религиозно-генетическое значение, как язык, имеет и алфавит. Католические и выродившиеся из католических протестантские народы Западной Европы имеют целиком алфавит латинский; мы, русские, вместе с православными славянами, употребляем алфавит греческий, только с надлежащими прибавлениями. Положим, славяне и другие европейцы в эпоху начала их алфавитов стояли на низшей ступени образования и поневоле должны были принять алфавит просвещенных соседей, озаботившихся их духовною судьбою. Но зачем копты, наследовавшие египетские знаки, приняли греческий алфавит, с прибавкою, подобно славянам, некоторых букв, по требованию своей фонетики? Персияне, у которых была своя письменность и литература, по принятии ислама усвоили алфавит арабский. С другой стороны, мы видим, что народы, утратившие свой язык, но не утратившие веру отцов, удерживают вместе с верою и свой алфавит. Так, малоазийские греки говорят уже по-турецки, но их Библия, на турецком языке, напечатана греческими буквами. Евреи, на каком бы языке ни говорили и ни писали по месту их жительства, пишут еврейскими буквами. Позднейшие книги у маронитов, на арабском языке, написаны сирийскими буквами. Профессор Петров утверждает, что один и тот же язык Индустании¹² пишется различно: у мусульман арабскими буквами, у индусов – деванагарскими¹³, у христиан – латинскими. Если против этого укажут на коптов, которые, утратив свой язык, говорят и пишут уже по-арабски арабскими буквами, то они пишут не для себя, а для своих владык – мусульман арабов. Могут указать еще на монголов, которые пишут свои буддийские книги монгольскими буквами, а не тибетскими, как бы, по-видимому, следовало по заимствованию ими буддизма из Тибета. Впрочем, у них была попытка ввести квадратное письмо, переделку с тибетского, и доселе существуют какие-то особые знаки для тибетских и санскритских слов.

Большая часть, по крайней мере, фактов дает основание заключить, что алфавит знаменует преимущественно религиозную связь народов. И мы поступаем согласно этому историческому закону, когда стараемся татарам-христианам усвоить русскую азбуку, чтоб этим соединить их не с родиной Магомета, а с церковью-матерью, которая для них есть церковь русская.

¹² Т.е. Индии.

¹³ Индусский алфавит.

Приложение 1

Арабский алфавит не есть единственный, который когда-либо был у татар. Хотя татарское племя в старину не отличалось грамотностью, но, по крайней мере, в ханской канцелярии долго господствовало уйгурское письмо, то же самое, какое и теперь в употреблении у монголов. Хотя уйгурский алфавит не богат знаками и одним знаком изображает несколько звуков, теряя от этого определительность, все же он почти родной для татар. Арабский же алфавит вовсе нейдет¹⁴ к татарской фонетике. Несоответствие арабского алфавита татарскому языку состоит, с одной стороны, в излишнем для татар обилии согласных букв, а с другой – в крайней скудости буквенных знаков для гласных звуков. Между тем в татарском языке гласных довольно много, и они существенны и характеристичны. Если в арабском языке гласные звуки большею частью не пишутся буквами, то грамматика почти всегда определяет гласные звуки в слове; а в татарском языке нужно отдельно знать почти все слова, чтоб правильно произнести их, когда они написаны арабскими буквами. Поэтому в лексиконах турецко-европейских обыкновенно вместе с арабским видом слова дают и транскрипцию европейскими буквами; иначе и нельзя. Тюркские языки отличаются сингармонизмом¹⁵, по которому слово должно заключать или все грубые, или же все тонкие звуки: этим определяются и грамматические формы. При недостатке в арабском алфавите знаков для гласных звуков и при обилии для согласных татары обыкновенно стараются выражать грубость или тонкость звуков данного слова посредством согласных букв: у них *س* и *ص* и *ض* и *ز* и *ت* и *ط* относятся между собою как грубое или тонкое изменение одних и тех же согласных; но ко многим буквам нельзя подобрать парных в этом роде знаков, например, *ب* *ل* *م* *ن* и другие. В русском алфавите это несравненно удобнее сделать посредством гласных букв, что будет и основательнее, рациональнее в фонетическом отношении. Гласным *a*, *y*, *o*, как толстым, можно противопоставить их тонкие двойники: *ö*, *ÿ*, *ö̇*.

Для четырех гласных – *y*, *ÿ*, *o*, *ö̇* – арабский алфавит представляет один буквенный знак *چ*. Начертание *چ* можно прочесть четырьмя разными способами: *уч*, *ÿч*, *оч*, *öч* – и все это будут разные слова. У татар существует ясный, определенный и довольно протяжный звук

¹⁴ Так в документе.

¹⁵ Морфологическое явление, состоящее в уподоблении гласных (иногда согласных) в рамках одного слова по одному или нескольким фонетическим признакам. Характерен для тюркских языков.

Приложение 1

у и его двойник *ў*, и есть другой, краткий звук, несколько похожий на русское *о* и *ö*; мы приняли *у* и *ў* для протяжного, определенного звука, а *о* и *ö* для краткого звука. В киргизском, алтайском и турецком языках совсем наоборот; в казанском татарском – *кул*, рука, по-киргизски и по-алтайски *кол*; в казанском татарском *кол*, раб, а по-киргизски и по-алтайски *кул*. Точно такое же отношение имеют звуки *и* и *е*; в татарском языке звук *и* – протяжный и определительный, а *е* – беглый, в киргизском же и алтайском наоборот, в турецком то же: по-татарски *кил*, приди сюда, по-алтайски и по-киргизски *кел*, по-турецки *гел*. Поэтому звук *ы*, всегда беглый, противопоставляется в татарском беглому же *е*, а в других наречиях – беглому *и*; а протяжное татарское *и* и отвечающее ему киргизское и т.п. *е* стоят особняком, не имея себе двойника.

Толстому *а* отвечает как двойник: в татарском языке *ö* (=я после согласной), а в других наречиях, например, киргизском, алтайском, турецком =*е*: татарское *килгән*=киргизскому и алтайскому *келген*.

Отсюда видно, как гласные звуки в тюркских наречиях характеристичны, а их-то именно и нельзя выразить арабскими буквами. В этом отношении татарский язык еще счастливее киргизского, потому что гласные, например, для *и* и для *а* и *ä* могут изображаться арабскими буквами *ى* *ا*, например – = *كىلگان* *килгән*. Для киргизского же языка это окончательно неудобно и даже в некотором отношении опасно. Если, например, *келген* написать, для ограждения от татаризации, *كىلگين*, то это будет неверно по отношению к буквенным знакам и противно этимологической аналогии; а если написать *كىلگان*, нарушится киргизская особенность. Вообще я заметил, что татарская грамотность, все более и более распространяющаяся к Киргизской степи, грозит уничтожением киргизского языка; спасти его от окончательного поглощения татарством может только русский алфавит.

Конечно, русское значение букв иногда не вполне подходит к татарским звукам. В этом случае достаточно приблизительного, по крайней мере, сходства. Подобное встречается и в европейских алфавитах: наше русское *е* тождественно с латинским *e*, а, например, русское *те* отлично от латинского *te*, последнее = русск[оe] *тэ*. Так и в татарском языке толстые гласные: *а*, *у*, *о*, *ы*, в отношении толстоты, равномерны русским; а тонкие: *ä*, *ў*, *ö*, *и*, *е* грубее русских гласных: *я*, *ю*, и т.д. Потом *о*, *ö*, *е* у нас приняты для выражения кратких звуков, приблизительно. В алфавите нельзя обойтись без условности; нужно только, чтоб известный знак, при некоторой приблизительности к русскому

Приложение 1

своему значению, был определенно назначен для известного звука и последовательно обозначал его. В подобных соображениях и чтобы не усложнять алфавита, мы условно приняли *ж*, для выражения татарского *ج* – *дж*, которое часто является у татар на место *јод* в начале слов. Сделали мы это потому, что татары не имеют чисто-русского звука *ж*. Для носового *н=сагырнун* мы, в подражание ученым петербургским академикам, употребляем *н*, составленное из *н* и *г*, так как и татары пишут его двумя буквами *نك*.

В татарском языке есть согласный звук, похожий на английский *и*, мы пишем его *у*, так что *у* после согласной буквы есть гласная, а после гласной или перед гласной есть согласная, например – *тау*, гора. Кажется, лучше бы писать ее в таком случае с краткой, подобно тому, как краткая дает букве *и* значение согласной *й=j*. У нас нередко встречается сочетание *у* согласного с предшествующей или последующей ему буквою *ы* или *е*. Это сочетание произносится так, что слышится как будто долгое *у*. Например, мы пишем *айыу*, медведь, которое произносится как будто *аю*. Но в действительности это слово оканчивается не гласным, а согласным звуком, который обнаруживается при суффиксе притяжательном 3-го лица: его медведь – *айыуы*, а не *аюсы*. В древних джагатайских рукописях это слово пишется *أبيغ*; буква *غ* в татарском иногда изменяется в *у* согласное, точно так, как в слове *тау* (تو-تاغ), гора. Следовательно, мы воспроизводим подробное джагатайское начертание, состоящее из четырех букв. Точно так же слово *أغیر*, тяжелый, мы пишем *ауыр*, а произносится оно как будто *аур*. Или еще, глаголы, оканчивающиеся на *б*, например, *таб*, найди, имеют несколько измененное деепричастие: по аналогии надо бы сказать *табыб*, но звук *б* при несжатых губах ослабляется и переходит в согласное *у*; таким образом стало *тауыб*, а произносится как будто *тауб*. Но природный слух различает сложный звук, и наши татарчата, руководясь только своим чутьем, пишут подобные слова согласно с выводами науки. Вообще крещено-татарские воспитанники весьма легко усваивают наш алфавит и пишут им без всякого затруднения.

Должно, однако же, сознаться, что мы в своих переводах не всегда последовательно употребляем *ä*, *ÿ*, *e*. Именно в начале слов вместо *e* мы пишем *э*, в предупреждение йотированного произношения; *ä* и *ÿ* пишем почти только в начале слов, а в середине, и вообще после согласной пишем вместо них *я* и *ю*; также пишем *я*, *ю* иногда вместо *ÿа*, *ÿу*. Это нами допущено с целью непосредственного усвоения татар-

Приложение 1

скими воспитанниками русской алфавитной системы. В тех же видах мы пишем *ъ* и *ь*, хотя для татарского языка эти знаки совершенно не нужны. Мы пишем, например, *кюргянь*, а надо бы писать *күргән*.

Вот и весь немногосложный секрет нашего русско-татарского алфавита. Немного нужно запомнить, чтоб и русский человек удовлетворительно мог читать наши татарские переводы, не зная даже ни слова по-татарски. Кстати, скажу о своем личном опыте. После привычки к арабско-татарскому письму в продолжение лет пятнадцати мне было на первый раз странно писать по-татарски русскими буквами, но я скоро привык к этому и теперь пишу татарские переводы русскими буквами совершенно свободно. А крещено-татарские мальчишки, не знавшие прежде никакого письма, весьма легко приучаются к русскому письму. Русский алфавит несравненно удобнее и проще арабского для первоначального обучения грамоте: это также важное преимущество.

Могут сказать, что русский алфавит сокращает район распространения христианских книг, ограничивая таково одними только крещеными татарами; что если бы христианские книги писались арабскими буквами, тогда христианское учение получило бы прямой и широкий доступ во все очень многочисленное магометанское население. Едва ли. Английские миссионеры стараются бесплатно раздавать массы христианских книг иноверцам разных стран, – и что же вышло? Индусы в миссионерские листы завертывают пирожки; китайцы Библию вшивают в подошвы своих сапогов; за Байкалом английские же миссионеры некогда печатали монгольский перевод Евангелия и раздавали бурятам тысячи его экземпляров; но ламы все эти книги отобрали и сожгли, так что при всех усилиях нынешней миссии едва нашелся за Байкалом один экземпляр монгольского, упомянутого издания, Евангелия. И татарам библейское общество некогда раздавало Евангелие на татарском языке, но ни из чего не видно, чтобы татары читали их. Сколько я знаю казанских татар, в них не найдется ни любознательности, ни беспристрастия, чтобы внимательно прочесть христианскую книгу. Самое верное средство уронить и даже опозлить что-нибудь – навязывать его. Печатая книги христианские арабскими буквами, мы тем самым делали бы вызов им, заявляли бы свое посягательство на их религию, к которой они очень усердны, и возбудили бы с их стороны оппозицию.

Но и помимо всего сейчас сказанного, я держусь убеждения, что христианство не совместимо ни с какою иною культурой, в том числе и с магометанскою. Это значило бы вливать вино новое в мехи ветхие.

Приложение 1

И вот почему простой, непосредственно-натуральный народ искренно и усердно принимает христианство, а культурные классы не принимают его или стараются приноровить к своим идеям. И так как простой народный язык отображает простую природу народа, то мы и приняли в свои христианские переводы народный язык, устранив арабские термины как принадлежность магометанской культуры. А так как алфавит есть тоже принадлежность культуры, то по этому соображению арабский алфавит мне представляется даже неуместным в христианских книгах для татар. Христианство должно коренным образом, во всех отношениях, преобразовать татар.

Если Провидение рано или поздно приведет наших магометан к познанию и принятию христианской истины, то в этом деле всего удобнее могут послужить посредниками крещеные татары. Нужно стараться, чтобы крещеные-то татары вполне усвоили себе христианское учение, приняли его умом и сердцем, чтобы христианство стало для них делом жизни, – тогда уже они сами передадут своим магометанским соседям христианство и посредством живой беседы, и еще более примером христианской жизни.

Но прежде всего в крещеных татарах, доселе почти вовсе чуждых христианского мирозерцания, должен совершиться внутренний процесс духовного перерождения, так чтоб они мыслили и чувствовали по-христиански. Как совершится этот процесс? Он совершится сначала посредством христианского воспитания, в нескольких избранных личностях, даровитых, восприимчивых, искренних, религиозных, энергических, преданных. «Царствие Божие подобно закваске», – говорит Спаситель. С другой стороны, духовная мыслящая сила в человеке сама по себе имеет такую организующую, живородящую деятельность, что при некотором направлении способна произвести ряд новых понятий и создать систему, прежде этому человеку неизвестную. Поэтому, хотя по существу татарского еще далеко нехристианского языка и нельзя передать на нем вполне точно христианские тексты, и часто приходится вновь составлять татарские технические выражения для христианских предметов и догматов, но и в этих переводах содержание христианства может быть обозначено на столько определено, и может заключать в себе столько христианского, так сказать, материала, догматического, нравственного и богослужебно-лирического, что передовые личности из среды крещеных татар удобно могут ввести в свое сознание и в свое сердце христианство как цельное и действенное учение. Христианство, как живое начало, как заква-

Приложение 1

ска, само воздействует на их мысль и чувство. А организовавшись в этих личностях, от них и чрез них оно передастся и другим. Только при этом не должно выпускать из рук единственно действительное орудие – родной, татарский язык. Родной язык составляет сущность духовной природы человека и народа, и самое сильное средство к перевоспитанию и образованию. Только родной язык может успешно и основательно, а не поверхностно, двинуть народ, как массу, по христианскому пути. Напротив того, чужой язык никогда не в состоянии сделать христианство общенародным достоянием целого населения. Давно ли начались крещено-татарские школы в Казанском крае, но, благодаря именно родному языку, они уже воспитали нескольких юношей, мыслящих и чувствующих вполне по-христиански, глубоко преданных делу христианства, которые усердно читают христианские книги или устно рассказывают их содержание старшим поколениям крещеных татар, – а эти усердно и искренно их слушают. Особенно глубоко трогают крещеных татар молитва и богослужение на их родном языке. Положительно можно сказать, что процесс перерождения крещеных татар в настоящих христиан по мысли и чувству стоит на прямом пути. Мы верим, что евангельское слово Спасителя Иисуса Христа, воплотившись, так сказать, в татарском живом, естественном языке и чрез то преискренне приобщась самой глубины мысли и религиозной совести татар, сотворит и совершит дело христианского возрождения этого племени.

Источник: О переводе православных христианских книг на иноподобные языки. Практические замечания Н.Ильминского. – Казань, 1875. – С.27–45.

Ранее опубликовано: Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И.Ильминского. Сборник документов и материалов / Авторы-составители: Р.Р.Исхаков, Х.З.Багаутдинова. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; Изд-во «ЯЗ», 2015. – С.129–139.

Приложение 1

№2

«Практические замечания о переводах и сочинениях на инородческих языках»

1875 г.

В №3 «Известий по Казанской епархии» напечатано архипастырское воззвание Высокопреосвященнейшего владыки, которым священнослужители приглашаются, между прочим, составлять переводы и оригинальные сочинения на инородческих языках. И прежде некоторые священники Казанской епархии, по собственной пастырской заботе о духовном претствии своих инородческих прихожан, занимались подобными трудами; в последствие настоящего приглашения архипастыря должно, без сомнения, гораздо увеличиться количество инородческих переводов и сочинений.

Первое условие в этом деле – знание инородческих языков; в Казанской епархии в этом недостатка нет. В уездах, почти сплошь населенных чувашами и черемисами, каковы: Ядринский, Цивильский, Чебоксарский, Козмодемьянский и Царевококшайский, немало священников, умеющих говорить по-черемиски, и еще больше таких, которые владеют чувашским языком. Но я осмеливаюсь предполагать, что практического знания инородческих языков, какое обыкновенно приобретается от постоянных сношений с инородцами, но которое не осмыслено основательною теориею, недостаточно для удовлетворительного исполнения переводов и сочинений. Свое предположение я основываю на том, что известные мне переводы: чувашский – Евангелия, чувашский и горно-черемисский – «Дня святой жизни», вотяцкий перевод «Начатков», сделанные, конечно, лучшими знатоками этих языков в свое время, однако же весьма неудовлетворительны, и для инородцев почти вовсе непонятны и бесполезны. Когда я несколько ближе всмотрелся в эти переводы, я заметил одно свойство, всем им общее, которое и было главной причиной их неудовлетворительности. Но об этом свойстве я скажу после, а теперь продолжу свои размышления. Если практическое знание языка прежде не обеспечивало достоинство переводов; то и в настоящее время может повториться подобный недостаток, и таким образом заботы Архипастыря и труды приходских пастырей не достигнут благодетельной цели.

Иногда и сила есть, и охота к труду, но из-за какой-нибудь малости, из-за недостатка сноровки – и сила, и горячее усердие не производят надлежащего действия. Неудобства подобного рода я испытал

Приложение 1

на себе в переводах на татарский язык, которыми я занимался издавна. Долго я не знал, как и приступить к этому делу; прошло много лет, пока я напал на настоящий путь, и то сначала неуверенно. Идя по этому пути дальше и дальше, шаги становились тверже, дело пошло скорее; теперь уже только что исполненная работа прямо поступает в практическое употребление и с удовольствием принимается теми, для кого она предназначена. Механика оказалась такая простая, что, оглядываясь назад, становится подчас и грустно, и странно, как прежде такая простая вещь не приходила в голову. Неудивительно было бы дойти мне до чего-нибудь практического в татарских переводах, так как я давно занимаюсь татарским языком; но я испытывал свой переводческий прием и на других языках. Не изучивши основательно чувашского языка, а об черемисском и вотяком не имея ровно никакого понятия, я принимался, в виде опыта, перелагать на эти языки рассказы из Св. истории, – и мои опыты, на поверку чрез природных инородцев, найдены удовлетворительными. После этого я окончательно убедился в практичности и целесообразности своего переводного приема.

Понимая всю пользу и необходимость переводов на инородческие языки и христианских книг священно-исторических, вероучительных, назидательных, богослужебных; зная, что священники Казанской епархии обладают и знанием инородческих языков, и пастырскую ревностью к духовному просвещению своих прихожан; но полагая, что им, быть может, не достает только сноровки в этом деле, – решаюсь сообщить им некоторые, на опыте основанные соображения, убедительнейше прося принять мое усердное сообщение беспристрастно и благоснисходительно.

Всякая работа должна быть строго приурочена к своей цели, в этом только случае она будет целесообразна и полезна. Как портной или сапожник (извините за сравнение) шьет по мерке, снятой с того человека, для которого он берется работать кафтан или сапоги: так и инородческие переводы должны быть, так сказать, примерены к инородцам, т.е. точно соображены с мерою их разумения и с обычным характером их речи.

Мера инородческого разумения (я говорю о массе инородческого населения, чувашского и черемисского и т.п., на которую и должны собственно рассчитываться переводы) – самая малая, не выходящая из тесного круга простых бытовых отношений. Инородческое население, даже крещеное, за немногими исключениями, не знает, не пони-

Приложение 1

мает христианской веры, представляя ее в виде своего шаманства, да и вообще его религиозные понятия крайне скудны, ограничиваясь кое-какими суеверными обрядами, наследованными от глубокой старины. Мышление инородцев тоже весьма простое, незатейливое, чуждое сложной силлогизации и обширных логических построений; самая речь их – прямая, чуждая тонкостей, искусственности, отвлеченностей; обороты краткие, непериодичные.

Иному могут показаться сейчас представленные черты не интересными. Но под ними таится драгоценное сокровище: искренняя вера в Бога, религиозный страх, неспорченное сердце, смиренное сознание своей духовной нищеты. Все это в самом неразвитом, простом виде, но зато искренне и глубоко. Инородческое население – это, можно сказать, залежь, добрая почва, над которой стоит потрудиться в верной надежде на обильный плод. Благодать Божия и над этими простыми инородцами может исполнить возвещенное чрез Апостола Павла: «буяя мира избра Бог, да премудрая посрамит: и немощная мира избра Бог, да посрамит крепкая: и худородна мира и уничиженная избра Бог, и не сущая, да сущая упразднить» (1 Коринф. 1,27.28).

Трудящиеся над инородческими переводами и сочинениями должны снизить на степень инородческой простоты, чтобы их работа вышла в пору инородцам.

Инородцы не знают христианства; они не только не имеют понятия о догматах, о Свящ[енном] Писании, но не знают даже самых главных событий Свящ[енной] истории. Между тем у нас в церковных стихирах¹⁶ нередко находятся только краткие намеки на священные события или лица, или на слова Писания. Эти намеки понятны человеку, знакомому с Библией, а без знания слова Божия, без знания Св. истории они останутся невразумительными и недейственными, т.е. не произведут действия на ум и сердце. Поэтому буквальное переложение подобных текстов на инородческие языки было бы еще преждевременно. С инородцами надобно дело начать с начала, и на массу инородцев смотреть как на детей, которые собрались учиться и которым учитель должен преподавать элементарные знания, развивать их ум и воспитывать их религиозное чувство. Поэтому сначала нужно предложить инородцам главнейшие факты Св. истории – просто и ясно. Инородцы твердо веруют в Бога, видят

¹⁶ В православном богослужении – стихотворный текст, обычно приуроченный к стихам псалма.

Приложение 1

своими глазами мир, понимают, что этот мир и все, что в нем, сотворено Богом. Вот самое ясное и доступное для инородцев положение, которое и послужит исходным пунктом и прочным началом для уроков Св. истории, потому что порядок творения мира и человека будет разъясняем и подробным раскрытием уже известного им положения. Начатое таким образом изложение Св. истории, в последовательном порядке главнейших и существеннейших событий, шаг за шагом поведет инородцев к истории Новозаветной, к Иисусу Христу, земная жизнь которого должна быть изложена по Евангелию. Это изложение должно быть последовательное, а отнюдь не отрывочное; потому что отрывочные сведения, вне исторической связи, не привьются надлежащим образом к мысли инородцев, забудутся, пропадут бесследно. После Св. истории или совместно с ней должно быть представлено христианское нравоучение. Оно доступно, близко простому, искреннему сердцу, легко усваивается и сильно действует на чувство. Молитвы на первый раз должно избрать для перевода наиболее употребительные и доступные, или же, в случае затруднений, должно сопровождать их устными или письменными изъяснениями. Догматическое учение должно завершать этот инородческо-воспитательный план. Свящ. история приведет и к догматам.

Мышление инородцев самое простое, чуждое отвлеченностей, сложной силлогизации¹⁷ и обширных логических построений. Поэтому в изложении христианского учения не нужно вдаваться в богословские рассуждения и доказательства. Подобные доказательства уместны в науке, необходимы для умов, зараженных духом анализа и отрицания. Инородцы же, во-первых, ничего не сообразят в этих доказательствах, их неразвитое мышление не в состоянии даже следить за рядом силлогизмов и умозаключений; а во-вторых, они поверят всему на слово. Им требуется изложить ясно, прямо, просто, чтобы они только могли усвоить христианские догматы верующею мыслию. Однажды я читал вотяку-язычнику татарский перевод весьма назидательной статьи из творений Св. Тихона Задонского (этот вотяк свободно понимает по-татарски), в которой встречались специально-христианские понятия – искупление и тому подобн[ое]. Вотяк-язычник слушал с большим вниманием и даже умилился; и никаких возражений или сомнений он не высказал против читанно-

¹⁷ Здесь имеется в виду методика научного рассуждения, строящегося на посылах и проистекающем из них выводе.

го. Излагая инородцу Евангельскую историю, или о чудесах Христовых, было бы в высшей степени странно и совершенно неуместно доказывать подлинность евангельского текста, или возможность чудес. Они не критики, не рационалисты; они все будут слушать с верой и умилением, только излагайте им прямо и просто.

У нас в церковном и религиозном языке есть события, краткие названия, которые нам известны и ясны, напр., Предтеча или Креститель, Владычица, мученик и т.п. Но если эти слова буквально выразить по-инородчески, то инородцы не поймут, какие лица под этими названиями разумеются, для них надобно несколько подробнее изложить и наименовать самые лица. В катехизических объяснениях (по Начаткам¹⁸) попадают иногда слова технические, выражения сжатые. Например: Молитва Господня разделяется на призывание, 7 прошений и славословие. Это место нельзя перевести так кратко; потому что инородцы никак не поймут, что такое призывание. Для них нужно показать значение этого термина в примерах. В катехизисе говорится, что ко Св. причащению должно приготавливаться постом, молитвою, примирением с ближними и покаянием; и эти слова следует, в изложении на инородческих языках, истолковать так, чтобы инородцы видели самое исполнение этих действий; в чем состоит пост, как следует говеть, как и когда должно молиться, как каяться пред священником – духовным отцом своим в грехах.

Речь инородцев – прямая, чуждая отвлеченностей и искусственности. В русском языке, особенно в книжном, нередко встречаются отвлеченные выражения, напр. отглагольные имена действия (любовь, страх Божий, вера и т.п.) представляют как бы предметы, даже иногда олицетворяются, и им приписываются качества или действия как предмету или лицу. Но в инородческих языках действия выражаются прямо глаголами. Например, выражение: Живая вера, страх Божий, сердечная любовь к Богу суть условия благочестивой жизни, – было бы неловко перевести буквально, ему в переводе на инородческие языки нужно дать прямой оборот, вроде следующего: только человек, искренно верующий в Бога, боящийся Бога, от всего сердца любящий Бога, может быть благочестивым.

¹⁸ Имеется в виду книга «Начатки христианского учения, или краткая Священная история и краткий Катехизис».

Приложение 1

В церковных песнопениях, написанных поэтически, встречаются выражения фигуральные, – их нужно, по возможности, переложить на прямой смысл, иначе они останутся непонятными для инородцев.

Обороты инородческой речи – краткие, непериодические. Поэтому, если переводимый текст изложен длинными и очень сложными периодами, с множеством подчиненных предложений; то такие периоды нужно разложить на составные предложения, расположить эти предложения в естественном порядке, как мысли должны одна следовать за другою, или вытекать одна из другой.

В русских книгах нередко делаются применения к разным сословиям и состояниям, или положениям общественным, или занятиям и ремеслам, которых нет у инородцев по их простому, сельскому быту. Поэтому и рассуждения, и нравоучения, приуроченные к таким положениям, неуместно было бы перелагать на инородческие языки. Таких наставлений много находится в «Дне святой жизни». Самое начало этой книги: «ты называешься христианином» – в переводе на чувашский язык: «эзе христианин ятла» – очень странно; оно не хорошо потому, что слово ятла ставится за собственным именем, напр. Иван ятла; но, и кроме того, инородцы едва ли имеют обыкновение, подобно русским, называться христианами, они называются: чувашами, черемисами и т.д.; даже заглавие: «День святой жизни, или ответ на вопрос: как мне жить свято» – надлежало бы изложить проще, прямее, так чтобы инородец – читатель или слушатель сразу понял содержание и назначение книги. Одним словом, если бы из этой книги выбрать только то, что применительно к быту и положению инородцев, да изложить просто и ясно; то она составила бы для них поучительное и интересное чтение. А в настоящем виде перевода инородцы не понимают его и не могут им интересоваться.

Итак, при переводе или сочинении на инородческих языках нужно все свое внимание обратить на то, чтобы ход изложения был как можно проще, прямее, естественнее, объяснительнее и примененнее к быту, положению и пониманию инородцев. Приступая к переводу с готового сочинения или к самостоятельному сочинению, нужно поэтому представить себе, мысленно или на бумаге, текст в таком именно простом виде, как сейчас изложено.

Случалось мне видеть поучения в два столбца, на русском и на инородческом языке. Авторы ученые, очевидно, сначала составляют поучения по-русски; к сожалению, увлекаясь церковным витийством и богословской системой, они избирают иногда предметы, для них

Приложение 1

самих интересные, при их богословском и литературном образовании, но вовсе недоступные для инородцев, чуждых всякого образования; излагают со всеми приемами церковного красноречия классической эпохи, с[о] сложными и утонченными доказательствами, с искусственными украшениями слога. Если подобное поучение прочитать русским мужичкам, то и они ничего не поняли бы; что же должны вынести из подобного поучения инородцы, которые в христианстве понимают гораздо менее русских простолюдинов? Такая искусственность и мнимая высота совершенно неуместна. Лицам, свободно говорящим по-инородчески, я присоветовал бы прямо писать на инородческом языке, не излагая предварительно по-русски: мне думается, что это поставило бы их непосредственно в виду инородческой простоты, и предохранило бы от суетного красноречия и напыщенности. Но для кого непосредственное изложение на инородческом языке затруднительно, стесняя ход мыслей, тот пусть сначала напишет по-русски, только просто, безыскусственно.

Для соображения лицам, которые не особенно сильно владеют инородческими языками и даже вовсе не знают их, а имеют надобность или усердие заниматься инородческими переводами и сочинениями, расскажу, как я поступал в своих опытах изложения на языке чувашском, вотяцком и горно-черемисском. Чувашский язык мне мог быть еще доступен, по его близкому сходству с татарским, но и на чувашском языке я далеко не способен писать самостоятельно; а о черемисском и вотяцком языках я даже никакого понятия не имел. Поэтому я пользовался помощью природных: чувашина, черемиса и вотяка, достаточно понимающих русскую речь, по крайней мере разговорную. Вот я собрался излагать рассказ из Св. истории по-вотяцки. Со мной сидит вотяк. Для такого сотрудничества нужно выбрать человека толкового, любознательного, а лучше – набожного, который бы готов был сидеть с вами часы и дни для Бога и спасения своей души и понимал бы серьезность и духовную пользу этого дела. Мне удавалось иметь инородцев-сотрудников именно таких качеств. Итак, начинаю: я диктую своему вотяку по-русски, словами простыми и определенными, предложениями краткими. Говорю одно предложение, он перелагает его на свой родной язык – я пишу. Я говорю по-русски другое предложение, он говорит его по-вотяцки – я пишу, и так далее. Если бы все вдруг рассказать по-русски, хотя бы даже самым простым языком; то инородец хорошо и последовательно не усвоил бы сразу и не мог бы удовлетворительно воспроизвести цельный рассказ. А по

Приложение 1

предложениям ему не составит труда передавать на своем языке одно предложение за другим. Написавши таким образом несколько строк, некоторую, довольно цельную, часть повествования, я снова, в связи уже, перечитываю написанное своему сотруднику. Иногда отдельные предложения бывают построены удачно и правильно; но в общей сложности, во взаимной связи они кажутся нескладны; это всегда легче может обнаружиться при чтении всего к ряду. Тут нескладница сразу бросится в глаза, как фальшивый звук при последовательном пении какой-нибудь пьесы. Сначала я настаиваю на ясности, на понятности; потом добиваюсь того, чтобы наше изложение было складно: как сами инородцы рассказывают что-нибудь им известное, пусть чтобы было складно, правильно по языку и наше писание. Иногда мой сотрудник при этом кое-что и изменял. Не зная языка, я, разумеется, верил на слово своему толмачу. На первых порах работа шла весьма туго, медленно; мы еще не приновились друг к другу; для меня язык – темный лес, а сотрудник мой впервые занимается переводным делом. Но впоследствии дело становится легче; мало-помалу я затверживаю некоторые слова, осваиваюсь с этимологическими формами; потому что в рассказах, обыкновенно, повторяются одинаковые обороты и те же слова, – они сами собой входят в память. Когда какое-нибудь русское выражение затрудняло моего сотрудника, по новости для него предмета; тогда я предлагал ему такое же по грамматическому составу выражение о простом предмете, ему доступном, которое, следовательно, он легко мог формировать на своем родном языке; а я применял этот оборот к данному случаю и месту. Ознакомившись отчасти с формами языка и втянув своего сотрудника в понимание дела, я от времени до времени снова прочитывал зады¹⁹, все сначала; тут еще усматривались и исправлялись нескладницы и неисправности. Иногда я читал свою работу посторонним инородцам. Но собственно для перевода нужно иметь одного постоянного сотрудника, потому именно, что один инородец удобнее привыкнет и к вашей манере, и к переводному делу, а с новичком заниматься весьма неудобно, придется опять потерять много времени, чтобы приучить его к работе. А посторонним, и притом разным, инородцам полезно прочитывать готовый уже перевод или изложение, чтобы более увериться в понятности изложения.

Я еще заметил следующее явление. Читайте чувашу или черемису «День святой жизни» в существующем переводе на родном его

¹⁹ Т.е. окончания.

Приложение 1

языке; он выслушает тупо, пассивно и не сделает никаких возражений, потому что решительно ничего не понимает, не за что ему и прицепиться своим соображением. Но когда вы прочитаете инородцу изложение, вообще доступно сделанное, но в котором есть частные недостатки и нескладицы, инородец поймет содержание, и неудачные частности заметит, и сделает на них свои возражения, и предложит свои поправки. Это подобно тому, как если вам напишет простолюдин письмо, толково и последовательно, но безграмотно относительно грамматики; вы сейчас можете поправить его грамматические ошибки. Поэтому, в переводах или изложении на инородческих языках, устроить надлежащим образом общий ход рассказа или размышления – есть дело ваше – переводчика, а частные ошибки против этимологии и отчасти против синтаксиса, или некоторые неудачно поставленные слова легко могут заметить, правильнее – почуять и исправить – инородцы.

Я делал еще такой опыт: заставлял инородцев, хорошо знающих русский язык, переложить какой-нибудь рассказ с русского на свой язык. Оказалось, что инородцы не могли совладать с русским оборотом и впадали в руссизмы. Нужно много руководить инородца, чтобы он сам мог делать удовлетворительные переводы. Гораздо удобнее инородец может изложить что-нибудь прямо на своем языке. Для этого, разумеется, необходимо ему предварительно узнать христианское учение и усвоить его до такой степени, чтобы он мог написать уже самостоятельно, не заглядывая в русскую книгу. Итак, при переводах христианских книг на инородческие языки, при теперешнем, невысоком состоянии христианского образования и понимания в среде инородцев, необходимо взаимодействие русских и инородцев, и притом русские должны быть направляющими, активными, а инородцы – воспринимающими, пассивными.

При знании русским переводчиком инородческого языка, конечно, работа пойдет скорее; но кто, и при знании языка, впервые принимается за переводы и т.п., то и ему нужно упражнение, чтобы набить руку. Поэтому и знающим инородческие языки можно посоветовать начать дело с перевода или изложения простых рассказов и Священной истории, а отнюдь не покушаться еще на переводы догматических или церковно-богослужебных текстов. Последние особенно трудны к переводу на инородческие языки; до этой степени умения нужно еще доходить немалым занятием более доступными текстами. Наконец, когда вы достаточно овладеете искусством пере-

Приложение 1

водить или излагать на инородческих языках, и тогда не следует слишком полагаться на свое знание, а всегда следует проверять свой труд посредством природных инородцев. При этом должно иметь такую предосторожность: если изложение назначено для элементарного ознакомления инородцев с[о] Св. историей или с катехизисом и т.п., то отнюдь не вдавайтесь, в подмогу уразумения инородцев вашего изложения, в дополнительные устные объяснения: устными объяснениями будет замаскирована или прикрыта неясность письменного изложения. Другое дело – если самый состав и назначение переводимого текста не допускают элементарной ясности и подробности в изложении, как, например, в молитвах.

Итак, первое дело в переводах и изложении на инородческих языках есть ясность и складность. Когда нескладным или неясным, ломаным языком рассказывают о каких-нибудь предметах и нуждах обыденной жизни, тогда еще можно понимать рассказ, хотя все-таки неприятно слушать речь на своем ломаном языке. Речь невнятная и изложенная неясно, неправильным языком, требует со стороны слушающего усилия или напряжения мысли, чтобы догадаться, что хочет сказать говорящий. Поэтому неправильная речь допустима еще в предметах наглядных, близких, обыденных. Но когда идет речь о предметах совершенно новых, каковы для инородцев предметы религиозные, христианские; тогда изложение должно быть правильное, определенное, точное, согласное с духом и складом языка. В противном случае это изложение или останется непонятым инородцами, или, что еще хуже, поведет их к ложным догадкам и представлениям.

Как не существенны в переводе религиозных книг ясность и складность изложения; но ими дело не оканчивается. Нужно еще так изложить, чтобы инородцы, слушая или читая ваше изложение, прониклись серьезностью и благоговением. Инородцы – новички в христианстве, они не имеют в нем сознательного убеждения и понятия. Ваше изложение впервые будет знакомить их с христианским учением. Поэтому случайную ошибку переводчика они могут приписать самому христианству. Первые впечатления обыкновенно бывают сильны и влиятельны. Если бы перевод или изложение каким-нибудь неудачным словом или выражением ввели инородца в смех, или скандализировали его, то это было бы весьма неблагоприятно для христианского дела. Серьезность и благоговейность тона не требуют какого-нибудь красноречия или высоты выражений, они совместимы с простотою языка. В простом разговорном языке есть материалы разных

тонов – благородные, грубые и т.д. В этом отношении русскому человеку, для которого инородческие языки чужие, никак нельзя полагаться на свое знание, как бы оно ни было основательно. Во всяком языке, даже, по-видимому, самом грубом, есть свои выражения и манеры приличные, почтительные, деликатные, сущность и значение которых ощутимы только для своих природных людей, а не для чужих; и в разных языках такие выражения и способы разные. Напр., у нас назвать человека по имени и отчеству составляет вежливость и почтительность, а у инородцев отчество составляет не более как определение происхождения. Поэтому, если инородец величает себя по отчеству на вич, это нисколько не доказывает его самолюбия; и наоборот, если он назовет вас без отчества, это не показывает его неуважения к вам. У нас вежливость требует обращаться на вы, а у инородцев (равно как и у русских крестьян) просто обращаются на ты, но почтительность выражают какими-нибудь другими способами, которые для нас неосязательны. Так и в словах и оборотах есть хорошие, вполне благоприличные, с которыми инородцы привыкли соединять впечатление доброе, назидательное, а есть и дурные, с которыми соединено представление противоположного свойства. Во всяком случае, на человека родной язык действует прямо, непосредственно, тогда как чужой человек может добираться до значения слова по соображению, т.е. более хладнокровными сторонами. Тут самое безопасное – руководствоваться натуральным чутьем природных инородцев, а не своим знанием. До понимания таких тонкостей знание чужого языка едва ли и возможно, тогда как природный человек сразу чувствует всю глубину родного выражения. Я, по крайней мере, хотя давно уже занимаюсь татарскими переводами и могу делать их довольно скоро, но доселе не решаюсь, да и впредь не намерен рисковать – пускать в ход свои переводы без предварительной проверки их чрез природных, крещеных татар. Вообще сила непосредственного понимания или, правильнее, чутья в родном языке действует решительно и безошибочно, хотя бы и безотчетно. Иногда затрудняешься в выражении, припоминаешь грамматические правила и не можешь ничего придумать; а инородец, не ломая головы, выскажет оборот, такой простой и вместе логичный, что стоит полюбоваться. – Опять скажу, что простота языка не нарушает высоты христианского учения, как некоторые, быть может, полагают. Высота христианского учения так существенно ему присуща, что чем проще оно выражается, тем поразительнее его божественное достоинство. С другой стороны, напрасно некоторые

Приложение 1

народный язык смешивают с языком так называемым площадным и потому считают его недостойным и неспособным выражать религиозные понятия. Это – могу уверить – предубеждение, совершенно ошибочное, несправедливое. Когда простой человек рассуждает о каком-нибудь серьезном предмете, он находит во всем народном языке выражения достойные, очень почтенные. – Удовлетворительность перевода или изложения, в этом смысле, можно испытать чрез чтение его инородцам: если оно приводит инородцев в настроение серьезное, сосредоточенное, умиленное, это значит, что перевод хорош; а если инородцы слушают его вяло, тупо, или даже смеются, то это дает понятие недоброкачественность перевода.

Изложенные доселе соображения суть не более как практическое, так сказать, изложение или разъяснение качеств и приемов, указанных Братству св. Гурия в Высочайше утвержденных правилах об издании православных книг на инородческих языках. В этих правилах, между прочим, постановлены следующие качества инородческих переводов (в отношении языка): «б) общедоступность, т.е. правильность и народность языка, и в) изложение перевода такое, чтобы оно возбуждало в инородцах представления и чувства благоговейные и назидательные». Для выполнения этих качеств упомянутые правила обязывают обращаться к природным инородцам и прочитывать им изготовленные переводы (см. Известия [по] Каз[анской] епархии, за 1868 г., стр.308).

Занимаясь, для опыта, переложением на языки чувашский, вотяцкий и черемисский, я заметил большое сходство внутреннего значения форм и синтаксического построения в этих языках с татарским. Знание татарского языка значительно облегчало мне это переложение: диктуя своим инородческим сотрудникам переводимый или излагаемый текст по-русски, я старался формулировать его, по возможности, на татарский лад, и оказывалось, что наиболее характеристичные татарские обороты, которыми татарский язык резко отличается от русского языка, всегда почти буквально передавались на другие инородческие языки. Грамотные чуваша и вотяки, знающие хорошо татарский язык, свободно перелагали наши крещено-татарские переводы на свои родные языки, держась буквально того же изложения, но прямо с русского языка переводить они были бы не в состоянии. Это практическое наблюдение объясняется наукой. В науке языки, подобно растениям или животным, распределяются на семейства или классы. В числе этих семейств находится так называемое урало-алтайское,

Приложение 1

в котором заключаются (как виды в естественно-исторических родах) группы: тюркская (турецко-татарская) и финская. Языки черемисский и вотяцкий (мордовский также) относятся к финской группе; чувашский язык составляет, по-видимому, что-то среднее между финскими языками и турецко-татарским, приближаясь более к последнему. Таким образом, во всех этих языках, при разнообразии этимологических форм и отдельных слов, внутренний смысл и сущность этих форм почти совершенно одни и те же, даже значение слов, в отношении группировки понятий, иногда поразительно сходно; синтаксическое построение речи, т.е. состав предложений и т.п., тоже весьма сходно, так что буквальный перевод с одного языка на другой, не только в одной группе, но и в разных группах того же семейства, в общем будет понятен и удовлетворителен, за исключением только некоторых частностей. Поэтому достаточно узнать основательно внутреннее устройство одного из многочисленных языков урало-алтайского семейства, чтобы иметь понятие о внутреннем устройстве и прочих языков того же семейства. Наприм., если язык тунгузский²⁰, в восточной Сибири, относится к этому семейству; то уже заочно можно положительно утверждать (на основании татарского или черемисского и т.п. языков), что в нем нет родов, предлоги ставятся не пред именами, а после имен, прилагательные, стоя пред существительными, не изменяются ни в числе, ни в падеже и т.д. Между тем русский или церковнославянский язык, с которого мы делаем свои переводы на языки инородческие, относясь к другому семейству (индоевропейскому), совершенно резко отличается от урало-алтайских языков, и равномерно далеко стоит как от татарского, чувашского, так от черемисского, вотяцкого и проч. Поэтому, если перевести с любого инородческого языка совершенно буквально на русский, то это будет совершенно странно и даже непонятно; так и наоборот, буквальный перевод с русского языка на любой инородческий будет также непонятен и дик для инородцев. Это именно недостаток, т.е. буквальное соблюдение русской конструкции, русских оборотов, господствует в упомянутых переводах «Дня святой жизни» и «Начатков» и делает их бесполезными, не достигающими цели.

Кажется, европейские языки гораздо более обособились и отошли друг от друга в построении речи, нежели татарские, финские и вообще урало-алтайские в отношении один к другому.

²⁰ Речь идет об эвенкийском языке.

При переводе поэтому с русского языка на какой бы то ни было инородческий язык первое дело состоит в знании и наблюдении законов внутреннего устройства этого языка. Когда перевод в этом отношении исправен, он будет непременно ясен и определен. Каждый язык подразделяется на местные говоры, отличающиеся один от другого звуками, иногда некоторыми этимологическими формами и немногими словами. Эта внешняя сторона составляет уже второстепенную важность, в том смысле, что хорошо сделанный по внутреннему складу перевод будет понятен для всех говоров; каждый говор может легко приноровить его к себе. Но самое точное соблюдение местных оттенков внешних не даст переводу ясности, если не соблюдены законы внутреннего устройства языка. Законы внутреннего устройства урало-алтайских языков, столь отличные от русского языка, столь своеобразные, однако же, немногосложны и весьма логичны и последовательны. В них нужно только вдуматься, усвоить их основания. Как лучшее пособие к этому я бы посоветовал внимательно прочитать «Граматику монгольско-калмыцкого языка» покойного А.А.Бобровникова²¹, которая продается в Казанской академии. Эта книга основательно и подробно, систематически излагает (в своей синтаксической части) именно законы внутреннего склада и построения монгольской речи; а так как монгольский язык относится к одному семейству с языками татарскими и финскими, то сочинение Бобровникова значительно разъясняет внутреннее устройство и этих языков. Я знаю, что оно было в этом отношении полезно для алтайской миссии (алтайский язык есть один из членов татарской группы). Эту же книгу я давал прочитать покойному Алексею Гавриловичу Канцеровскому, который отлично говорил по-черемисски, но существа черемисского языка не понимал, написал черемисскую грамматику по системе русской грамматики Греча: прочитавши внимательно грамматику Бобровникова, он стал совсем иначе смотреть на черемисский язык. Тому, кто уже практически овладел инородческим языком, – а таких немало в числе духовенства Казанской епархии, – придется подвергнуть пересмотру известный уже ему материал с новой точки зрения. Это дело не слишком трудное и, во всяком случае, приятное и необходимое.

²¹ Алексей Александрович Бобровников (1821–1865) – известный миссионер-монголовед, первый заведующий миссионерским противобуддийским отделением КазДА, близкий друг и сподвижник Н.И.Ильминского, автор ряда классических трудов по монголоведению.

Приложение 1

Со своей стороны изложу здесь несколько кратких замечаний о тех сторонах инородческого словосочинения, которыми оно особенно резко отличается от русского языка.

Инородческие языки имеют свои особые способы подчинения зависящих предложений главному. В русском языке играет большую роль относительное местоимение (который), а в инородческих языках относительного местоимения вовсе нет. И потому довольно часто встречающийся в прежних переводах оборот с относительным местоимением есть положительная фальшь, неправильность. А что в чувашской и черемисской грамматиках, изданных в Казани в 30-х годах, написаны относительные местоимения: чувашское хуж, черемисское куда, маня, то это ошибка: это местоимения вопросительные, которые попали в разряд относительных по недоразумению. Кстати скажу, что вообще полезно как можно меньше руководствоваться этими грамматиками.

Кроме относительного местоимения в русском языке подчиненные предложения соединяются с главным посредством союзов; в инородческих языках подобных союзов нет или весьма мало.

Как же инородцы поступают в составлении периодической речи? – Предложения определительные, т.е. в которых стоит относительное местоимение, они сочиняют как отдельное прилагательное имя, а предложения, подчиненные посредством союзов что, когда, поелику и т.п., подчиняют главному предложению посредством падежей, отвечающих по своему значению логическому отношению зависящего предложения к главному в данном случае. Для этого можно руководствоваться следующим механическим правилом: если зависящее предложение сказуемым имеет глагол, то этот глагол обращается в причастие, а если сказуемое есть имя прилагательное, то оно остается без перемены, только сказуемое во всяком случае должно стоять в конце зависящего предложения; после этого если зависящее предложение есть определительное (т.е. с местоимением который), то его просто ставьте пред определяемым именем; а если предложение подчиненное, т.е. такое, которое по-русски имеет в себе союз, то к нему приставляется падежное окончание, как к простому имени. Кроме того, в инородческих языках имеют большое употребление деепричастия. Но так как эти инородческие способы на первый раз довольно замысловаты, то при первоначальном упражнении в переводах полезнее держаться кратких, простых предложений. Для этого нужно длинные и сложные русские периоды разлагать на составные предложе-

ния, расположить эти предложения в порядке естественного хода действий и потом перелagать как самостоятельные.

В существующих (т.е. неудовлетворительных) переводах нередко встречаются союзы или прямо русские, или составленные по образцу русских (наприм., *омба што, тыданъ доно шта* – буквальный перевод русского потому что). Эти союзы чужды, несвойственны инородческим языкам, и их полезнее избегать. Как чужие, непонятные для инородцев, подобные союзы нисколько не определяют и не уясняют соотношения мыслей, и потому составляют бесполезный груз в переводах.

Часто и характеристично употребляется в инородческих языках предложение вставочное с глаголом говорить (дискать); такие глаголы: в татарском *ди*, в чувашском *те*, в черемисском *ман*, в вотяцком *шу*. В латинском им соответствует глагол *inquam*.оборот с этими глаголами во всех инородческих языках тождественный, придающий им естественную простоту и – так сказать – некоторую наивную прелесть, употребляется, когда передается речь, мысль, намерение, желание, опасение, приказание, просьба и проч. и проч. Слова приводятся в такой вид, как они сказаны или задуманы, и замыкаются глаголом дискать, который ставится в деепричастии, или в каком угодно времени и наклонении. Иные из русских не одобряют этого оборота, соблазнясь соответствием его простонародному русскому обороту, отвергаемому языком литературы и образованного общества. Но у инородцев этот оборот любимый и совсем не пошлый; кроме того, он придает речи определительность и ясность; а потому и в переводах он должен иметь полное и достодожное употребление.

Общий закон словорасположения – всякое зависящее или дополнительное слово ставится пред управляющим, а не после [н]его, как в русском; поэтому глагол стоит в конце предложения. Если против этого бывают изъятия в разговоре, то в обдуманном изложении о серьезных предметах лучше держаться общего правила.

В этимологии характеристичны притяжательные окончания, которые в черемисском языке явны, а в чувашском довольно замаскированы, но обнаруживаются в дательном и винительном падеже. В чувашской грамматике безразлично поставлены, в склонении имен халыга и халыгне, козя и козне. В этих формах разница такая: халыга, козя просто дательный и винительный падеж, в халыгне, козне заключается притяжание, и именно 3-го лица. Вообще, не овладевши сущностью притяжательных окончаний, можно спутывать лица и

Приложение 1

вводить посредством фальшивого их употребления инородческих слушателей в ошибочное понимание.

Кстати упомянуть, что в черемисской грамматике во всех примерах склонения имен, для обоих чисел, приводится форма звательного падежа на ем: килем – о струна, юкем – гласе, вувем – о голова и т.д. Это неправильно. Звательный падеж особого окончания не имеет: здесь это ем есть не что иное, как притяжание 1-го лица: килем собственно значит – мая струна, юкем – мой голос и т.д. Совпадение этого притяжания с[о] звательным падежом совершенно случайное и имеет, кроме притяжания, оттенок любви и ласки, и потому нужно разграничивать, а не прилагать это окончание во всяком случае к звательному падежу; например: поди сюда, сын! Хорошо перевести по-черемисски тол эргем = поди сюда, сын мой (равносильно ласковому слову: сынок), а если бы звательный Сыне Божий перевести юман эргем, то это была бы бессмыслица.

В отношении выбора слов, мне кажется, надобно быть осторожным в употреблении языческих названий в речи о предметах христианских. Так, напр., черемисы в некоторых местностях Уржумского и Царевококшайского уездов Божию Матерь, пресвятую Деву Марию называют Шочмо Абя или Куго шочмо Абя; но это название шочмо абя в их языческой мифологии означает какие-то божества женского пола. Поэтому, я полагал бы, что приписать тоже название Божией Матери значило бы смешивать понятия и относить лицо пресвятой Девы к разряду каких-то воображаемых богинь черемисских. По моему мнению, лучше передать так: Юманъ абяже.

Так как я не грамматику пишу, то и ограничиваюсь этими немногими и краткими замечаниями, посредством которых я желал бы только содействовать установлению правильной точки зрения, существенному пониманию инородческих языков лицами, для которых это нужно по обязанности службы, или интересно и желательно по любознательности.

Возвращаясь к главной цели настоящей своей заметки – к инородческим переводам или сочинениям как действительному и необходимому орудию христианского просвещения инородцев в связи с обучением в школах, позволю себе повторить следующие соображения. В случае крайней необходимости и незнающий инородческого языка может приступить к переводам при помощи инородца, знающего по-русски. Этот перевод, конечно, будет неудовлетворителен, как

Приложение 1

черновая, первоначальная работа, но он даст повод и случай постепенно ознакомиться с инородческим языком, выработает переводческую опытность и умение, знание дела, воспитает и инородца-сотрудника, доведя его до отчетливого знания христианских предметов. Перевод, сделанный в состоянии неопытности, впоследствии может быть исправлен и доведен до достаточного совершенства теми же лицами. Лицам же, уже знающим практически инородческие языки и умеющим бойко объясняться на них, но не имеющим правильного теоретического понятия о законах этих языков, да даже и знающим их теорию, я бы посоветовал не слишком полагаться на свое знание и постоянно проверять свои переводы чрез самих инородцев, для которых они трудятся. Русский переводчик всегда будет подлежать влиянию своей русской мысли, своего русского языка, и никогда не войдет в дух и склад инородческих языков, слишком своеобразных, настолько, сколько это нужно для полного успеха в переводном деле. Инородцы в своем родном языке, конечно, не имеют научного, теоретического знания, но они натуральным чутьем поймут и определят, что нужно. Инстинктивное понимание или ощущение силы и тонкостей родного языка тем цельнее, вернее и чище, и, следов[ательно], тем авторитетнее, чем менее инородец знаком с русским языком.

Я, впрочем, должен сказать, что абсолютное совершенство недостижимо, да и относительного-то совершенства не сразу, нескоро можно достигнуть. На первый раз достаточно, если переводы будут по своему складу и составу общепонятны и просты, хотя бы и не чужды частных недостатков. Они и в этом несовершенном виде возбуждают умственную деятельность инородческого населения, впоследствии могут улучшаться и исправляться в следующих изданиях, а наконец, когда чрез эти переводы и образование инородцы разовьются и сознательно утвердятся в христианском учении, они сами могут продолжить и усовершенствовать способы своего образования, так как это дело всего ближе касается их, и притом с самой существенной стороны – духовной.

Источник: ГА РТ. Ф.968. Оп.1. Д.14. Л.13–24 об. (подлинник).

Ранее опубликовано: О переводе православных христианских книг на инородческие языки. Практические замечания Н.Ильминского. – Казань, 1875. – С.3–26.

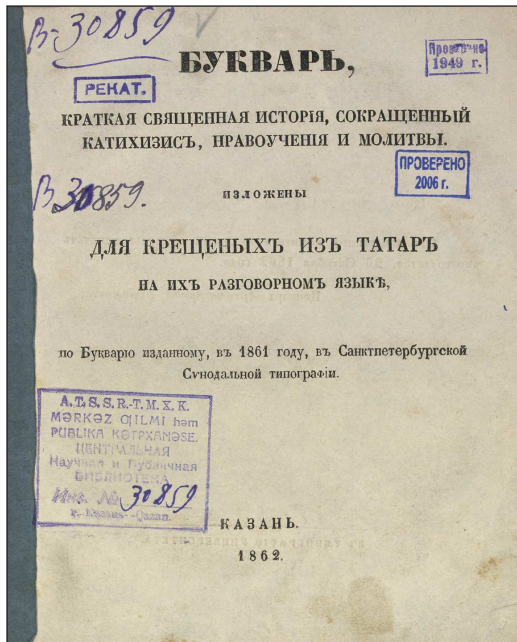
**Кириллические издания на татарском языке 1862–1914 гг.
(Из фондов Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского
Казанского федерального университета).
Аннотированный справочник**

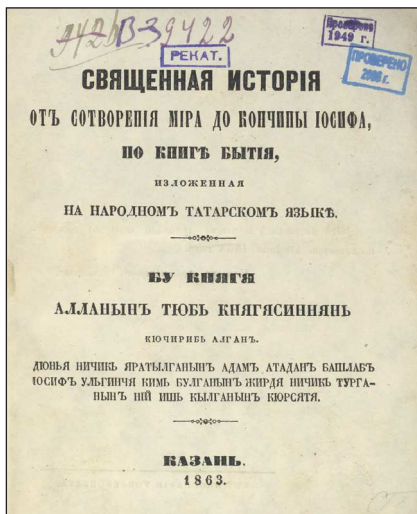
1862 г.

1. Букварь, краткая Священная история, сокращенный Катехизис, нравоучения и молитвы изложены для крещеных из татар на их разговорном языке, по букварю, изданному в 1861 году, в Санкт-Петербургской синодальной типографии. – Казань: в Университетской типографии, 1862. – 63 с.

Формат (ширина и высота книжного блока): 13,3–16,2 см.

Учебное пособие, в котором впервые был представлен татарский кириллический алфавит, разработанный профессором Казанского университета, тюркологом и православным просветителем Н.И. Ильминским для обучения крещеных татар. Книга состоит из следующих разделов: алфавит, слоги, рассказы для чтения религиозно-нравственного содержания. Подготовлена и издана на средства Н.И. Ильминского.

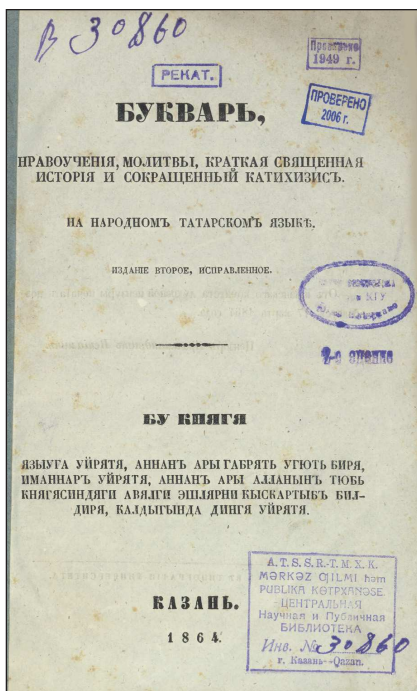

1863 г.

2. Священная история от сотворения мира до кончины Иосифа, по Книге Бытия, изложенная на народном татарском языке. Бу князя Алланын туб княгясиньян кучереб алган. Дюнья ничик яратылмаганын Адам атадан башлаб Иосиф ульгинчя ким булганын жирдя ничик турганын иш кылганын кюрсят. – Казань: В типографии университета, 1863. – 137 с.

Формат: 15,2–12 см.

Одна из первых переводных работ профессора Казанского университета и КазДА Н.И. Ильминского на татарском языке в кириллической графической системе. В книге представлены рассказы из Ветхого Завета.

1864 г.

3. Букварь, правоучения, молитвы, краткая Священная история и сокращенный Катехизис на народном татарском языке. Издание второе, исправленное. Бу князя язуга уйрятя, анан ары габрат угют биря, иманнар уйрятя, аннан ары Алланын туб княгясиндяги авялги эшлярни кыйскартыб билдеря, калдыгын да дингя уйрятя. – Казань: В Университетской типографии, 1864. – 54 с.

Формат: 12–19 см.

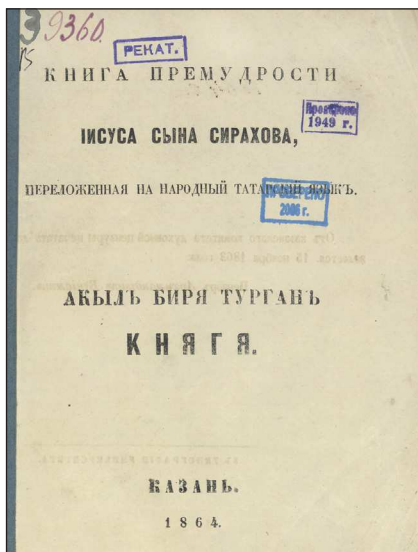
Значительно доработанное и исправленное издание Букваря 1862 г. (см. работы за 1862 г.).

Приложение 2

4. Книга премудрости Иисуса сына Сирахова, переложенная на народный татарский язык. Акыл биря турган князя. – Казань: В типографии университета, 1864. – 99 с.

Формат: 12,8–15,2 см.

Перевод одной из частей Ветхого Завета – книги премудрости Иисуса сына Сирахова, содержащей учение о премудрости божественной в ее проявлениях в мире и человеке, и о благодарованной мудрости человеческой в применении к различным обстоятельствам и случаям жизни человека. Книга снабжена вводной частью, подготовленной Н.И. Ильминским (Кадирли укучыга бу княгяни укыр алдыннан билгили былсын диб шушлай айтяз) с его пояснениями о значении данного издания.

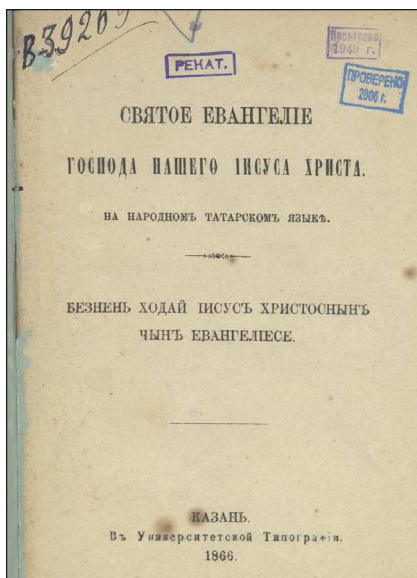

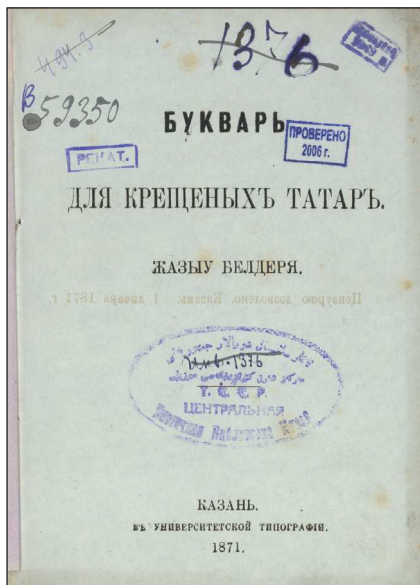
1866 г.

5. Святое Евангелие Господа нашего Иисуса Христа на народном татарском языке. Безнен Ходай Иисус Христоснын чын Евангелиесе. [Матфей жазаган Евангелие]. – Казань: в Университетской типографии, 1866. – 88 с.

Формат: 12,2–16,3 см.

Перевод Евангелия от Матфея – первой книги Нового Завета, осуществленный профессором КазДА Н.И. Ильминским при участии руководителя КЦКТШ В.Т. Тимофеева. Книга посвящена жизни и учению Иисуса Христа. Считается одним из центральных произведений христианско-го вероучения.

1871 г.

6. Букварь для крещеных татар. Жазыу белдеря. – Казань: В Университетской типографии, 1871. – 32 с.

Формат: 12,5–16,2 см.

Учебное пособие для крещено-татарских начальных школ, подготовленное профессором КазДА Н.И. Ильминским. Состояло из следующих разделов: алфавит (с. 3), слоги (с. 4–7), краткие рассказы для чтения (религиозно-нравственного содержания) (с. 8–19), цифры на татарском языке (с. 19), русские алфавит, слоги и слова (с. 20–22), цифры на русском языке (с. 22–23), цифры на церковно-славянском языке (с. 23–24), краткий татарско-русский словарь (с. 25–28), чистописание (с. 29), славянская азбука (с. 31), указатель сокращаемых церковно-славянских слов (с. 32). Издание Переводческой комиссии при Братстве св. Гурия.

1872 г.

7. Первоначальные уроки русского языка для татар. Урысчага ѳйраткечь. – Казань: В Университетской типографии, 1872. – 31 с.

Формат: 11–16 см.

Учебное пособие для изучения русского языка для начальных крещено-татарских школ, составленное Н.И. Ильминским. Включало в себя 30 уроков и контрольные вопросы к ним. Тексты представлены параллель-

Приложение 2

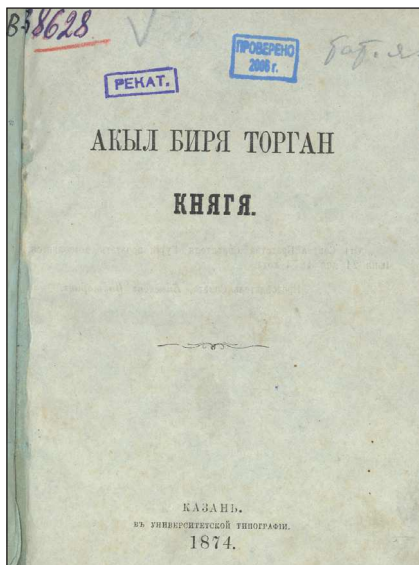
но на русском и татарском языках. Издание Переводческой комиссии при Братстве св. Гурия.

1874 г.

8. Акыл биря торган князя [Книга, дающая знания]. – Казань: В университетской типографии, 1874. – 64 с.

Формат: 11–15 см.

Сборник рассказов религиозно-нравственного содержания, поучений, православных молитв. Книга подготовлена директором КУС Н.И. Ильминским. Издание Переводческой комиссии при Братстве св. Гурия.

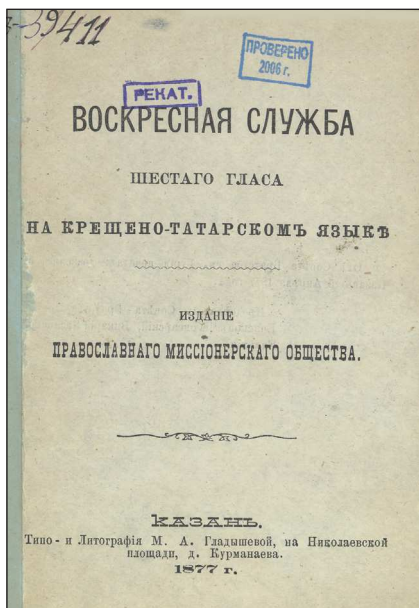

1877 г.

9. Воскресная служба шестого гласа на крещено-татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография и Литография М.А. Гладышевой, в Казани, 1877. – 56 с.

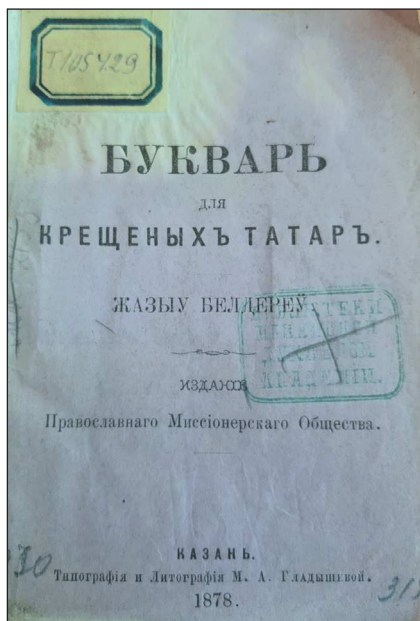
Формат: 10–15,1 см.

Перевод православного богослужения (гласа), включающего в себя следующие молитвенные песнопения: *Воскресная песнь по Евангелии «Воскресение Христова видевше», Тропарь (стихира) Святому Духу «Царю Небесный», Стихира «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небеси», Погребальная стихира «Зряще мя безгласна», Ирмосы канона «Яко по суху пешешествовав Израиль» (6-я песнь «Житейское море»)*. Перевод осуществлен под

Приложение 2

общей редакцией директора КУС Н.И. Ильминского, преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

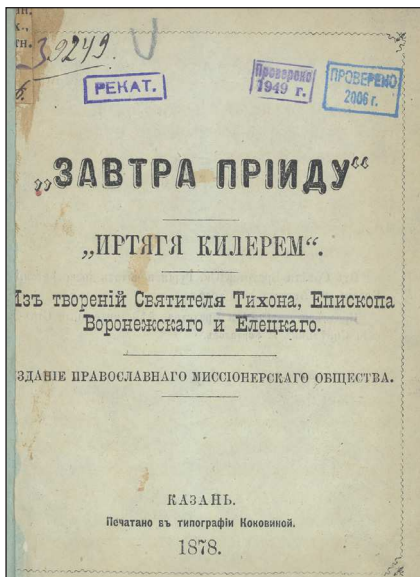

1878 г.

10. Букварь для крещеных татар. Жазыу белдереу. Издание Православного миссионерского общества – Казань: Типография и Литография М.А. Гладышевой, 1878. – 32 с.

Формат: 12,5–16,2 см.

Учебное пособие для обучения чтению на татарском языке. Включало в себя: алфавит, татарские слоги, короткие рассказы для чтения религиозно-нравственного содержания. Книга подготовлена директором КУС Н.И. Ильминским. Издание ПК ПМО.

11. «Завтра приду». «Иртягя килерем». Из творений святителя Тихона, епископа Воронежского и Елецкого. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: печатано в типографии Коковиной, 1878. – 9 с.

Формат: 11–14 см.

Перевод популярной в до-революционной России агиографической работы, посвященной жизни крупнейшего русского православного просветителя XVIII в., «Задонского чудотворца», епископа Тихона. Перевод осуществлен под общей редакцией директора КУС Н.И. Ильминского, преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

1879 г.

12. Акыл биря торган князя. [Книга дающая знания]. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография А. Коковиной, 1879. – 64 с.

Формат: 10,5–13,4 см.

Переиздание сборника 1874 г. (см. работы за 1874 г.). Издание ПК ПМО.

13. Иман княгясе. Молитвенник. На татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография Коковиной, 1879. – 79 с.

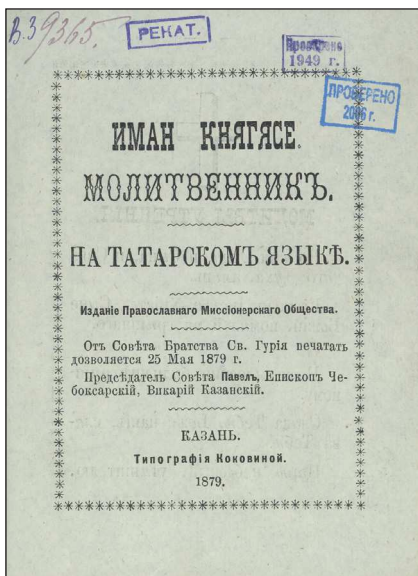
Формат: 10–13,5 см.

Перевод православного молитвослова, содержащего в себе утренние и вечерние молитвы, а также правило ко Святому Причащению. Сборник снабжен ирмосами на Рождество Христово, 1-го гласа, а также месяцесловом. Основная часть молитв представлена на двух языках – справа русский, слева татарский текст. Перевод осуществлен под общей редакцией директора КУС Н.И. Ильминского, преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

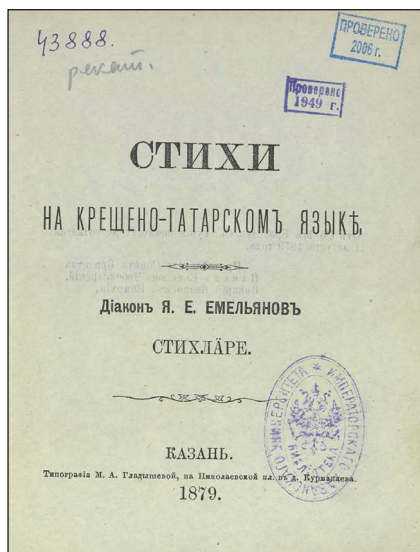
14. Последование Пасхи. Оло кён иманнары. – Казань: Тип. М.А. Гладышевой, Ник. пл. д. Курманаева, 1879. – 91 с.

Формат: 10,7–16,4 см.

Перевод православного богослужения, совершаемого в день Пасхи (последования вечер-

Приложение 2

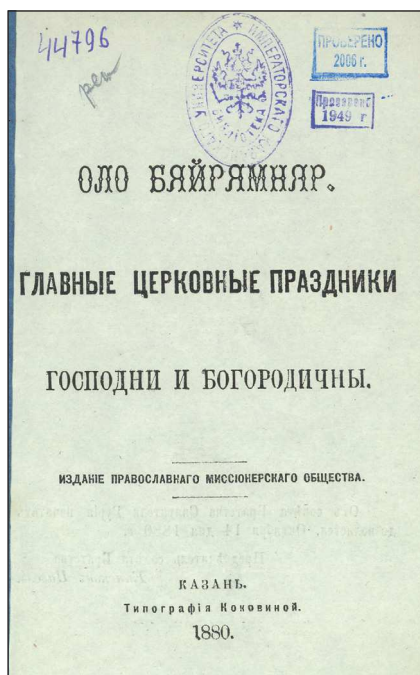
ни, утрени, часов и обедницы от-
дания праздника Пасхи). Перевод
осуществлен под общей редакци-
ей директора КУС Н.И. Ильмин-
ского, преподавательским соста-
вом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

15. Стихи на крещено-та-
тарском языке. Дьякон Я.Е. Еме-
льянов стихла́ре. – Казань: Ти-
пография М.А. Гладышевой, на
Николаев. Пл., в д. Курманаева,
1879. – 37 с.

Формат: 11,5–14,5 см.

Сборник стихотворений
классика татарской литературы,
выпускника КЦКТШ Я.Е. Емелья-
нова. В книгу вошли 11 стихот-
ворений, написанных автором
в 1870-х гг., различающихся по
жанровому содержанию и стилю.
Одно из немногих оригинальных
художественных изданий на та-
тарском языке, выпущенных ПК
ПМО.

1880 г.

16. Оло байрямнар. Главные
Церковные праздники Господни
и Богородичны. Издание Право-
славного миссионерского обще-
ства. – Казань: Типография Коко-
виной, 1880. – 163 с.

Формат: 10,6–17,1 см.

Книга состоит из вводной
статьи, подготовленной Н.И. Иль-
минским, с кратким изложением
содержания главных церковных
праздников, а также порядка и
правил их проведения (байрям
кӧннӧ ўткареӱ), сборника молит-

Приложение 2

венных песнопений (стихиры, тропари, прокимены), исполняемых на праздничных торжественных богослужениях годового цикла. Тексты молитв даются параллельно на церковно-славянском и татарском языках. Перевод осуществлен под общей редакцией директора КУС Н.И. Ильминского, преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

1881 г.

17. Иман княгясе. Молитвенник. На татарском языке. Второе издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография Коковиной, 1881. – 87 с.

Формат: 11–14,8 см.

Переиздание книги 1879 г. (см. издания за 1879 г.).

18. Ёлган кешеляр өчөн теляү ряте. Последование за усопших на татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография М.А. Гладышевой, Никол. пл., д. Курманаева, 1881. – 40 с.

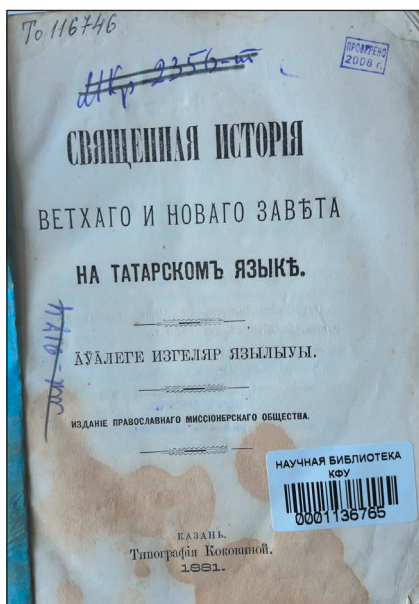
Формат: 11–16,5 см.

В книге дается краткое содержание православного взгляда на поминовение усопших. Перевод содержит православные тексты литии, панихиды (для мирян), помянника об упокоенных. Перевод осуществлен под общей редакцией директора КУС Н.И. Ильминского, преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

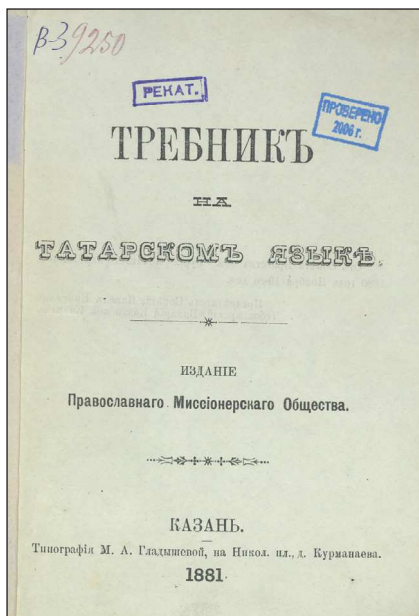
19. Священная история Ветхаго и Новаго Завета на татарском языке. Аўәлеге изгеляр язылыу. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография Коковиной, 1881. – 270 с.

Формат: 13–19,2 см.

Книга включает в себя краткие повествования из Библии, дающие общие представления о наиболее значимых сюжетах из истории христианского вероучения и ее догматах. Перевод осуществлен под общей редакцией

Приложение 2

директора КУС Н.И. Ильминского, преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

20. Требник на татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография М.А. Гладышевой, на Николаевской площ., дом Курманаева, 1881. – 176 с.

Формат: 11–16,5 см.

Перевод сборника богослужбных текстов, содержащих чинопоследования Таинств и других священнодействий, совершаемых Православной церковью в особых случаях, и не входящих в состав храмового (общественного) богослужения суточного, седмичного и годового круга. Перевод осуществлен под общей редакцией директора КУС Н.И. Ильминского, преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

1882 г.

21. Букварь для крещеных татар. Жазыу белдереу. 2-е издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография и Литография М.А. Гладышевой, 1882. – 48 с.

Формат: 10–16,5 см.

Дополненное и исправленное издание Букваря 1878 г. (см. издания 1878 г.).

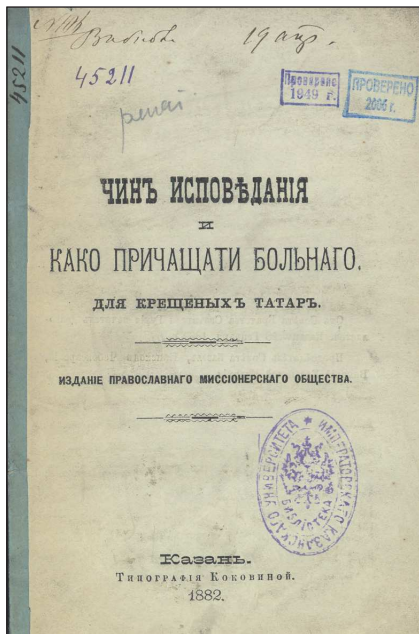
22. Чин исповедания и како причащати больного. Для крещеных татар. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография Коковиной, 1882. – 63 с.

Приложение 2

Формат: 10,5–16,6 см.

Перевод богослужбных текстов для совершения таинств исповедания и причащения больного на татарском языке. Книга предназначалась для священнослужителей крещено-татарских приходов. Издание снабжено примечанием на русском языке, подготовленным Н.И. Ильминским для русских иереев с объяснением особенностей татарской фонетики, произношения слов и проч. Перевод осуществлен под общей редакцией директора КУС Н.И. Ильминского, преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

1883 г.

23. Мохаммат дененя караганда Христос дене артык. [Вера Христова выше веры Мухаммеда]. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография Коковиной, 1883. – 84 с.

Формат: 10,6–17,2 см.

Миссионерско-полемическая работа епископа Чебоксарского Викторина (В.Д. Любимова), направленная против отхода крещеных татар в ислам. Перевод осуществлен под общей редакцией директора КУС Н.И. Ильминского, преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

24. Воскресная служба шестого гласа на крещено-татарском языке. Второе издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография и Литография М.А. Гладышевой, в Казани, 1883. – 152 с.

Формат: 10,2 – 16,5 см.

Доработанное издание 1877 г. Тексты молитв даются на русском и татарском языках (см. книги за 1877 г.).

Приложение 2

1885 г.

25. Акыл биря торган княгя. 2 издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография М.А. Чирковой, 1885. – 62 с.
Формат: 10,5–17 см.

Дополненное издание сборника 1874 г. (см. работы за 1874 г.). Издание ПК ПМО.

26. Часослов на татарском языке. Телякляр. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография М. Чирковой, 1885. – 262 с.

Формат: 10,4–16,4 см.

Перевод богослужебного сочинения, содержащего неизменяемые молитвословия сурочного богослужебного круга, предназначенные для исполнения чтецами и певчими. Получил свое название от изложенных в нем чинопоследований часов. Отдельные богослужебные тексты даются параллельно на церковно-славянском (справа) и татарском (слева) языках. Перевод осуществлен под общей редакцией директора КУС Н.И. Ильминского, преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

1886 г.

27. Иман княгясе. Молитвенник. На татарском языке. Издание третье Православного миссионерского общества. – Казань: Типография М.А. Чирковой, 1886. – 100 с.

Формат: 11,3–17,5 см.

Переиздание книги 1879 г. (см. издания за 1879 г.).

1887 г.

28. Чын ден княгясе. Учение Православной церкви на татарском языке. Издание второе Православного миссионерского общества. – Казань: Типография М.А. Чирковой, 1887. – 112 с.

Формат: 10,6–17 см.

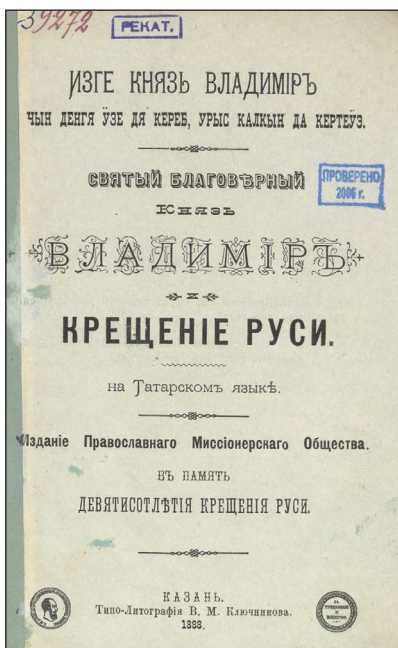
В переводе содержатся основные положения православного вероучения: Символ веры, Молитва Господня, Десять заповедей, Девять блаженств, о Церковном богослужении. Книга использовалась как учебное пособие в крещено-татарских начальных школах. Перевод осуществлен под общей редакцией директора КУС Н.И. Ильминского, преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

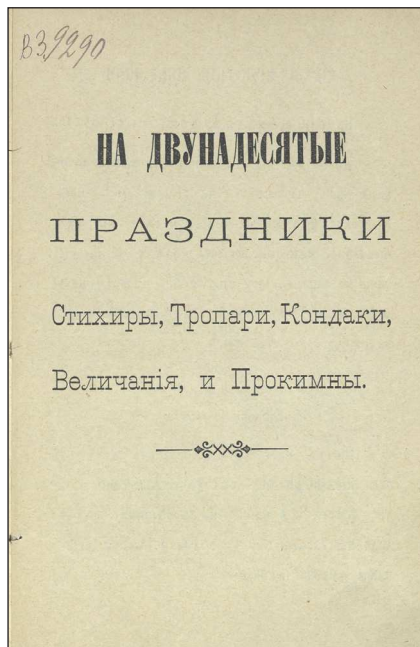
1888 г.

29. Изге князь Владимир чын денгя ўзе дя керев, урыс калкын да кертеўз. Святый благоверный князь Владимир. Крещение Руси. На татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. В память девятисотлетия крещения Руси. – Казань: Типо-Литография В.М. Ключникова, 1888. – 23 с.

Формат: 11,5–17,7 см.

Перевод брошюры, выпущенной к девятисотлетию крещения Руси с популярными рассказами о праведной жизни киевского князя Владимира и принятия православия восточными славянами. Была выпущена и на других тюркских и финно-угорских языках народов Волго-Уральского региона. Перевод осуществлен под общей редакцией директора КУС Н.И. Ильминского, преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

30. На двенадцатые праздники. Стихиры, Тропари, Кондаки, Величия и Прокимны. – Казань: Типография М.А. Чирковой, 1888. – 81 с.

Формат: 10,5–16,5 см.

Перевод молитвенных песнопений, совершаемых на двенадцать важнейших после Пасхи праздников в православии. Посвящены событиям земной жизни Иисуса Христа и Богородицы. Тексты молитв даются параллельно на церковно-славянском и татарском языках. Перевод осуществлен под общей редакцией директора КУС Н.И. Ильминского, преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

31. Оло байрамнар. Главные Церковные праздники Господни и Богородичны. 2 издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография М.А. Чирковой, 1888. – 104 с.

Формат: 10,6–17 см.

В отличие от первого издания (см. работы 1881 г.), здесь отсутствуют богослужебные тексты. Даются лишь подробные рассказы о значении главных церковных праздников и порядок их проведения. Перевод осуществлен под общей редакцией директора КУС Н.И. Ильминского, преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

1889 г.

32. Воскресная служба шестого гласа. На крещено-татарском языке. Четвертое издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография М.А. Чирковой, 1889. – 191 с.

Формат: 10,5 – 16,8 см.

Переиздание книги 1883 г. (см. работы за 1883 г.).

33. Священная история для детей на народном татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография М.А. Чирковой, 1889. – 82+III с.

Приложение 2

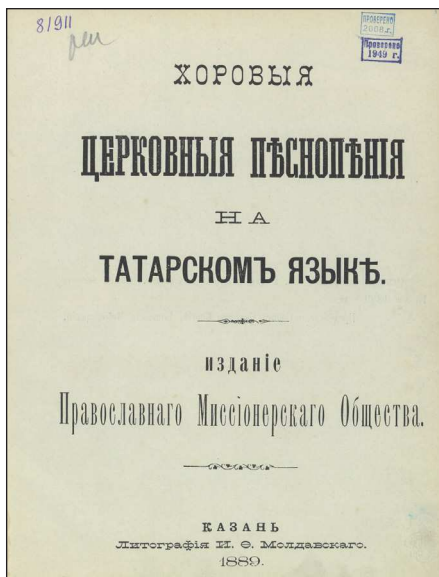
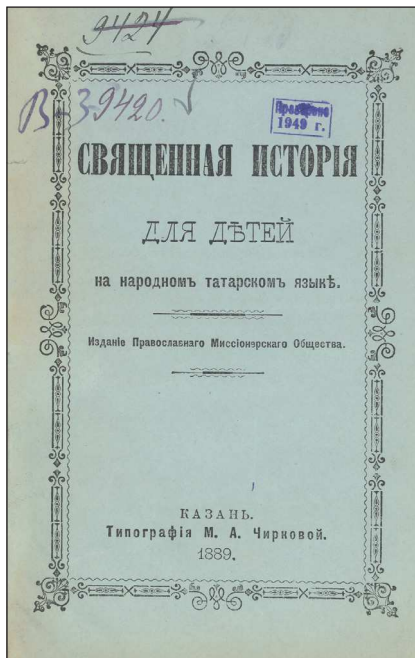
Формат: 10,7-16,6 см.

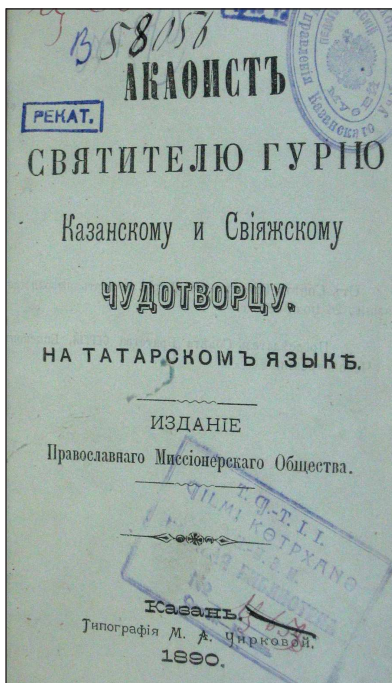
Перевод сборника рассказов из Библии, изложенных в доступной для детского восприятия форме. Перевод осуществлен под общей редакцией директора КУС Н.И. Ильминского, преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

34. Хоровые церковные песнопения на татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Литография И.Ф. Молдавского, 1889. – 237+III с.

Формат: 16,7-21,5 см.

Литография рукописной работы известного церковного композитора С.В. Смоленского, составленной им во время работы в КУС. Книга снабжена цифровой нотацией. Издание ПК ПМО.

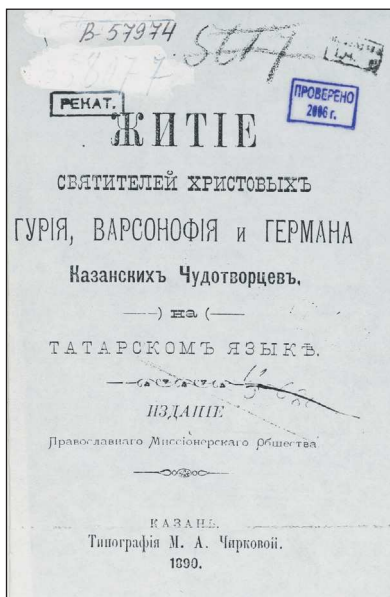

1890 г.

35. Акафист святителю Гурию Казанскому и Свяжскому чудотворцу. На татарском языке [Акафист Гурий Аўлеягя]. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография М.А. Чирковой, 1890. – 41 с.

Формат: 10–16 см.

Сборник церковных песнопений (кондаков), восхваляющих праведную жизнь православного святителя и чудотворца, первого казанского архипастыря Гурия. Текст дается параллельно на церковно-славянском (справа) и татарском (слева) языках. Перевод осуществлен под общей редакцией директора КУС Н.И. Ильминского, преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

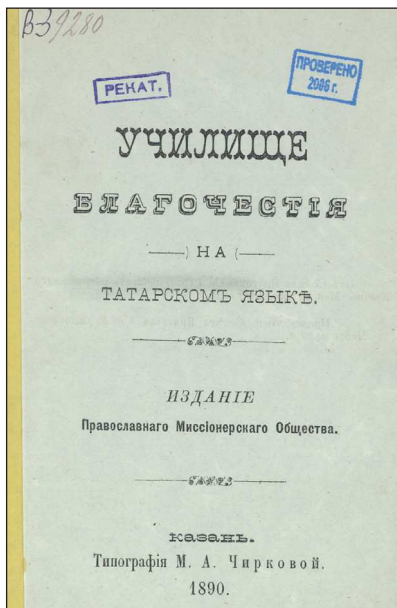

36. Житие святителей христовых Гурия, Варсонофия и Германа казанских чудотворцев, на татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография М.А. Чирковой, 1890. – 32 с.

Формат: 10,5–17 см.

Перевод житий первых православных святителей Казанского края епископов Гурия, Варсонофия и Германа, составленных казанским архиепископом Георгием (Г.П. Постниковым). Перевод осуществлен под общей редакцией директора КУС Н.И. Ильминского, преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

Приложение 2

37. Училище благочестія на татарском языке. Издание Православнаго мисіонерскаго общества. – Казань: Типографія М.А. Чирковой, 1890. – 47+II с.

Формат: 10,7–17 см.

Перевод одного из православных педагогических сборников, содержащий краткое изложение деяний святых и их избранные изречения. Его автор – протоиерей Г.И. Мансветов, видный церковный деятель и духовный писатель XIX столетия. Перевод осуществлен под общей редакцией директора КУС Н.И. Ильминского, преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

1891 г.

38. Псалтирь на татарском языке. Издание Православнаго мисіонерскаго общества. – Казань: Типографія М.А. Чирковой, 1891. – 214 с.

Формат: 15,8–26 см.

Перевод сборника богослужебных текстов, включающих книгу Танаха и Ветхого Завета. Состоит из 150 псалмов («песней» или «гимнов»). В Библии Псалтирь располагается после книги Иова и перед книгой Притчей Соломоновых. Перевод осуществлен под общей редакцией директора КУС Н.И. Ильминского, преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

Приложение 2

39. Святое Евангелие Господа нашего Иисуса Христа на татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография М. А. Чирковой, – 1891. – 401 + VIII с.

Формат: 17–27 см.

Полный перевод первых четырех книг Нового Завета, написанных апостолами: Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Повествуют о рождении Иисуса Христа, его жизни на земле и учении, о его смерти и воскресении. Перевод осуществлен под общей редакцией директора КУС Н.И. Ильминского, преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

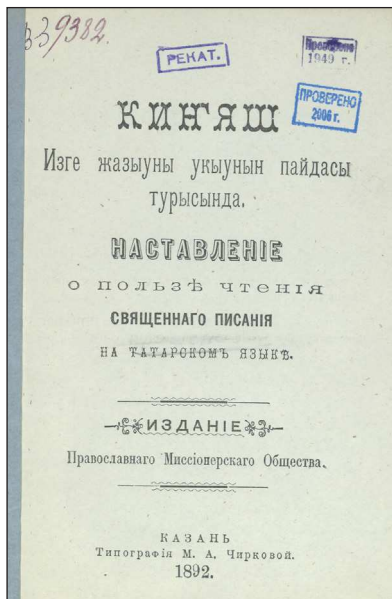

40. Поучения для крещеных татар. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография М.А. Чирковой, 1891. – 92 с.

Формат: 13,7–21 см.

Сборник поучений религиозно-нравственного содержания: о значении молитвы, христианских таинств, посещения храмов, богобоязненной жизни. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

Приложение 2

1892 г.

41. Киняш. Изге жазыуны укыунын пайдасы турысында. Наставление о пользе чтения Священного Писания на татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография М.А. Чирковой, 1892. – 16 с.

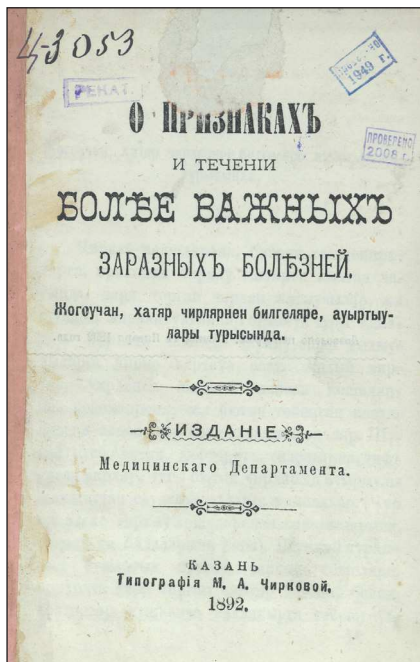
Формат: 11,7–17 см.

Перевод религиозно-нравоучительного сочинения о необходимости чтения и изучения Священного Писания, осуществленный под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

42. О загробной жизни по учению Православной церкви. На крещено-татарском языке. [Кабергя кергяннян блайгы тормош]. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография М.А. Чирковой, 1892. – 58 с.

Формат: 11–17,4 см.

В книге приводятся сведения о загробной жизни по догматам православной церкви, излагаются сведения из Библии на сей счет, даются пояснения о духовной сущности человека. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

43. О признаках и течении более важных заразных болезней. Жогоучан, хатыр чирлярнен билгеларе, ауыртыулар турысында. Издание Медицинского департамента. – Казань: Типография М.А. Чирковой, 1892. – 16 с.

Формат: 10,7–17,3 см.

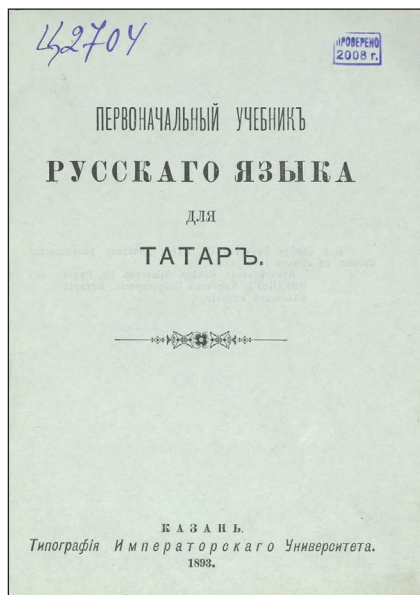
Перевод брошюры Медицинского департамента МВД с разъяснением природы наиболее опасных инфекционных заболеваний, мерах профилактики и лечения.

1893 г.

44. Кодрятляр кылыучы изге атабыз Николай тормошо. Житие св. Николая чудотворца на татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1893. – 5 с.

Формат: 10,4–15 см.

В брошюре изложена жизнь одного из наиболее почитаемых в христианской традиции святых – св. Николая Мир Ликийского, покровителя путешественников и сирот. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

45. Первоначальный учебник русского языка для татар. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография Императорского университета, 1893. – 89 с.

Приложение 2

Формат: 12,7–16,5 см.

Учебное пособие, подготовленное Н.И. Ильминским для двуязычных начальных школ. Состояло из русско-татарского словаря, указателя русских местоимений, а также текстов для школьного чтения и изучения языка с использованием буквального метода. Издание ПК ПМО.

46. Ёгет. Наставление Христианское свягата Тихона. [Тихон аўлеянен ёгете] Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография М.А. Чирковой, 1893. – 56+III с.

10,5–16,7 см.

Перевод сочинения одного из наиболее почитаемых русских святых – Тихона Задонского. В книге кратко и доступно даются сведения об основных обязанностях для человека, если он хочет быть христианином не по букве, но по духу. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

47. Изге атабыз Василий Великий тормошо. Житие св. Василия Великого на татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1893. – 6 с.

Формат: 12–15,7 см.

Приложение 2

В переводном издании изложена жизнь и деятельность епископа Кесарии, выдающегося христианского богослова и духовного писателя, св. Василия Великого. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

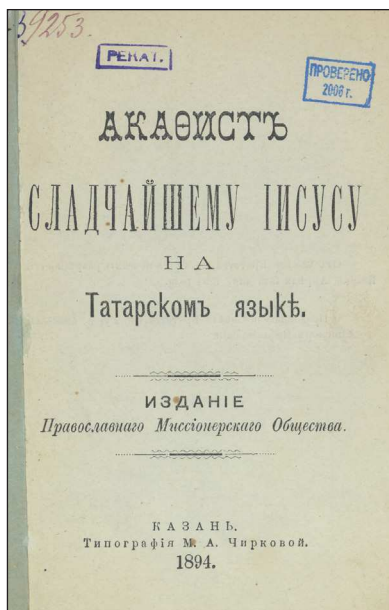
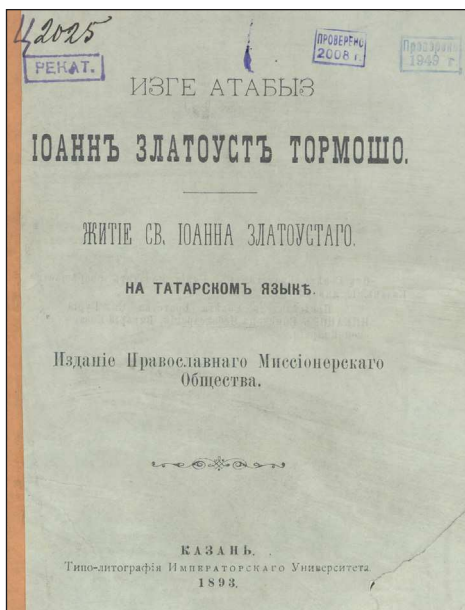
48. Изге атабыз Иоанн Златоуст тормошо. Житие св. Иоанна Златоустаго. На татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1893. – 16 с.

Формат: 12–14,7 см.

В книге представлены важнейшие события из жизни одного из учителей церкви, богослова, архиепископа Константинопольского Иоанна Златоуста. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

1894 г.

49. Акафист сладчайшему Иисусу на татарском языке [Татлыдан татлы Ходаебыз Иисус Христосны мактау, Ангар инялеу]. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография М.А. Чирковой, 1894. – 32 с.

Приложение 2

Формат: 10,4–16 см.

Перевод одного из наиболее значимых в православной традиции гимнографических произведений, восхваляющих Иисуса Христа. Акафист состоит из 12 икосов (больших строф) и 13 кондаков (небольших строф). Читался во время богослужений и домашних (келейных) молитв. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

50. Иман княгясе. Молитвенник. На татарском языке. Издание пятое Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография наследников М. Чирковой, 1894. – 82 с.

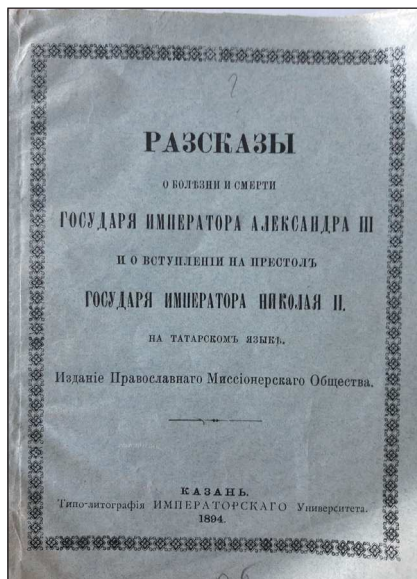
Формат: 10,6–16,7 см.

Переиздание книги 1879 г. (см. издания за 1879 г.).

51. Рассказы о болезни и смерти государя императора Александра III и о вступлении на престол государя императора Николая II. На татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1894. – 12 с.

Формат: 12,5–17 см.

В брошюре приводятся сведения о смерти императора Александра III и воцарении его сына Николая II, представлен перевод коронационного манифеста 21 октября 1894 г. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

52. Святое Евангелие Господа нашего Иисуса Христа на татарском языке. 2-е издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография М.А. Чирковой, – 1894. – 401 + VIII с.

Формат: 19,5–29,2 см.

Переиздание книги 1891 г. (см. издания за 1891 г.).

Приложение 2

1895 г.

53. Последование Пасхи. Оло кӧн иманнары. 4 издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография наследников М.А. Чирковой, 1895. – 80 с.

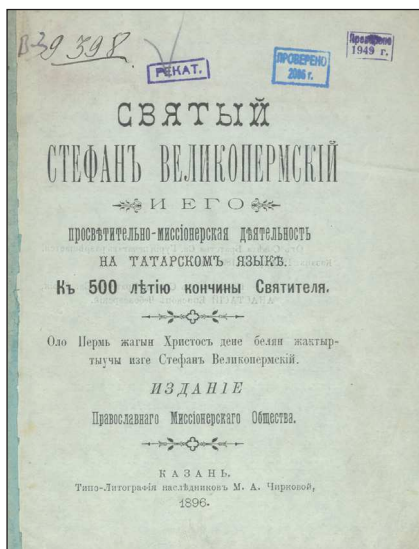
Формат: 11,2–17,8 см.

Переиздание книги 1879 г. (см. работы за 1879 г.).

54. Священная история Ветхаго и Новаго Завета на татарском языке. 3 издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-Литография наследников М. Чирковой, 1895. – 300 с.

Формат: 14–18,9 см.

Переиздание книги 1881 г. (см. работы за 1881 г.).

1896 г.

55. Святый Стефан Великопермский и его просветительско-миссионерская деятельность на татарском языке. К 500-летию кончины Святителя. Оло Пермь жагын Христос дене белян жактыртаучы изге Стефан Великопермский. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография наследников М.А. Чирковой, 1896. – 49 с.

Формат: 14–18 см.

Перевод агиографического сочинения, посвященного жизни и просветительской деятельности епископа Перми, святителя Стефана. В работе особое внимание

уделяется его миссионерской деятельности по обращению в православие зырян. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

1897 г.

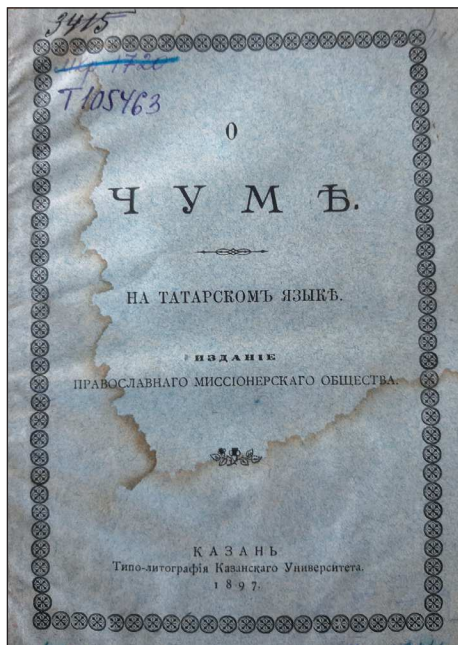
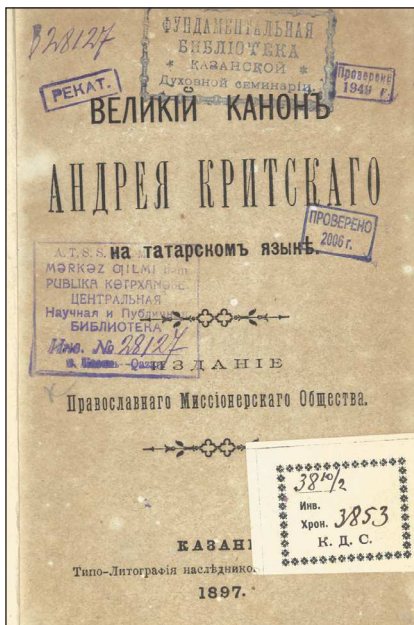
56. Великий канон Андрея Критского на татарском языке. Издание Православного миссионерского общества [Изге атабыз Андрей Критский жазаган Оло канон. Оло уразанын элекеге атнасында укы-

Приложение 2

ла]. – Казань: Типо-литография наследников М. Чирковой, 1897. – 77 с.

Формат: 10,2–16,4 см.

Перевод православного гимнографического произведения (церковных песнопений), написанного архиепископом Андреем Критским. Текст канона находится в «Триоди постной» и состоит из 250 тропарей (строф) и считается самым длинным канонem из существующих в православной традиции. Читается только во время Великого Поста. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

57. О чуме. На татарском языке. Издание Православно-го миссионерского общества. – Казань: Типо-литография Казанского университета, 1897. – 20 с.

Формат: 12,4–17 см.

В брошюре в популярной форме излагаются меры профилактики и лечения острого инфекционного заболевания, известного как чума. Даются советы по гигиене здоровья и предотвращению заражения инфекцией. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

Приложение 2

58. Училище благочестия на татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1895. – 53+ II с.

Формат: 11,5–15,6 см.

Переиздание сборника 1890 г. (см. работы за 1890 г.).

59. Чын ден княгясе. Учение Православной церкви. Ден Символы, Ходай иманы, ун бойорок, тугыз бяхетлек, чиркяўдя ителя торган кляўляр турысында. 4-е издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография наследников М.А. Чирковой, 1897. – 80 с.

Формат: 9,5–16,2 см.

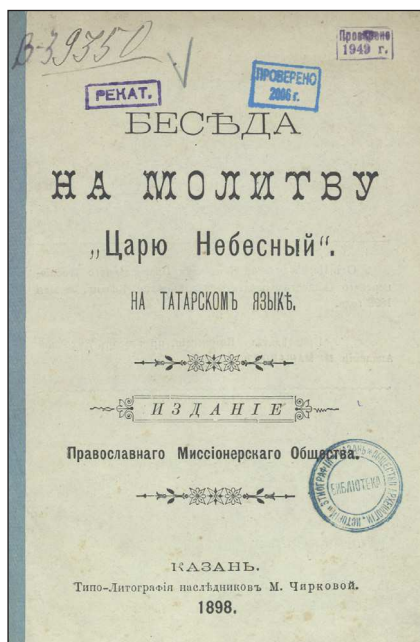
Дополненное и исправленное издание 1887 г. (см. издания 1887 г.).

1898 г.

60. Беседа на молитву «Царю небесный». На татарском языке. [Святой Тынга укыла торгани манны ангнатыу]. Издание православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография М. Чирковой, 1898. – 10 с.

Формат: 11,2–17,7 см.

Перевод статьи из популярной в конце XIX в. серии «Духовно-нравственное чтение для народа», посвященной толкованию православной молитвы Святому Духу, обычно читаемой перед началом какого-либо дела, а также в начале молебных пений и в составе общественных богослужений суточного круга. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

Приложение 2

61. Глазная болезнь трахома, ее заразительность, причины распространения среди сельского населения и способы предохранения, на татарском языке. [Трахома дигян кюз чире. Анын жогоучанныгы, ауыл кешеляре арасында жайелеуенен сябябе, аннан ничек итеб сакланьрга киярклене айтеу]. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография наследников М.А. Чирковой, 1898. – 13 с.

Формат: 10,7–17 см.

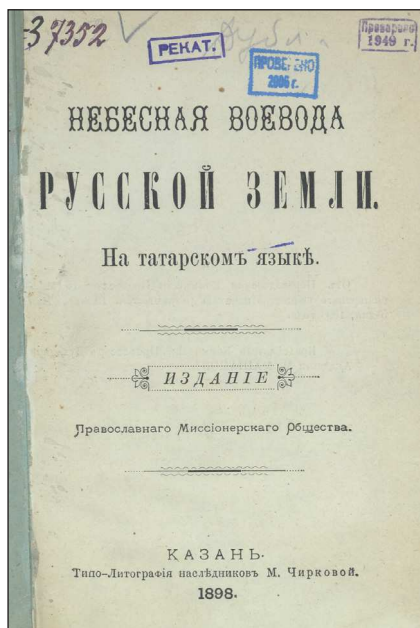
В брошюре приведены меры профилактики и борьбы с хроническим инфекционным заболеванием глаз, вызываемым хламидиями и характеризующимся поражением конъюнктивы и роговицы, приводившим к полной слепоте. В дореволюционный период данная болезнь была широко распространена среди сельского населения. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

62. Господь любит праведных. На татарском языке. [Ходай гаделлярне сөя]. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография наследников М. Чирковой, 1898. – 10 с.

Формат: 11,2–17,5 см.

Перевод религиозно-нравоучительного сочинения с толкованием извлечений из Псалтыри. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

63. Небесная воевода русской земли. На татарском языке. [Урыс жирендяге Христианарны кюктя жаклаб тороучы]. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография наследников М.А. Чирковой, 1898. – 11 с.

Формат: 10,2–16,4 см.

В брошюре приведены сведения об иконе Владимирской Божьей Матери, связанных с ней чудесах и ее почитании. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

64. Равноапостольная Мироносица. На татарском языке.

[Апостоллар белян тинг Мария Магдалина]. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография наследников М. Чирковой, 1898. – 8 с.

Формат: 11,2–17,7 см.

Перевод агиографического произведения о жизни равноапостольной святой, мироносицы Марии Магдалины. В брошюре повествуется о ее почитании Христа, ее присутствии при Его распятии и воскрешении. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

65. На двенадцатые праздники и святым Стихиры, Тропари, Кондаки, Величия и Прокимны. – Казань: Типо-литография М.А. Чирковой, 1898. – 147+II с.

Формат: 10,5–16,2 см.

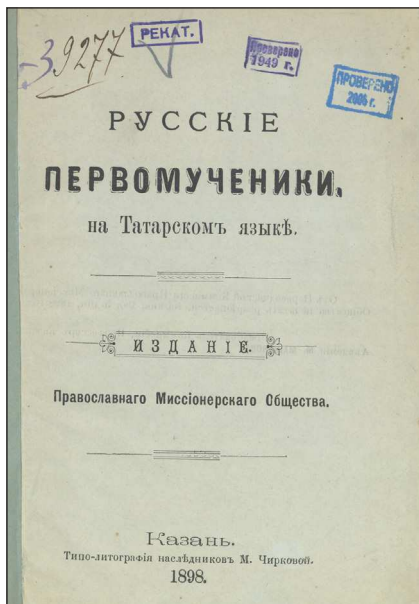
Сборник молитвенных песнопений, совершаемых на двенадцать важнейших после Пасхи праздников в православии, а также в дни памяти святых и великомучеников. Тексты молитв даются параллельно на церковно-славянском и татарском языке. Издание ПК ПМО.

Приложение 2

66. Русские первоученики, на татарском языке. [Урыс жирендя ден өчөн инг элеке аза-бланыучылар]. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография наследников М. Чирковой, 1898. – 10 с.

Формат: 11–16,7 см.

В брошюре изложены события, связанные с мученической смертью от рук «язычников» православных святых Феодора и Иоанна, в эпоху, предшествовавшую крещению Руси. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

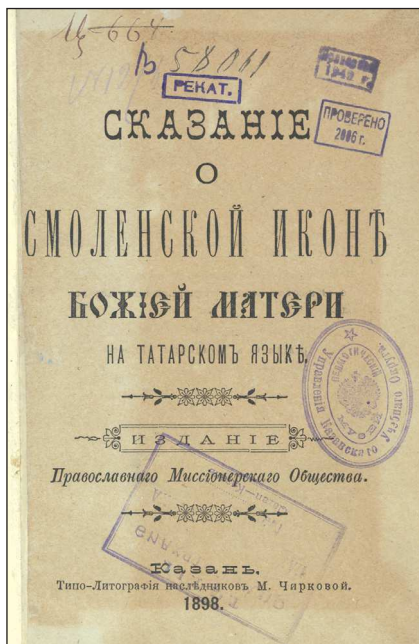
67. Святое Евангелие Господа нашего Иисуса Христа на татарском языке. 2-е издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография наследников М. Чирковой, 1898. – 511 с.

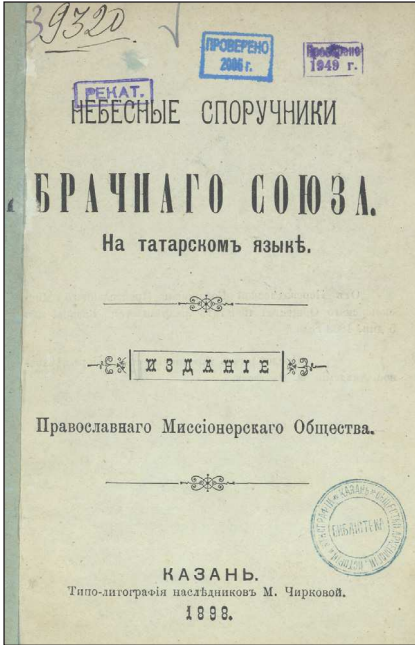
Формат: 19–12,5 см.

Переиздание книги 1891 г. (см. издания за 1891 г.).

68. Сказание о Смоленской иконе Божьей Матери на татарском языке. Издание Православного миссионерского общества [Жиде-кюлле кырда Алла Анасы исеменя салынган монастырнын торгозолуын айтеу]. – Казань: Типо-литография М. Чирковой, 1898. – 41 с.

Формат: 10–16 см.

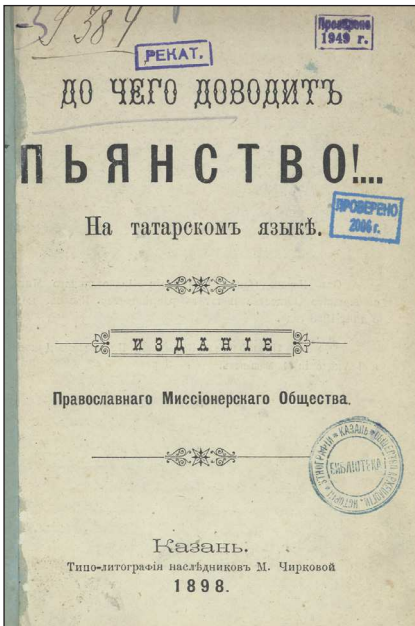

Перевод рассказа об особо почитаемой в Среднем Поволжье Смоленской (Седьмиозерской) иконе Божьей Матери и связанных с ней чудесах, а также об истории Седьмиозерской Богородицкой пустыни. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

69. Небесные споручники брачного союза. На татарском языке. [Кябенгя кергяннарне үз өсләренә алыб саклаб тороучы изгеләр]. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография наследников М. Чирковой, 1898. – 12 с.

Формат: 10,7–16,4 см.

Перевод статьи из популярной в конце XIX в. серии «Духовно-нравственное чтение для народа». В ней приводятся примеры праведной супружеской жизни из Священного Писания, разъясняется христианский взгляд на брак и воспитание детей. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

70. До чего доводит пьянство!... На татарском языке. [Эчкекел кешене ней хялгә житкременей!...] Издание Православного

Приложение 2

миссионерского общества. – Казань: Типо-литография наследников М. Чирковой, 1898. – 10 с.

Формат: 11–16,5 см.

В брошюре популяризируется здоровый образ жизни, в доступной форме объясняется вред употребления алкоголя, приводятся цитаты из Священного Писания на сей счет. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

71. Целитель Всемилостивый, на татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография наследников М. Чирковой, 1898. – 14 с.

Формат: 11,3–17,6 см.

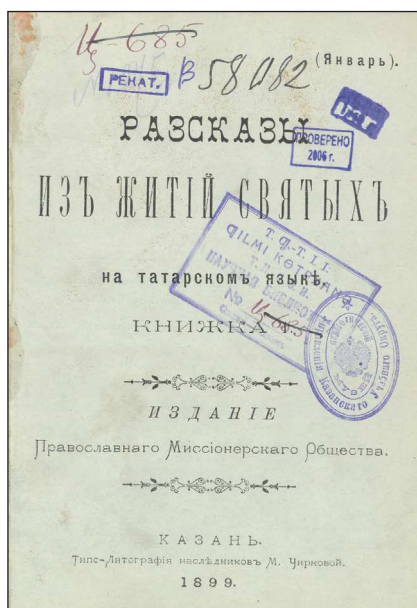
Перевод сочинения, посвященного жизни и деятельности великомученика Пантелеймона, подвергшегося истязаниям и смерти во время гонений на христиан в Римской империи в начале IV в. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

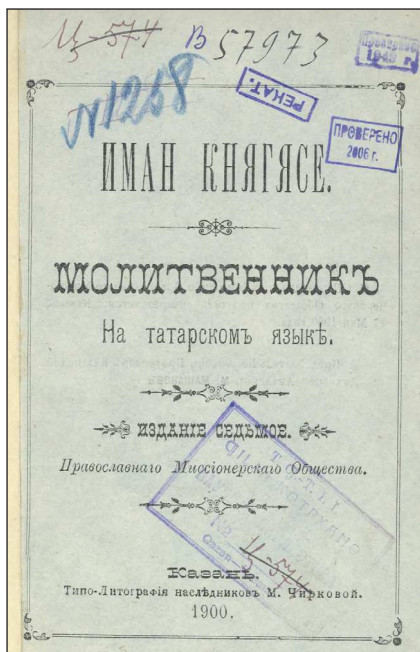
1899 г.

72. Рассказы из житий святых на татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография наследников М. Чирковой, 1899. – 1 кн. – 39 с., 2 кн. – 52 с., кн.3 – 34 с., кн.4 – 40 с., 5 кн. – 38 с., 6 кн. – 68 с., 7 кн. – 46 с., 8 кн. – 41с., 9 кн. – 51 с., 10 кн. – 44 с., 11 кн. – 52 с., 12 кн. – 54 с.+IV с.

Формат: 12–17,5 см.

Сборник житий наиболее почитаемых в православной традиции святых. Состоит из 12 книг, по месяцам года. В каждой книге описывается жизнь святых, почитаемых в определенный месяц. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

1900 г.

73. Акыл биря торган княгя. 3 издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография наследников М. Чирковой, 1900. – 62 с.

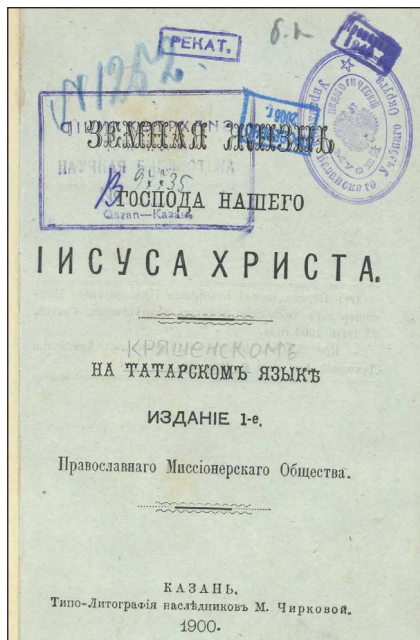
Формат: 10–16,5 см.

Переиздание сборника 1874 г. (см. работы за 1874 г.). Издание ПК ПМО.

74. Иман княгясе. Молитвенник. На татарском языке. Издание седьмое Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография наследников М. Чирковой, 1900. – 82 с.

Формат: 10–16,3 см.

Переиздание книги 1879 г. (см. издания за 1879 г.).

75. Земная жизнь господа нашего Иисуса Христа. На татарском языке. [Ходаебыз Иисус Христоснын жирдяге тормошо]. Издание 1-е Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография наследников М. Чирковой, 1900. – 145 с.

Формат: 16,1 – 10,1 см.

Перевод сочинения профессора Московской духовной академии П.С. Казанского. В книге простым и доступным языком изложена евангельская история о земной жизни Господа Иисуса Христа, начиная от неизреченного Его Воплощения от Пречистой Девы Марии до Вознесения на Небеса. Текст повествования переплетается с короткими назида-

Приложение 2

тельными комментариями. Сочинение также изобилует выдержками из Священного Писания и святых отцов Церкви. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

76. Священная история для детей на татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография наследников М. Чирковой, 1900. – 82+III с.

Формат: 10,7–17,2 см.

Переиздание книги 1889 г. (см. издания 1889 г.).

77. Часослов на татарском языке. Телякляр. 4-е издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография наследников М. Чирковой, 1900. – 260 с.

Формат: 10,4–16,4 см.

Дополненное и исправленное переиздание книги 1885 г. (см. издания за 1885 г.).

1904 г.

78. Букварь для крещеных татар. 3-е издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография, 1904. – 42 с.

Формат: 11–16 см.

Учебное пособие для обучения чтению и счету на татарском и русском языках для крещено-татарских начальных школ. Состояло из двух «отделов»: татарского и русского, в которых давались алфавиты, тексты для чтения, цифры, таблица умножения. Доработанное и исправленное издание 1884 г.

79. Житие преподобного отца нашего Серафима Саровского чудотворца на татарском языке. [Изге ата Серафим Саровский тормошо]. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-Литография наследников М. Чирковой, в Казани, 1904. – 45 с.

Формат: 10–16,5 см.

Перевод популярного в дореволюционной России агиографического произведения – жития одного из наиболее почитаемых русских святых – преподобного Серафима Саровского. С приложением его наставлений и келейного молитвенного правила. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

Приложение 2

80. Хоровые церковные песнопения на татарском языке. 2-е издание Православного миссионерского общества исправленное и дополненное. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1904. – 175 + III с.

Формат: 16,7–21,5 см.

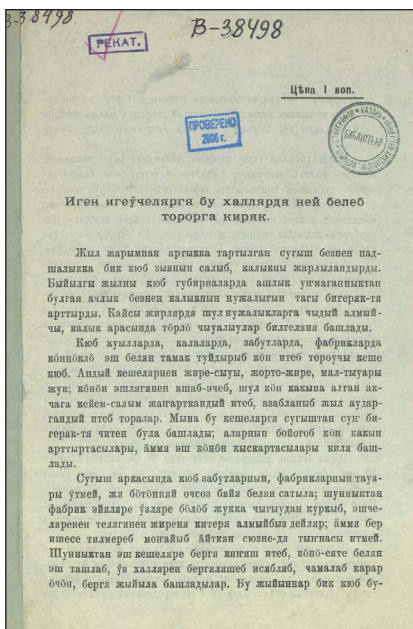
Переиздание работы 1889 г. Текст представлен в печатном виде (см. книги за 1889 г.).

1905 г.

81. Иген игеучеларгя бу халлардя ней беллеб торорга киряк [Что нужно знать хлебопашцам об этих событиях]. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1905. – 13 с.

Формат: 14,7–22 см.

В брошюре даются разъяснения о происходивших в это время в стране событиях – Русско-японской войне и Первой русской революции. Авторы брошюры призывают крестьян не участвовать в революционных событиях и погромах помещичьих хозяйств. Данная работа была напечатана по решению казанской губернской администрации и на других тюркских и финно-угорских языках народов Среднего Поволжья.

82. Кузьмин И.К. Байырга ойрятя торган княгя. Наставление о том, как вести сельское хозяйство, чтобы разбогатеть. На татарском языке. – Казань: Типо-литография В.М. Ключникова, 1905. – 38 с.

Формат: 14,5–22,7 см.

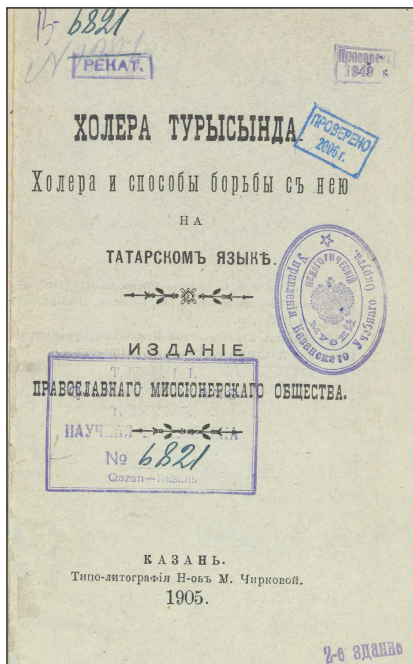
В брошюре И.К. Кузьмина в популярной форме излагаются новые методы агрономии и животноводства, даются советы по улучшению производительности труда в сельском хозяйстве, защиты злаковых культур, способы лечения домашних животных.

Приложение 2

83. Холера турысында. Холера и способы борьбы с нею на татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография н-ов М. Чирковой, 1905. – 16 с.

Формат: 10–17 см.

В брошюре представлена информация об острой кишечной антропонозной инфекции (холере), способах предотвращения заражения, профилактике и мерах ее лечения. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

1907 г.

84. Апостол на татарском языке. Воскресные и праздничные чтения. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типография н-ов М.А. Чирковой, – 1907. – 119+19 с.
Формат: 17,5–25,5 см.

Перевод православной богослужбной книги, содержащей части Нового Завета, «Деяния» и «Послания святых апостолов», собрание общих и воскресных прокимнов, прокимнов для особых служб (посвященных мученикам, пророкам и т.д.) и аллилуйариев – отдельных стихов из Псалтири или других книг Священного Писания. Перевод

Приложение 2

осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

85. Рассказы из житий святых на татарском языке. 2 издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография наследников М. Чирковой, 1907. – 483+IV с.

Формат: 14,2 – 21,5 см.

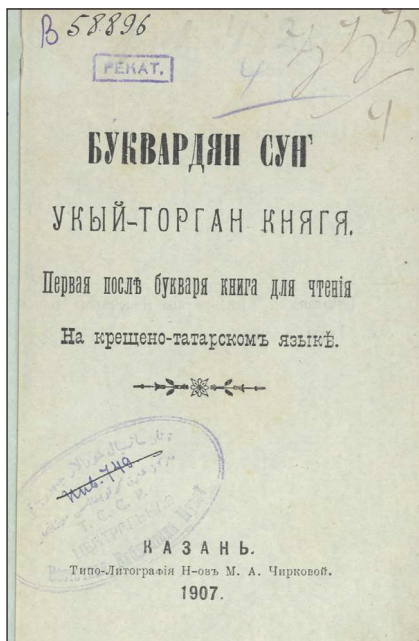
Доработанное и исправленное издание книги 1899 г. (см. работы за 1899 г.).

86. Первоначальный учебник русского языка для крещеных татар. 4 издание. – Казань: Типография наследников М.А. Чирковой, 1907. – 189 с.

Формат: 15,7–24 см.

Данный труд представлял из себя несколько переработанный учебник Н.И. Ильминского, широко применявшийся в крещено-татарских школах для изучения русского языка (см. выше). В 1910 г. известным татарским педагогом Г.Н. Ахмеровым данная работа была переведена на арабский шрифт и издана как учебное пособие для из-

учения русского языка в татаро-мусульманских учебных заведениях. Составлена директором КЦКТШ Т.Е. Егоровым. Издание Переводческой комиссии при управлении Казанского учебного округа (ПК КУО).

87. Буквардан сун укый торган княгя. Первая после букваря книга для чтения на крещено-татарском языке. – Казань: Типо-литография н-ов. М.А. Чирковой, 1907. – 91+III с.

Формат: 10,5–16 см.

Хрестоматия с популярными рассказами для чтения (басни, стихи, повести, статьи по истории, географии и проч.). В книге представлены татарские народные поговорки, пословицы, пес-

Приложение 2

ни и загадки. Составлена руководителем женского отделения КЦКТШ П.В. Егоровой. Издание Переводческой комиссии при управлении Казанского учебного округа (ПК КУО).

1908 г.

88. Святое Евангелие Господа нашего Иисуса Христа на татарском языке. 3-е издание Православного миссионерского общества. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1908. – 312 с.

Формат: 19–12,5 см.

Переиздание книги 1891 г. (см. издания за 1891 г.).

1909 г.

89. Беседы о силе крестного знамения. [Кач билгесенен кыуаты]. – Казань: Центральная типография, 1909. – 19 с.

Формат: 11,5–16,5 см.

Перевод поучения, в котором разъясняется значение крестного знамения как телесного выражения христианских догматов, исповедания христианской веры в Святую Троицу и Богочеловека Иисуса Христа, выражения любви и благодарности Богу, защиту от действия падших духов. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

90. Кор-аннын ней икянен айтеу [О чем говорит Коран]. – Казань: Типо-литография императорского университета, 1909. – 17 с.

Формат: 11,6–16,7 см.

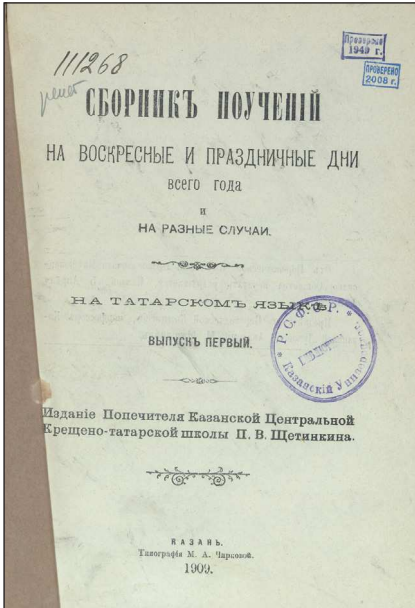
Миссионерско-полюемическая работа, направленная на обоснование превосходства христианства над исламом. Издана в связи с усилением процесса перехода крещеных татар в мусульманство после издания в 1905 г. манифеста о свободе совести.

91. Рассказы из Русской истории на татарском языке. Издание Переводческой комиссии при управлении Казанского учебного округа. №27. – Казань: Центральная типография, 1909. – 172 с.

Формат: 15,7–24 см.

Перевод учебного пособия для начальных школ «Иллюстрированная Русская История» Ф.А. Смирнова. В книге приведены рассказы по наиболее значимым историческим событиям Российского государства. Перевод сделан псаломщиком с. Владимировка Мамадышского уезда Казанской губернии Дм. З. Захаровым, под общей редакцией наставника КУС Р.П. Даулея. Издание ПК КУО.

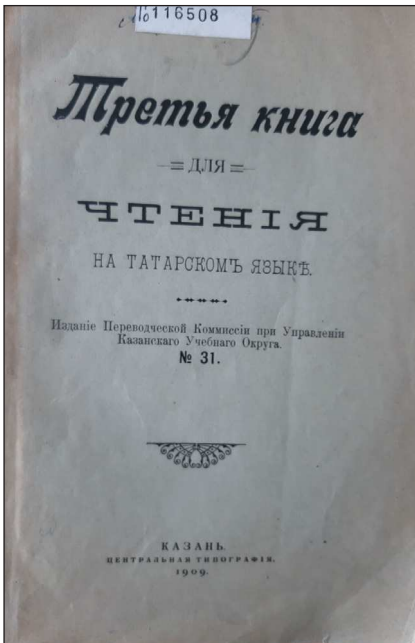
Приложение 2

92. Сборник поучений на воскресные и праздничные дни всего года и на разные случаи. На татарском языке. Выпуск первый. Издание попечителя Казанской центральной крещено-татарской школы П.В. Щетинкина. – Казань: Типо-литография наследников М.А. Чирковой, 1909. – 396+IV с.

Формат: 14,6–22 см.

Перевод сборника религиозно-нравственных сочинений, предназначенных для чтения в воскресные и праздничные дни. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издано на средства казанского купца П.В. Щетинкина.

93. Третья книга для чтения на татарском языке. Издание Переводческой комиссии при управлении Казанского учебного округа. №31. – Казань: Центральная типография, 1909. – 152 с.

Формат: 16,6–24 см.

Хрестоматия с популярными рассказами для чтения (басни, стихи, повести, статьи по истории, ботанике, географии и проч.). Составлена Н. Герасимовым, под общей редакцией наставника КУС Р.П. Даулея, на основе популярных в это время русских учебных пособий для начальной школы. Издание ПК КУО.

Приложение 2

94. Четвертая книга для чтения на татарском языке. Издание Переводческой комиссии при Управлении Казанского учебного округа. №32. – Казань: Центральная типография, 1909. – 264 с.

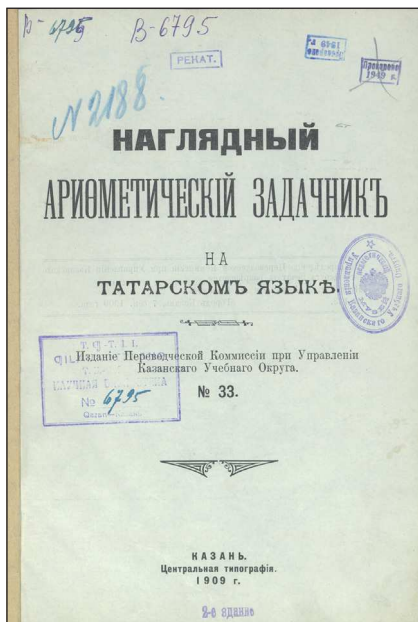
Формат: 16,1–23,7 см.

Хрестоматия с популярными рассказами для чтения (басни, стихи, повести, статьи по истории, ботанике, географии и проч.). Составлена наставником КУС Р.П. Даулея, на основе популярных в это время русских учебных пособий для начальной школы. Издание ПК КУО.

95. Наглядный арифметический задачник на татарском языке. Издание Переводческой комиссии при Управлении Казанского учебного округа. №33. – Казань: Центральная типография, 1909. – 72 с.

Формат: 15–25,6 см.

Учебное пособие, составленное А. Кузнецовым на основе русских учебников по арифметике. Книга снабжена наглядными примерами, иллюстрациями, таблицами. Издана под редакцией наставника КУС Р. Даулея. Издание ПК КУО.

1911 г.

96. Букварь для крещеных татар. 4-е издание Православного миссионерского общества. – Казань: Центральная типография, 1911. – 48 с.

Формат: 11–14 см.

Доработанное и исправленное издание букваря 1884 г. (см. работы за 1884 г.).

1913 г.

97. Поучение прот. Н. Воронцова, свящ. Н. Троицкого и статья проф., свящ. Ф. Успенского в 1600-летнюю годовщину издания Миланского эдикта (14-го сентября 1913 г.) в переводе на татарский язык. Ходайнын тере итеүче, Кадерле Качын торгозчан көннө (Константин падша), христианнарны жаклаб, Милан каласында указ чыгарганга 1600 жыл тулганны иская алыб байрям иткяндя айтысе үгет. – Казань: Центральная типография, 1913. – 21 с.

Формат: 12,5–22 см.

Перевод поучения, выпущенного по случаю 1600-летней годовщины соглашения, достигнутого в 313 г. римскими императорами Константином и Лицинием при встрече в Милане (Миланский эдикт), провозглашавшего религиозную терпимость на территории Римской империи. Миланский эдикт явился важным шагом на пути превращения христианства в официальную религию Римской империи. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

98. Священная история для детей на татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Центральная типография, 1913. – 82+III с.

Формат: 10,7–17,2 см.

Переиздание книги 1889 г. (см. издания 1889 г.).

99. *Успенский Ф.* Тысяча шестисотлетняя годовщина отмены гонений на христианскую веру в переводе на татарский язык. Христос денен тотоучыларны кысыб азабатлаунын тукталыунына быйлы 1600 жыл тулганны иская алыу. – Казань: Центральная типография, 1913. – 8 с.

Формат: 16,2–24 см.

Перевод статьи Ф. Успенского, посвященной принятию в 303 г. Миланского эдикта, приведшего к прекращению гонений на христиан и установлению веротерпимости в Римской империи. Перевод осуществлен под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ.

100. Холера турысында. Холера и способы борьбы с нею. На татарском языке. 3-е издание Православного миссионерского общества. – Казань: Центральная типография, 1913. – 16 с.

Формат: 12,8–17,5 см.

Издание брошюры 1905 г. (см. работы за 1905 г.).

Приложение 2

1914 г.

101. Иман княгясе. Молитвенник. На татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Центральная типография, 1881. – 87 с.

Формат: 11–14,8 см.

Переиздание книги 1879 г. (см. издания за 1879 г.).

102. Война с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. Россиянын Германия, Австро-Венгрия, Турция белян сугышыуы. I. Туганнарыбызнын каны өчөн тюлясян бурычыбыз. II. Оч айдан бирле сугышыу. С картою. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Центральная типография, 1914. – 39 с.+карта.

Формат: 14,7–23 см.

В брошюре изложены основные события, произошедшие за три месяца боевых действий на фронтах Первой мировой войны. Автор призывает к активной помощи русским войскам, к участию добровольцев в защите Отечества. Работа подготовлена членом совета Министерства народного просвещения Н.А. Бобровниковым. Наряду с татарским языком перевод данного сочинения был осуществлен на другие тюркские и финно-угорские языки народов Волго-Уралья. Перевод сделан под общей редакцией профессора КазДА М.А. Машанова преподавательским составом КЦКТШ. Издание ПК ПМО.

103. Псалтирь на татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Центральная типография, 1914. – 214 с.

Формат: 16–26 см.

Переиздание книги 1891 г. (см. издания 1891 г.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архивные документы

1. ГАКО. Ф.237. Оп.74. Д.2287; Оп.165. Д.81.
2. ГА РТ. Ф.10. Оп.1. Д.661, 822, 992, 1185, 1324, 1655; Оп. 2. Д.1134; Ф.11. Оп.1. Д.102; Ф.92. Оп.1. Д. 2340, 12715; Ф.93. Оп.1. Д. 4, 364, 495, 818, 999; Ф.968. Оп.1. Д.14, 16, 82, 83, 86, 101, 105, 121, 150, 166, 168.
3. ОР РНБ. Ф.7. Д.35.
4. РГИА. Ф.733. Оп.170. Д.1046; Оп.173. Д.101; Ф.796. Оп.84. Д.4; Оп.100. Д.19; Оп.138. Д.1955; Оп.177. Д.876; Оп.205. Д.621; Ф.821. Оп.8. Д.800.

Законодательные акты

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. СПб., 1847. Т.XXII.
2. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государя императора Николая I. Т.I (1825–1835 г.). Пг.: Тип. Первой трудовой артели, 1915.
3. Сборник постановлений и распоряжений по Самарской епархии / сост. В. Соловьев. Т.1. Самара, 1899.

Делопроизводственные материалы

1. Акт открытия Казанской учительской семинарии. Казань, 1872.
2. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1884 год. СПб., 1886.
3. Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1868 год. СПб., 1869.
4. Отчет Вятского комитета Православного миссионерского общества за 1877. Вятка, 1878.
5. Отчет Казанской учительской семинарии за 1889–90 и 1890–91 учебные годы. Казань, 1892.

Список источников и литературы

6. Отчет Казанской центральной крещено-татарской школы за 1903–1904 учебный год. Казань, 1904.

7. Отчет о деятельности братства святителя Гурия от 4 октября 1871 года по 4 октября 1872 года. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1873.

8. Отчет о деятельности Братства святителя Гурия от 4 октября 1875 года по 4 октября 1876 года. Казань, 1876.

9. Отчет о деятельности Братства св. Гурия за 1911–1912 братский год. Казань, 1913.

10. Отчет о деятельности Братства св. Гурия за десятый братский год, от 4-го октября 1876 года по 20-е октября 1877 года. Казань, 1878.

11. Отчет о деятельности Братства святителя Гурия за семнадцатый учебный год. С 4 октября 1883 года по 4 октября 1884 года. Казань, 1884.

12. Отчет о состоянии Казанской центральной крещено-татарской школы за 1901–1902 учебный год. Казань, 1902.

13. Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве святителя Гурия. Казань, 1893.

14. Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве святителя Гурия за 1894. Казань, 1895.

15. Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани с 1 мая 1895 г. по 1 октября 1897 г. Казань, 1897.

16. Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани за 1905 год. Казань, 1905.

17. Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани за 1906 г. Казань, 1907.

18. Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г., за 1910–1911 г. Казань, 1911.

Список источников и литературы

19. Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г. за 1911–1912 г. Казань, 1913.

20. Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г. за 1913 г. Казань, 1914.

21. Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г. за 1914 г. Казань, 1915.

22. Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протоколы заседания от 3 марта 1907 г. Казань, 1908.

23. Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протокол заседания 3 марта 1908 г. Казань, 1908.

24. Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протокол заседания 18 сентября 1908 г. Казань, 1908.

25. Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протоколы заседания от 27 декабря 1909 г. Казань, 1910.

26. Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протоколы заседания от 20 октября 1911 г. Казань, 1911.

27. Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протокол заседания 27 декабря 1911 г. (№23) Казань, 1911.

28. Соображения о системе образования инородцев, обучающихся в губерниях Казанского учебного округа. (Представление попечителя Казанского учебного округа г. министру народного просвещения от 3 декабря 1869 г. за №379) // Отдельный оттиск без библиографических данных.

Сборники документов и материалов

1. Христианское просвещение и религиозные движения (реисламизация) крещеных татар в XIX – начале XX вв. Сборник материалов и документов / сост., авт. вступительной статьи, приме-

Список источников и литературы

чаний, научно-справочного аппарата Р.Р. Исхаков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011.

2. Хронологический каталог изданий Православного миссионерского общества на русском языке и на языках инородцев Поволжских, Сибирских и Кавказских. С 1862 г. по май месяц 1910 г. Казань, 1911.

3. Весна народов: этнополитическая история Волго-Уральского региона. Сборник документов / под ред. К. Мацузато. Саппоро, 2002.

4. Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И.Ильминского. Сборник документов и материалов / Авторы-составители: Р.Р.Исхаков, Х.З.Багаутдинова. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; Изд-во «ЯЗ», 2015.

5. Казанская центральная крещено-татарская школа. Казань, 1886.

6. Николай Иванович Ильминский. Сборник статей по поводу 25-летия со дня кончины его (27 дек. 1891 г.). Казань: Центральная тип., 1916.

Переводные издания

1. Азбука составленная из Российских церковной и гражданской печати, букв для обучения вотских детей чтению на их наречии (по Глазовскому). Казань, 1847 174 с.

2. Азбука составленная из Российских церковной и гражданской печати, букв для обучения вотских детей чтению на их наречии (по Сарапульскому). Казань, 1847 192 с.

3. Бадзым пражник-йос. Главные церковные праздники Господни и Богородичны. На наречии вотяков Казанской губернии. Казань, 1874. 102 с.

4. Буквардян сунг укый торган княгя / П.В. Егорова. Первая после букваря книга для чтения на крещено-татарском языке. Казань: тип. М.А. Чирковой, 1907. 91 с.

5. Букварь для вотяцких детей Сарапульского уезда Вятской губернии. Казань, 1882. 38 с.

6. Букварь для крещеных вотяков. Гожтет тодыте. Казань, 1875. 37 с.

Список источников и литературы

7. Букварь для мордвы-эрзи с присоединением молитв и русской азбуки. Издание Православного миссионерского общества. Казань, 1884. 103 с.

8. Вэсь марла книга (книга для чтения), на луговом наречии черемисского языка / сост. П.П. Глезденёв, В.М. Васильев. Казань: Центральная тип., 1907. 112 с.

9. Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на черемисском языке. Казань, 1906. 350 с.

10. Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелие. От Матфея. Милям Господ Иисус Христослэн чшн Евангелиеез. Матфей гожтэм Евангелие / Издание Православного Миссионерского Общества. Казань, 1877. 82+190 с.

11. Господан минек Иисусан Христиан святой Евангелия евангелистан Лукас-то. Сиорматодоз эрзян келсе. СПб., 1821. 90 с.

12. Господан минек Иисусан Христиан святой Евангелия Матфей, Марко, Лука и Иоанн пелдест. Сиорматодоз эрзян келсе. СПб., 1821. 425 с.

13. Иңмар косемесэз дашэскины кучкон книга. Начальное наставление в православной христианской вере на вотском языке (Ветхий Завет). Казань, 1893. 167 с.

14. История православной церкви до начала разделения церкви. На чувашском языке / сост. Н.В. Никольский. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1906. 207 с.

15. Книга для чтения на чувашском языке / сост. Н.В. Никольский. Вып.1. Казань: Центральная тип., 1907. 57 с.; Вып.2. Казань: Центральная тип., 1907. 184 с.

16. Краткий катехизис на горно-черемисском наречии. Казань, 1871. 88 с.

17. Краткий славяно-вотский словарь. Пособие к чтению Церковно-славянского текста Новаго Завнта. Издание Православного Миссионерского Общества. Казань, 1892. 70 с.

18. Начальное наставление в православной христианской вере. На вотском языке (Ветхий Завет) / Издание Православного миссионерского общества. Казань, 1898. 167 с.

19. Начальное учение православной христианской веры на вотском языке. Чын ден кингаез. Казань, 1874. 90 с.

Список источников и литературы

20. Первая книга для чтения на вотском языке / сост. И.С. Михеев. Казань: Центральная тип., 1907. 48 с.
21. Первоначальный учебник русского языка для вотяков. Казань, 1892. 121 с.
22. Первоначальный учебник русского языка для крещеных татар / сост. Т.Е. Егоров. 4 издание. Казань: Тип. М.А. Чирковой, 1907. 189 с.
23. Песнопения всенощного бдения и божественной литургии. Казань, 1886. 132 с.
24. Поучение о воспитании и обучении детей. На вотском языке. Казань, 1898 36 с.
25. Русские глагольные приставки и русские предлоги. Пособие для учителей при ведении разговорных уроков по русскому языку в чувашских школах / сост. Н.В. Никольский. Казань: Тим Имп. ун-та, 1906. 133 с.
26. Священная история Ветхого и Нового Завета. На вотяцком языке / Издание Православного Миссионерского Общества. Казань, 1877. 82+190 с.
27. Сокращенный молитвослов на вотском языке / Издание Православного Миссионерского Общества. Казань, 1887. 79 с.
28. Требник на вотяцком языке / Издание Православного Миссионерского Общества. Казань, 1882. 98 с.
29. Тунгалыш марла книга (букварь и первая после букваря книга для чтения). На восточном наречии черемисского языка / П.П. Глезденёв, В.М. Васильев. Казань: Центральная тип., 1907. 60 с.
30. Тунгалыш марла книга (букварь и первая после букваря книга для чтения). На луговом наречии черемисского языка / П.П. Глезденёв, В.М. Васильев. Казань: Центральная тип., 1907. 59 с.
31. Хоровые церковные песнопения на вотском языке. Выпуск первый. Казань, 1894. 16 с.

Литература

1. Александров Г.А. Чувашские интеллигенты. Биографии и судьбы. Чебоксары, 2002.
2. Алексеев Г.А. Чувашская интеллигенция: истоки. Чебоксары, 1997.
3. Амирханов Р.У. Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток-Запад» (на примере развития русской культуры). Казань, 2002.
4. Андреевский А. Дела о совершении языческих обрядов и жертвоприношений крещеными инородцами Вятской губернии // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Вятка: Тип. Губернского правления, 1881.
5. Апакаев П.А. Михеев Иван Степанович (1876–1937) // Просветители Марийского края. Йошкар-Ола, 1990.
6. Берестова Е.М. Православная церковь в Удмуртии (вторая половина XIX – начало XX века): Социально-культурная деятельность. Ижевск, 2005.
7. Богословский Г. Краткий исторический очерк Казанской епархии с приложением биографических сведений о казанских архипастырях. Казань, 1896.
8. Вахрушев А.А. Начало книгоиздательской деятельности на удмуртском языке // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т.11. №4 (5).
9. Верещагин Г. О книгах на вотском языке. Вятка, 1895.
10. Витевский В.Н. Н.И. Ильминский. Директор Казанской учительской семинарии. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892.
11. Вятские епархиальные ведомости. 1885. №12.
12. Вятские епархиальные ведомости. 1902. Часть неофициальная. №11.
13. Гаврилов Б. Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда, Урясь-Учинского прихода // Труды IV археологического съезда. Казань, 1891.
14. Горохов В.М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар в Поволжье. Казань: Тат. кн. изд-во, 1941.
15. Григорьев А.Н. Христианизация нерусских народностей как один из методов национальной политики царизма в Татарии.

Список источников и литературы

Со второй половины XVI в. до февраля 1918 года // Материалы по истории Татарии: сб. ст. Казань, 1948.

16. Григорьев В. О передаче звуков киргизского языка буквами русской азбуки (Письмо к Н.И. Ильминскому) // Отдельный оттиск из Ученых записок Императорского Казанского университета за 1862 г. Казань, 1862.

17. Гусаров Ю.В. Переводная чувашская книга второй половины XIX – начала XX века. К истории переводческой и издательской деятельности // Доклад на научной сессии Чувашского государственного института гуманитарных наук по итогам работы за 2016 год. Вып. 23. Чебоксары: ЧГИГН, 2016.

18. Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

19. Дружинин А. Историко-статистический обзор церковно-приходских школ и школ грамоты Казанской епархии за 11 лет их существования (1884–1895 г.). Казань, 1896.

20. Ерошкин Ю.В., Федосеева Н.А. Альбинский Андрей Данилович // История марийского края в лицах. XIV – начало XX в. Йошкар-Ола, 2012.

21. Зайцев Я.А. Миссионер и просветитель удмуртов Кузьма Андреев: дипл. богосл. КазДС. Казань, 2006.

22. Знаменский П.В. На память о Н.И. Ильминском. К двадцатипятилетию Братства святителя Гурия. Казань: Тип. Ильяшенко, 1892.

23. Знаменский П.В. О татарских переводах христианских книг // Отдельный оттиск без библиографических данных. Казань, 1894.

24. Знаменский П.В. О. Василий Тимофеевич Тимофеев. (Некролог). Казань, 1896.

25. Иванов А.Г. Всемарийское языческое моление 1827 года и действия властей // Марийский археографический вестник. 1998. №8.

26. Иванов И.Г. Вехи марийской письменности. Йошкар-Ола, 2007.

27. Износков И.А. Материалы для истории христианского просвещения инородцев казанского края. Вып.1. М.: Тип. А.И. Снегиревой, 1893.

Список источников и литературы

28. Ильминский Н. Воспоминания об И.А. Алтынсарине. Казань, 1891.
29. Ильминский Н.И. *Ex oriente lux* // Православный собеседник. 1904. Вып.1.
30. Ильминский Н.И. Записка об устройстве учебных заведений. Казань: Тип. Ключникова, 1904.
31. Ильминский Н.И. О переводе православных христианских книг на татарский язык при христианско-татарской школе в Казани // О переводе православных христианских книг на инородческие языки. Практические замечания Н. Ильминского. Казань, 1875.
32. Ильминский Н.И. Программа в учебных мастерских при Казанской учительской семинарии. Казань, 1891.
33. Инородческая сельскохозяйственная школа в крещено-татарском селе Шемуртбашах Казанской губернии // Православный благовестник. 1893. №23
34. Исхаков Р.Р. «Служит по мере возможности миссионерско-просветительным целям». Отчет о состоянии Казанской центральной крещено-татарской школы (1898 г.) // Кряшенское историческое обозрение. 2019. №1.
35. Каракулов Б.И. Удмурт литературной кыллэн сюресэз XVIII – XXI даурьёс. История удмуртского литературного языка XVIII – XXI века. Ижевск, 2006.
36. Каримуллин А. Татарская книга пореформенной России. Казань: Тат. кн. изд-во, 1983.
37. Кельмаков В.К. Вехи истории удмуртского языковедения. Ижевск, 2011.
38. Кельмаков В.К. Из истории удмуртского языкознания: первый опыт научного издания фольклорно-диалектологических текстов // *Lingustica Uralica*. 2001. №3.
39. Кубанцева И. А. Переводные книги XIX в., используемые в просвещении мордвы // Интеграция образования. 2013. №4.
40. Кубанцева И.А. Первые учебные пособия для мордвы // Регионология. 2014. №1.
41. Луппов П.Н. О первых вотских переводах источников христианского просвещения. Очерк из истории инородческих переводов. Казань, 1905.

Список источников и литературы

42. Луппов П.Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX в. Вятка, 1911.

43. Малов Е.А. Православная противомусульманская миссия в Казанском крае в связи с историей мусульманства в первой половине XIX в. // Православный собеседник. 1868. Ч.1.

44. Машанов М.А. Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования. 1867–1892. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892.

45. Михайлов В.Т. Марийская национальная учебная книга: история эволюции // Проблемы современного образования. 2013. № 5.

46. Можаровский А.Ф. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 года. М.: Университетская тип., 1880.

47. Мокшин Н.Ф. А.Ф. Юртов и М. Е. Евсевьев – просветители мордовского народа // Социально-политические науки. 2015. №2.

48. Никольский Н.В. Первая чувашская газета «Хыпар» // Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.chnmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=302&Itemid=43

49. Никольский Н.В. Переводческая комиссия в Казани и ее просветительская деятельность среди инородцев. Казань, 1905.

50. О системе просвещения инородцев и о Казанской центральной крещено-татарской школе. К пятидесятилетию системы и школы, а также необходимые справки к указанию Святейшего Синода от 29 мая 1913 за №8608 о просвещении инородцев. Казань: Изд-во П.В. Щетинкина, 1913.

51. Образцы мордовской народной словесности. Вып. 2. Казань, 1883.

52. Он перевел Евангелие // Заря. 1996. 6 сентября.

53. Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия / сост. Н.И. Ильминский. Казань Тип. Имп. ун-та, 1883.

54. Пислегин Н., Чураков В. Контактные зоны удмуртов и татар // История татар с древнейших времен в семи томах. Т.VI. Казань, 2013.

Список источников и литературы

55. Покровский И. К столетию кафедры татарского языка в духовно-учебных заведениях г. Казани (1800–1900 г.) // Православный собеседник. 1900. Ч.1.

56. Понятов А.Н. Миссионерская деятельность «Братства святителя Гурия» в Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007.

57. Прокопьев И.П. Переводы христианских книг на инородческие языки в первой половине XIX века. (Исторический очерк). Казань: Тип. Имп. ун-та, 1904.

58. Российское Библейское общество // Христианские чтения. 1872. Ч.1

59. Руновский Н. Очерк истории христианского просвещения инородцев Волжско-Камского края в связи с историей переводов на их языки до половины XIX столетия // Симбирские епархиальные ведомости. 1901. №12.

60. Сануков К.Н. Просветитель Павел Петрович Глезденёв. Очерк жизни и деятельности. Йошкар-Ола, 2005.

61. Сахарных Д.М. Из истории удмуртской письменности // Актуальные проблемы современной России. Сб. научных работ Вып.2. Ижевск, 2003.

62. Севастьянов С.Н. Народное образование в Оренбургском казачьем войске в XVIII – начале XIX столетия и начало учреждения войсковых школ. Оренбург, 1896.

63. Спасский Н.А. Просветитель инородцев Казанского края Н.И. Ильминский. Самара: Тип. Самарской духовной консистории, 1900.

64. Таймасов Л.А. История переводов священного писания на чувашский язык // Рукопись.

65. Таймасов Л.А. Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары, 2004.

66. Таймасов Л.А. Христианское просвещение нерусских народов и этноконфессиональные процессы в Среднем Поволжье в последней четверти XVIII – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2004.

67. Тараканов И. В. Удмуртский язык: становление и развитие. Ижевск, 2007.

Список источников и литературы

68. Учебная мастерская Казанской учительской семинарии // Отдельный оттиск из каталога Казанской научно-промышленной выставки 1890 г. Казань, 1890.
69. Федосеева Н.А. Истоки формирования художественной словесности народа Мари. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2017.
70. Феоктистов А.П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. Саранск, 2008.
71. Чекменева Т.М. Казанская «иностранческая» учительская семинария и ее роль в просвещении нерусских народов Поволжья: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1985.
72. Чичерина С.В. У приволжских инородцев. Путевые заметки. СПб.: Тип. В.Я. Мильштейна, 1906.
73. Шумилов Е.Ф. «Евангелие от Матфея» – первая удмуртская печатная книга (1823) // Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития. Материалы международной конференции. Ч.1. Фольклор, литература, краеведение. Библиотека – книга – читатель. Глазов, 1997.
74. Эфиоров А.Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири. Исторические очерки. М.: Учпедгиз, 1948.
75. Яковлев И.Я. Моя жизнь. Воспоминания. М.: Республика, 1997.
76. Dowler W. Classroom and Empire: The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities. 1860–1917. Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press, 2000.
77. Wert P.W. At the margins of orthodoxy mission, Governance and confessional politics in Russia's Volga-Kama region, 1827–1905. Ithaca and London: Cornell university press, 2001.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Братство св. Гурия – Братство святителя Гурия
ГАКО – Государственный архив Кировской области
ГА РТ – Государственный архив Республики Татарстан
КазДА – Казанская духовная академия
КДС – Казанская духовная семинария
КУО – Казанский учебный округ
КУС – Казанская учительская (инородческая) семинария
КЦКТШ – Казанская центральная крещено-татарская школа
МВД – Министерство внутренних дел
МГИ – Министерство государственных имуществ
МНП – Министерство народного просвещения
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ОРРК НБ КФУ – Отдел рукописей и редких книг Научной
библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского
федерального университета
ОУО – Оренбургский учебный округ
ПК – Переводческая комиссия
ПМО – Православное миссионерское общество
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
ПСПМНП – Полное собрание постановлений по Министерству
народного просвещения
ПСПР – Полное собрание постановлений и распоряжений
по ведомству православного исповедания
Российской империи
РБО – Российское библейское общество
РГИА – Российский государственный исторический архив
с.н. – сведений нет
Св. Синод – Святейший Синод
уч. г., гг. – учебный год, учебные годы

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ГЛАВА 1. Переводные издания на тюркских и финно-угорских языках народов Среднего Поволжья	6
1.1. Издания для татар-кряшен	10
1.2. Чувашские издания	38
1.3. Издания на мокшанском и эрзянском языках	64
1.4. Издания на удмуртском языке	84
1.5. Издания на марийском языке	106
ГЛАВА 2. Педагогические учебные заведения – центры переводческо-издательской деятельности и подготовки кадров творческой интеллигенции	130
2.1. Первые учебные заведения с двуязычной системой преподавания	131
2.2. Казанская учительская инородческая семинария	160
ГЛАВА 3. Периодическая печать и светское книгоиздание в эпоху «эмансипации» (1905–1917 гг.)	169
3.1. Светские учебные пособия	170
3.2. Периодическая печать	176
<i>Приложение 1.</i> Сочинения Н.И. Ильминского о методике переводов на тюркские и финно-угорские языки народов Среднего Поволжья	188
<i>Приложение 2.</i> Кириллические издания на татарском языке 1862–1914 гг. (Из фондов Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета). Аннотированный справочник	221
Список источников и литературы	262
Список сокращений	274

Исхаков Радик Равильевич

**ПРАВОСЛАВНАЯ ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА
И ФОРМИРОВАНИЕ ПИСЬМЕННЫХ ТРАДИЦИЙ
НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (XIX – начало XX вв.):
МОНОГРАФИЯ**

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева*

Корректор – *И.А. Муллина*

Подписано в печать 08.11.2021 г. Формат 60×84^{1/16}

Усл. печ. л. 17,25 Тираж 200 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии ООО «Фолиант»

г. Казань, ул. Профсоюзная, 17в

Тел.: (843) 212-52-25; e-mail: foliantkazan@mail.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф